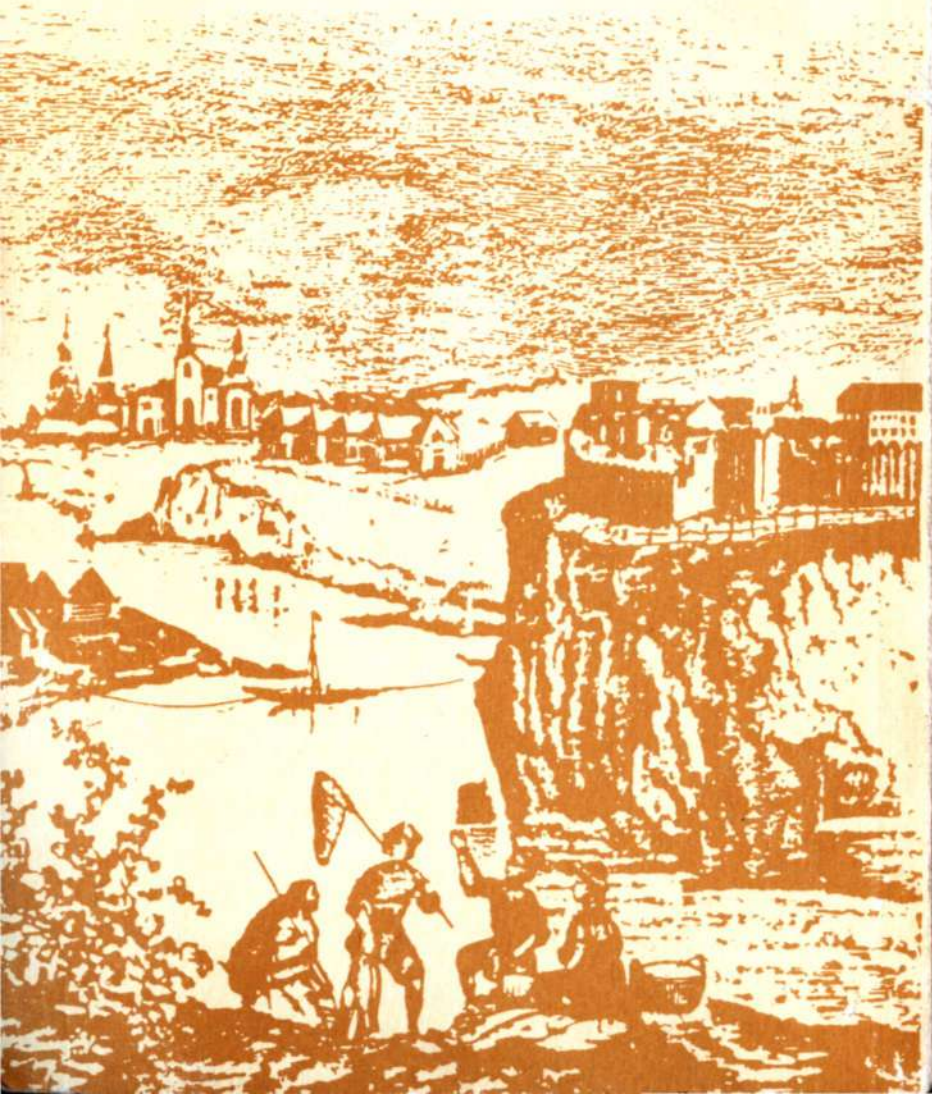
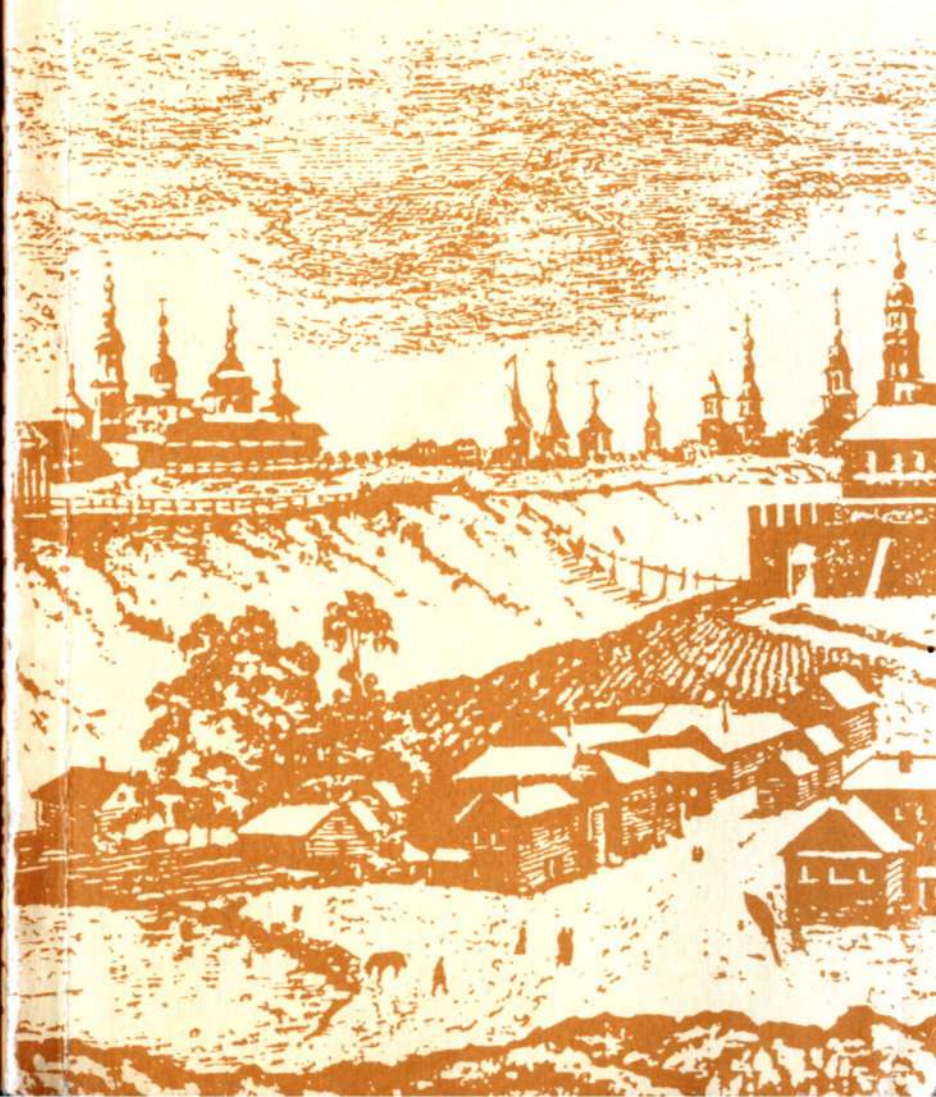
Цена 2 р.

В КНИГЕ ГАЛИ ВЛАДИМИРОВНЫ АЛФЕРОВОЙ (1912–1984), БОЛЕЕ 20 ЛЕТ ЗАНИМАВШЕЙСЯ ПРОБЛЕМАМИ ДРЕВНЕРУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ, НА ОСНОВАНИИ МНОГИХ ВПЕРВЫЕ ПУБЛИКУЮЩИХСЯ МАТЕРИАЛОВ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО В XVI–XVII ВЕКАХ РУССКИЕ ГОРОДА СТРОИЛИСЬ ПО СТРОГО ПРОДУМАННЫМ ПЛАНАМ, ПОЭТОМУ ПРИ СОВРЕМЕННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ГОРОДОВ, ВОЗНИКШИХ В XVI–XVII ВЕКАХ, СЛЕДУЕТ УЧИТЫВАТЬ ИХ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ОБЛИК И РАЗУМНО СОЧЕТАТЬ НОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО СО СТАРЫМ.



РУССКИЕ ГОРОДА XVI–XVII ВЕКОВ



Институт истории Академии наук СССР
Центральный научно-исследовательский инстит;
теории и истории архитектуры

Г.В.Алферова

РУССКИЕ ГОРОДА XVI-XVII ВЕКОВ

Москва Стройиздат 1989

УДК 711.03 (47)

Алферова Г.В. Русские города XVI-XVII веков/ Ин-т истории СССР АН СССР; ЦНИИ теории и истории архитектуры. — М.: Стройиздат, 1989.— 216 с: ил. - ISBN 5-274-00675-2

Г.В.Алферова (1912—1984), более 20 лет изучавшая вопрос о возникновении городов в Российском государстве в XVI—XVII вв., на основании источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, выдвинула гипотезу, что в XVI—XVII вв. города строились по строго продуманному плану, опровергая сложившееся мнение о том, что до XVIII в. русские города возникали стихийно. На основании анализа художественного строя городов XVI—XVII вв. автор утверждает, что уровень русского градостроительного искусства этого периода был значительно выше, чем считалось до сих пор, и поэтому при современной реконструкции таких городов, следует учитывать их первоначальный облик и разумно сочетать новое строительство со старым.

Для архитекторов и искусствоведов.

Печатается по решению Ученого совета Центрального научно-исследовательского института теории и истории архитектуры Госгражданстроя.

Рецензенты: кандидаты архит. А.С.Щенков, Р.М.Гаряев.

Научное редактирование и подготовка рукописи к печати — канд. истор. наук С.А.Пустовойт.

А $\frac{4902030000 - 286}{047(01) - 89}$ 211-88

ISBN 5-274-00675-2

© Стройиздат, 198'

Планировка поселений и особенно городов в значительной степени отражает уровень развития данного общества. Выбор места, приспособление к рельефу и окружающему ландшафту, распределение важнейших элементов будущего города (укрепления, дороги, торговая площадь, жилые кварталы) уже в древности было предметом размышлений и обсуждений. Преодоление стихийности и внесение элемента рационального расчета служит показателем высокого уровня развития.

Применительно к истории русских городов долгое время считалось, что впервые рациональная планировка по заранее составленному плану была проведена лишь в конце XVIII в. во время так называемого генерального межевания. Многолетние исследования Г.В.Алферовой в области истории русской архитектуры и градостроительства установили, что градостроительные принципы возникли значительно раньше, что в XVI—XVII вв. в России уже применялись тщательно обдуманные и твердо проводимые в жизнь правила строительства новых городов. В этом заключается основная ценность публикуемой книги.

Академик *Б.А.Рыбаков*

14.10.85 г.

КНИГА О СТРОИТЕЛЬСТВЕ РУССКИХ ГОРОДОВ XVI-XVII ВЕКОВ

Россия в XVI—XVII вв. переживала важнейшие периоды своей истории, поставившие ее в ряд крупнейших держав Европы. Внутриполитическая борьба XVI в. привела к усилению централизации государства, опиравшегося на служилое дворянство и поместное землевладение, и к закрепощению крестьянства. Союз с церковью дал государству сильную идеологическую опору и способствовал использованию через византийскую традицию некоторых достижений античных и передневосточных обществ. Включение в состав России Казанского и Астраханского ханств обезопасило существование страны с востока и открыло возможности освоения новых земель. Последовавшее затем присоединение Сибири положило начало освоению этого края как государственной властью, так и трудовым населением. Крестьянские и городские восстания, охватившие Россию в XVII в., были ответом трудящихся масс на те противоречивые процессы, которые шли в стране. "Новый период" русской истории, начавшийся в XVII в., связан со становлением всероссийского рынка, объединившего разные части страны уже не только политически и административно (что сделала государственная власть), но и экономически.

Одной из характерных черт развития России в XVI-XVII вв. было появление большого числа новых городов, значительное городское строительство. Здесь имеется в виду увеличение числа городов не только в социально-экономическом смысле этого термина, когда имеются в виду поселения, значительная часть жителей которых занималась торгово-промышленной деятельностью. Строилось много городов-укреплений, имевших военно-оборонительное значение. Во второй половине XVI в. известно более 50 новых городов , для середины XVII в. исследователи указывают 254 города , из них около 180 были посадами, жители которых официально зани-

Зимин А.А. Состав русских городов XVI века.//Исторические записки. — Т. 52. — М., 1955. — С. 336—347; Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. - М., 1955. - С. 261.

Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. — Т. 1, в. 2. — Киев, 1919. — С. 128—129; Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. — М., 1955. —С. 199.

мались торговлей и промыслами . В ряде случаев, как это показано в настоящей книге, при основании нового города его стены строились одновременно с жилыми и общественными помещениями.

Для структуры русских городов до XVIII в., как новых, построенных в XVI—XVII вв., так и старых, продолжавших жить в это время, свойственны черты, которые позволили назвать их ландшафтными городами свободной планировки. Эта система предполагает соответствие расположения строящихся зданий, их комплексов, этажности (высоты) и ориентировки по естественному ландшафту — низким и высоким местам, косогорам и оврагам, предполагает связь с естественными водоемами, выделение зданий-доминант, видимых из всех точек соответствующего района города, достаточное расстояние между зданиями и кварталами застройки, образующие "прозоры" и противопожарные зоны и пр. Этих особенностей в значительной степени было лишено строительство по регулярной планировке, начавшееся в России с возведением Петербурга и ставшее стереотипным в XVIII—XIX вв. Оно основывалось на других эстетических принципах и многое заимствовало из западноевропейских средневековых городов, хотя в России и приобрело национальные черты. Для западноевропейских городов было характерно стремление на минимальной площади, ограниченной городскими стенами, вместить максимальное число зданий с жилыми и призводственными помещениями, что приводило к постройке домов вдоль узких улиц, образовывавших сплошную стену, к большой этажности зданий, при этом верхние этажи нависали над улицей.

Важной исследовательской проблемой является определение того, что представляла собой эта ландшафтная система, предшествовавшая в России регулярной. Сложилась ли она и продолжала существовать до XVIII в. стихийно, не будучи осмысленной и нормализованной, и постоянно, в течение веков, также стихийно воспроизводила себя и при строительстве деревень.и при проектировании новых городов в XVII в.? Или она была осознанной нормализацией градостроительных принципов, удовлетворяющих условиям, существовавшим в нашей стране в течение многих веков и получила отражение в письменных памятниках? Ведь условия градостроительства на Руси и в странах Западной Европы отличались хотя бы тем, что у нас не было той скученности населения , которая не позволяла ставить городские дома один в отдалении от другого.

Водарский Я.Е. Численность и размещение посадского населения России во второй половине XVII в.//Города феодальной России./Сборник статей памяти Н.В.Устюгова. — М., 1966. —С. 282—290.

[2] Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. — М., 1941. — С. 85.

Важно также различие в строительном материале и его пожароопасное™: в то время, как во многих странах континента большое число выходов камня на поверхность делало его обычным материалом для постройки домов (в чистом виде или в виде фахверка — с деревянной связующей конструкцией) , на Руси камень добывался в отдельных районах, как правило, из-под земли, транспортировался по рекам и шел только на церкви, княжеские дворцы, крепостные стены[1] . Массовое деревянное строительство требовало особых строгих правил застройки не только производственных помещений, где постоянно применялись открытый огонь и высокие температуры, но и жилых зданий. В этих условиях естественно предполагать существование норм и фиксацию правил застройки города.

Эта тема нашла своего исследователя в лице автора данной книги, крупного советского историка архитектуры и общественного деятеля Г.В.Алферовой, скоропостижно скончавшейся в процессе подготовки монографии к печати. Гали Владимировна Алферова (25.VII. 1912—27.IV. 1984) окончила перед самой войной Московский архитектурный институт, в 1941—1944 гг. как инженер-фортификатор участвовала в Великой Отечественной войне, а затем посвятила свою деятельность истории русской архитектуры XVII в., защитив в 1952 г. кандидатскую диссертацию.

Большая часть ее научной деятельности протекала в стенах Центрального научно-исследовательского института теории и истории архитектуры. Здесь же ею была написана и эта монография, разделы которой неоднократно обсуждались в ЦНИИТИА. Широкая образованность и большой опыт исследования исторических городов (Москва, Псков, Старая Русса, Каргополь, Тотьма, Устюг, Смоленск, Козлов, Елец, Волхов, Воронеж, Гороховец и др.) в натуре и по архивным источникам XVI—XVIII вв. позволили ей не только разработать проекты сохранения и реставрации этих памятников русского градостроительства, но и предложить обоснованную гипотезу, касающуюся русской градостроительной системы того времени. Именно это соединение архивных и натурных исследований привело ее к мысли о существовании на Руси письменных правил планировки ландшафтных городов, обоснованием которой и является эта книга. Г.В.Алферова не раз выступала с докладами по этой теме в Институте истории СССР АН СССР и подготовила к защите докторскую диссертацию.

Источниками новой гипотезы, предложенной Г.В.Алферовой, являются в своей совокупности четыре основных поло-

[1] Викторов А.М., Звягинцев Л.И. Белый камень. — М., 1981.-С. 11-26.

жения. Во-первых, это реальное существование городов с ландшафтной свободной планировкой в XVI—XVII вв. и позднее, изображения которых были зафиксированы в свое время; некоторые из этих городов частично сохранились и до наших дней. Во-вторых, это наличие в архивах распоряжений центральной власти и других документов, предписывающих закладку городов по определенной схеме с выделением мест для различных составных частей города. В-третьих, это сохранившиеся в старопечатных книгах "Чины закладки города", связанные с освящением места, где он должен быть построен, и отражающие существовавшие на практике действия. Наконец.это сохранившиеся в русской письменности XIII—XVII вв. градостроительные нормы в форме переводного кодекса права Закона градского (Прохирона), 38-й титул (раздел) которого, состоящий из 64 глав, специально говорит "О здании (строительстве) новых домов и о поновлении ветхих, и о инех вещех".

Некоторые их этих положений выдвинуты Г.В.Алферовой не впервые, они были обоснованы и другими исследователями. Так, реальное существование городов с ландшафтной планировкой было показано в работах Л.М.Тверского и других исследователей, которые называются в книге. Автор добавила в пользу своей гипотезы положения о существовании общих письменных норм строительства городов, изложенных как в ритуальной форме освящения места будущего строительства, так и в виде светского сборника законов. Все эти данные, взятые в комплексе, очень важны для подтверждения гипотезы.

Ценность построения Г.В.Алферовой в определенной степени зависит от того, в какой мере можно считать, как это делает автор книги, что византийское законодательство в составе Кормчей книги и сборника Мерило праведное, включивших Закон градский, могло быть действующим источником права в России XVI—XVII вв. Ведь кормчие книги как сборники иноземного светского и церковного права были главным образом вспомогательным источником, к которому обращались тогда, когда соответствующие нормы в местном праве отсутствовали.

Исследование как самого текста Закона градского, так и включающих его сборников, позволяет думать, что это законодательство действительно могло быть таким источником, причем для XVII в. это еще более реально, чем для XV или XVI.

Этот памятник на Руси имел сложную историю, показывающую активное отношение к нему со стороны переписчиков-книжников. Это был перевод византийского свода права Прохирона 879 г., сделанный в XII в. на Афоне, возможно Саввой Сербским. Русские слова в переводе позволяют считать, что или в работе по переводу участвовали русские монахи афон-

ских монастырей, или в составе сербского литературного языка того времени было много русской лексики. Закон градский появился в Киеве в 1260-х годах в составе Кормчей Сербской редакции и начал отсюда свое распространение по стране. Он известен в кормчих книгах как в полном виде, с титулом о строительстве домов (известно 26 таких списков конца XIII—XVII вв.), так и в сокращенном виде, с пропуском большинства титулов и сохранением только пяти о заключении и расторжении браков, о дарах и завещаниях . Полный текст вошел наряду с Русской Правдой в состав сборников Мерило праведное, которые должны были служить пособием в княжеском суде. В составе Мерила праведного Закон градский известен в XIV—XVI вв. в Северо-Восточной Руси, на территории Русского централизованного государства. В XV—XVII вв. полный текст Закона вытесняет сокращенный, распространяясь и в кормчих книгах Сербской редакции, и в новых сводных русских редакциях — Чудовской редакции, соединенной с Мерилом праведным (37 списков XV—XVII вв.), Мясниковской редакции (семь списков XV—XVI вв.), Годуновской второй половины XVI в., Белозерской конца XVI в. Полный Закон градский соединен в одном сборнике с Соборным уложением 1649 г. и новоуказными статьями 1685 г., т.е. с действующим в России в это время законами[2] . На территориях Украины и Белоруссии, входивших в состав Речи Посполитой, полный текст Закона с титулом о строительстве домов был известен в составе кормчих книг Сербской редакции (девять списков XV — первой половины XVII в.) и украинских Киево-Академической (пять списков) и Тарновской редакциях XV в.

Особое внимание к Закону градскому было проявлено в середине XVII в. при кодификации русского права, издании Уложения 1649 г. и Печатной кормчей книги 1650—1653 гг. В Уложении был использован ряд глав Закона градского, и в том числе из титула 38 о запрещении использовать общую стену домов для пристройки к ней печи, о запрещении спускать нечистоты с верхних помещений на нижние (титул 38 главы 17 и 18, Уложение глава 10, статьи 278 и 279)[3] . В основу пе-

Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. - М., 1978. — С. 170, 121-123.

[2] Государственная Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Отдел рукописей. F.II.72. См. также: Щапов Я.Н. Прохирон в восточнославянской письменности.//Византийский временник, т. 38. — М., 1977.

[3] Тиктин Н.И. Византийское право как источник Уложения 1649 г. и новоуказных статей //Записки имп. Новороссийского университета. Т. 73. — Одесса, 1898; Бенеманский М.И. Закон градский. — М., 1917.

чатного издания была положена Сербская редакция Кормчей книги с полным Законом. Печатная Кормчая книга, изданная в Москве, стала авторитетным пособием для церковного суда и управления и сохраняла это свое значение до XIX в.

На особое внимание к титулу о строительстве новых домов в XVI в. (а для нашей темы это очень важно) указывает дополнительное включение в самом начале Кормчей книги, имевшей сокращенный текст Закона, листов как раз с опущенным прежде титулом "О здании новых домов..." .

Г.В.Алферова посвятила свою книгу истории строительства городов в XVI—XVII вв., т.е. последнему периоду перед введением регулярной планировки, хотя в статьях, опубликованных ею прежде, она писала о возникновении ландшафтной системы в более раннее время[2]. Однако таких письменных свидетельств, какие мы имеем о существовании фиксированных норм этой системы в XVI—XVII вв., для XI—XII вв. у нас нет. Как видно по изложенной выше истории Закона градского на Руси, он появился здесь только во второй половине XIII в. и до этого времени его установления "О здании новых домов..." в нашей стране известны не были. У нас нет данных, чтобы судить о том, были ли тогда на Руси известны какие-либо другие нормы градостроительства, получившие письменную фиксацию: до наших времен от XI—XIII вв. дошла лишь небольшая доля произведений , которая не отражает всего состава книг, существовавших на Руси в то время.

Однако было бы неоправданным считать, что градостроительство в Древней Руси велось без системы: археологические исследования опровергают это. Русская система свободной планировки скорее всего возникла и сложилась на основе ландшафтных условий Восточноевропейской равнины, наличия определенного строительного материала, существовавших эстетических принципов, традиционных норм взаимоотношений между владельцами усадеб, а также правил возведения оборонительных сооружений, существовавших у восточных славян. Эта местная система, развивавшаяся и имевшая практическое применение в течение многих столетий, получила по крайней мере с момента появления переводных византийских законодательных установлений и чинов освящения письменную форму и авторитетную поддержку в юридических сборниках, признанных церковью. XVI—XVII вв. — это

[1] ГИМ Барсов 158, сер. XVI в., лл. 1—2об; см: Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси. - С. 275.

[2] Алферова Г.В. Кормчая книга и Закон градский.//Художник,]^ 7, 1971. —С. 39—41.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. — М., 1984.

именно то время, когда строительство городов могло вестись уже на основании существовавших письменных норм, как это и показывает в своей книге Г.В.Алферова.

Исследование Г.В.Алферовой содержит положения, не со всеми из которых можно согласиться. Вероятно, если бы автор участвовала в подготовке рукописи к печати, то уточнила бы что-то по замечаниям рецензентов, нашла бы дополнительную аргументацию для некоторых своих построений. Однако в отсутствие автора подвергать книгу переработке — это значит посягать на его замысел и рисковать утерять то, что он вынашивал в течение многих лет.

Перед нами новое оригинальное исследование, в котором нашел отражение первый опыт объединения натурных и архивных изысканий для решения широкой научной проблемы истории русского феодального города.

Это исследование оказалось особенно актуальным сейчас, когда на XXVII съезде КПСС был поставлен вопрос о необходимости сохранения архитектурного облика древних городов, о роли, которую играют памятники истории в воспитании народа, была выражена поддержка общественного интереса к истории Отечества, богатству многовековой и многонациональной культуры, Г.В.Алферова предвидела это время и для него готовила свою книгу.

Член-корреспондент АН СССР Я.Н.Щапов

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Города, строившиеся на Руси до XVIII в., были нерегулярными и имели свободную планировочную структуру. Долгое время это объясняли тем, что такие города возникали стихийно или образовывались из разросшихся сел и деревень. К подобной точке зрения приводила недостаточная изученность истории русского градостроительства. Русским старинным городам отказывали в наличии в них градостроительного замысла. Поэтому реконструкция таких городов производилась без учета их первоначальной системы и художественных закономерностей. В результате допускались градостроительные ошибки, которые нередко вели к гибели выразительных силуэтов старинных городов.

Реконструкцию свободных по планировке городов в соответствии с требованиями регулярной системы начали проводить с конца XVIII в. Этот процесс продолжается вплоть до наших дней, в результате чего древнерусская архитектура понесла невосполнимые потери. В ходе реконструкции снесены многие памятники архитектуры; уцелевшие древние здания часто попадали в "колодец" новой застройки. Массовое новое строительство не считалось с пространственной системой исторических городов, их художественными закономерностями. Особенно ярко это оказалось в больших городах (Москва, Новгород, Курск, Орел, Псков, Горький, Смоленск и др.); менее искажались средние и малые. Кроме того, при реконструкции совершенно не учитывался природный ландшафт местности. Для удобства нового строительства в старых частях города производилась нивелировка городской территории: засыпались рвы, овраги, сглаживались скальные выходы. Все это вызвало тревогу широкой научной общественности. Историческая наука к этому времени уже располагала фундаментальными работами по истории городов академиков М.Н.Тихомирова, Б.А.Рыбакова, Л.В.Черепнина и др. Но градостроители, к сожалению, их трудами не воспользовались. Реконструкция и строительство в старинных городах велись без научно-исторической и архитектурной подосновы.

На первом учредительном съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) 9 июня 1966 г. говорилось, что градостроительные ошибки, искажающие историческое лицо города, — следствие неизученности русского города и некритического наложения на него западных теорий. Трудную задачу создания научного подхода к исторической застройке взяла на себя Секция архитектуры Центрального совета общества, основанная в 1966 г., членом бюро которой автор был со дня ее основания.

В 1966—1970 гг. члены секции выезжали в различные города (Вологда, Суздаль, Владимир, Смоленск, Архангельск,

Рязань, Калуга, Псков, Чердынь и многие другие) и пришли к выводу, что многие изготовленные в 60-х годах генеральные планы городов устарели. По предложению Архитектурной секции Общества этот вопрос обсуждался 9 июня 1967 г. на заседании президиума ЦС ВООПИК. Было принято решение совместно с Госстроем РСФСР внести в строительные нормы и правила специальный раздел "О сохранении и реконструкции городов с исторически сложившимся архитектурно-художественным обликом", а также "О порядке разработки, согласования и утверждения проектов городов в качестве дополнения к Инструкции по составлению проектов планировки и застройки городов".

В постановлении III пленума ЦС ВООПИК (октябрь 1970 г.) отмечалось, что в работе по сохранению исторических городов, их центров и ансамблей, имеется ряд проблем, требующих решения, что "отсутствует единая научно обоснованная методика разработки проектов планировки и застройки городов с ценным историческим наследием, а также методика проектирования охранных зон и зон регулирования застройки памятников истории и культуры. Разрабатываемые проектными организациями генеральные планы исторических городов по составу проектных материалов и по методике проектирования, как правило, не отличаются от генеральных планов вновь строящихся городов и не отвечают требованиям сохранения культурного наследия" .

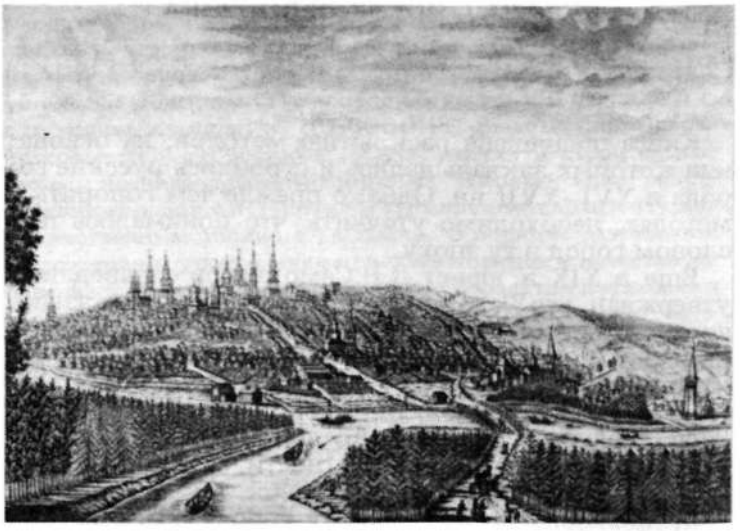
Сохранение городов, несущих в себе высокую культуру древности, стало в Советском Союзе делом государственной важности. 68 статья Конституции СССР (1977 г.) гласит: "Забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей — долг и обязанность граждан СССР". В законе "Об охране и использовании памятников истории и культуры" (1 марта 1977 г.) в целом ряде статей предусматривается бережное отношение в старинных городах к их планировочной и пространственной структуре, а также художественным закономерностям. Особая ответственность за это ложится на специалистов. Постановление Совета Министров РСФСР от 24 января 1980 г. № 54 "О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры в свете Закона СССР и Закона РСФСР об охране и использовании памятников истории и культуры" настоятельно требует разработок таких методов реконструкции городов и других населенных пунктов, при которых не погибал бы их художественный облик, сохранялась связь с природным ландшафтом. Однако недостаточная разработанность вопроса о методах возведения старинных городов и их художественных закономерностях тормозит внедрение в жизнь прогрессивных положений принятого законодательства.

Книга посвящена раскрытию методов, на основании которых закладывались и строились русские города в XVI-XVII вв. Однако прежде чем говорить о методах, необходимо уточнить, что понималось под словом город в ту эпоху.

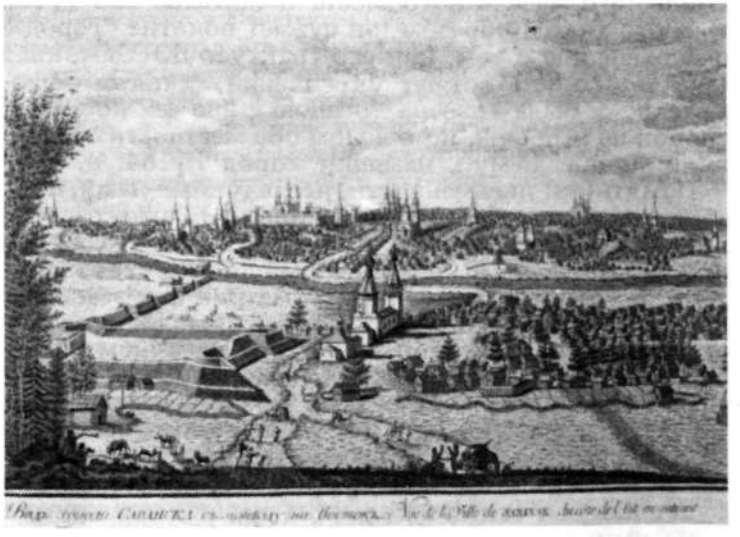
Еще в XIX в. юрист Д.Я.Самоквасов справедливо утверждал, что "слову город в древнерусском языке соответствовало множество значений, по современным нам понятиям не имеющих ничего общего как между собой, так и с нынешним понятием о городе". По его мнению в понятии "город" в допетровской Руси соединялись представления о его ограждении (т.е. крепости) и о той местности, которая лежала внутри ее и вне ее, как заселенной, так и незаселенной, принадлежавшей данному городу [164, с. 33] .

Иначе трактует понятие "город" В.Даль. Он определяет город как "городьба, ограда около жилья, поселения (крепость, крепостница, укрепленное стенами место внутри селения, кремль). Селение, обнесенное городьбой". Даль дает определение и староцерковному слову "град", которое имело "значение застроенного населенного места и жителей его" [78, с. 300]. Таким образом, он сужает понятие "город" по сравнению с тем, как его трактует Д.Я.Самоквасов. "Местность вокруг укреплений, — писал Самоквасов, — была названа "осадою", вне ее "посадом, слободою и проч.", но в целом обе местности составляли по-прежнему... название город" [164, с. 48].

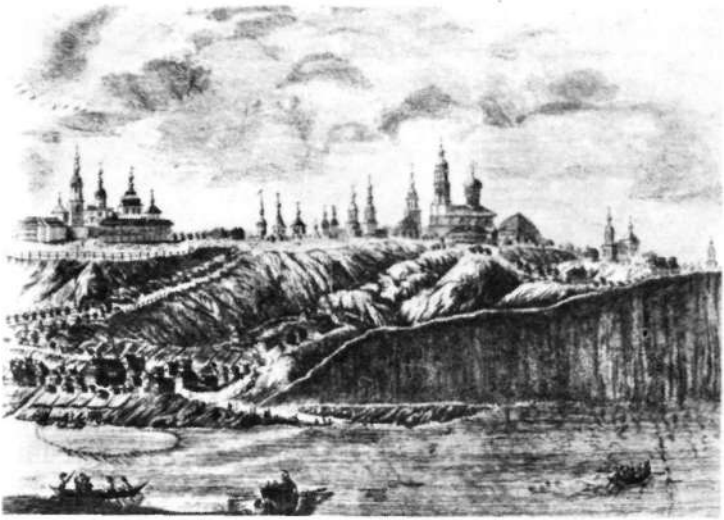
Памятники письменности, исследуемые нами, подтверждают справедливость мнения Д.Я.Самоквасова. Многообразие значений слова "город" хорошо прослеживается в рукописном документе конца XVII в.: "Книга именуемая геометрия или землемерие радиксом и церкулем". Рассмотрим два примера из этой математической книги, где на одном и том же листе рукописи под городом понимается сама крепость, а ниже — крепость со всеми прилегающими к ней заселенными и незаселенными землями. "Стоит град длина ему 589 сажен, а поперег тож 589 сажен и хощеши сметить что около того града сажен будет как ево четвероугольника учинити или кругом и ты умнож длину поперешником и раздели радиксом что на четвертый угол выдет положи в четверо и



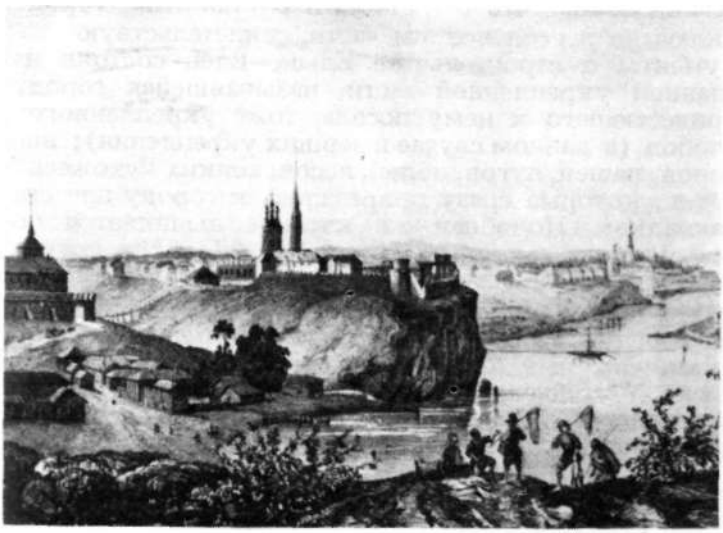
Вид города Пензы. Гравюра начала ХУШ в.



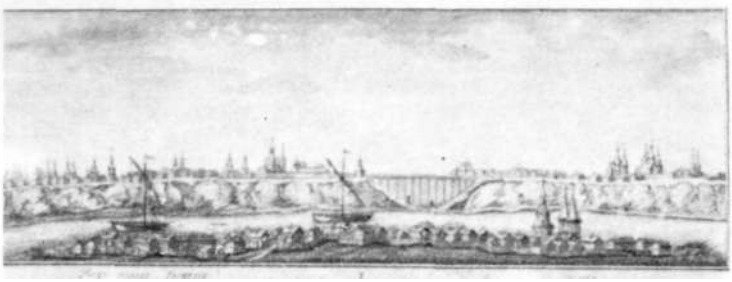
Вид города Саранска. Гравюра начала ХУШ в.



Вид города Свияжска. Гравюра начала XVIII в.



Вид города Верхотурья. Гравюра начала XVIII в.



Вид города Тюмени. Гравюра начала XVII в.

будет кругом того города мера". В этом примере мы имеем дело с вычислением длины крепостных стен, окружающих город. Однако на этой же странице вычисляется величина города со всеми принадлежащими ему землями, и все это вместе также называется град: "Стоит град в длину ево 40 верст, а поперег 8 ино что внем будет четвероугольных верст и что верст кругом всего будет"[1] .

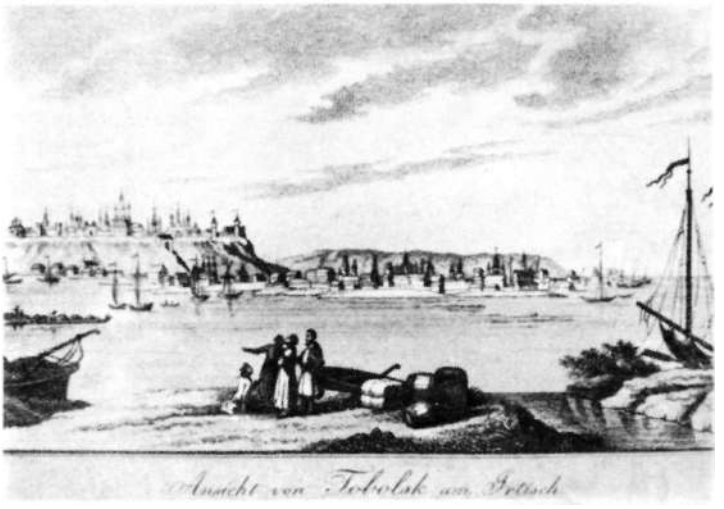
В книге город исследуется как поселение со всеми составляющими его частями: укрепленная территория (крепость), посад, слободы и прилегающие земли. О том, что в XVI-XVII вв. понятие "город" включало в себя все эти части, свидетельствуют документы о строительстве Ельца. Елец состоял из главной укрепленной части, называвшейся город; прилегающего к нему посада, тоже укрепленного; слобод (в данном случае имевших укрепления); выгонов, пашен, лугов, полей, лесов, всяких "ухожеев" и т.д., которые сразу прирезались к городу при его закладке[2]. Подобная же картина выявляется по росписям на закладку Нарыма в 1644 г.[3] и других городов.

Города в Русском государстве XVI-XVII вв. имели изогнутые по трассировке улицы, переулки и тупики, сложные по конфигурации площади. Город легко ложился на рельеф местности, плавно входил в природу. Его доминанты — башни крепости, храмы, колокольни — расставлялись свободно и царили

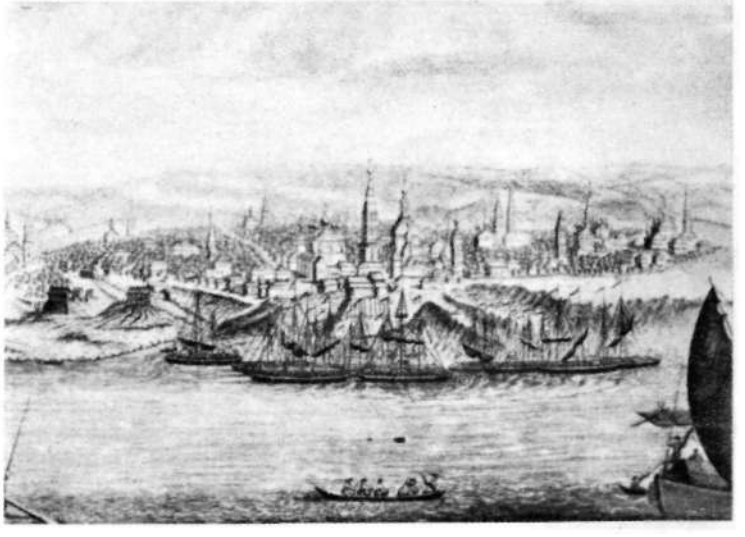
[1] Рукопись хранится в ОРГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина под шифром F.IX. 47, л. 12.

[2] ЦГАДА. Документы строительства Ельца, ф. 141, оп. 1, д. 1 св. 4, л. 144.

Там же, ф. 214, Сибирский приказ, стлб. 136, л. 83—86.



Вид города Тобольска. Гравюра начала XVIII в.



Вид города Чебоксары. Гравюра начала XVIII в.

Вид города Сызрани. Гравюра начала XVIII в.

Вид города Владимира. Гравюра начала XVIII в.

Вид города Томска. Гравюра начала XVIII в.

Вид города Мангазеи. Гравюра начала XVII в.

над низкой жилой и общественной застройкой. Дома на улицах строились с определенными промежутками — прозорами, каждому дому в жилых районах выделялся земельный участок, на котором располагались хозяйственные постройки, сады и огороды. Специальные земельные участки закреплялись за церквями и монастырями. Городу придавались пахотные и выгонные земли, всякие угодья, озера. Города ставились у водных артерий, чаще всего на возвышенности, но были и на равнинах. Их силуэты ви-

Вид города Новгорода. Гравюра начала XVII в

Устюжна Железнопольская. Рядовая застройка по "московскому образцу"

делись издалека или неожиданно возникали при выходе из леса.

Наблюдения над обликом старинных городов приводят к мысли, что они строились на основании градостроительной системы, еще не раскрытой и малоизученной. Поэтому важно выявить методы с помощью которых строились города в допетровской Руси.

Смоленск. Прозор между домами. Вид на доминанту

Вязники. Прозор между домами. Вид на доминанту

Вязьма. Ритм застройки

Вязьма. Ритм застройки

Вязники. Дом сложной конфигурации

Вид на город Гороховец с набережной. Связь города с ландшафтом

Для исследования нами выбраны города XVI-XVII вв. Во-первых, потому, что мы располагаем подлинными документами того времени, касающимися строительства городов. Дело в том, что именно в это время началось организованное хранение письменных материалов, которые откладывались в государственных учреждениях. В настоящее время они находятся в различных архивах СССР. Во-вторых, сохранились сами города, построенные в тот период. Во многих из них до сих пор существуют не только отдельные здания и ансамбли XVI-XVII вв., но целые районы, несущие печать первоначальной застройки, что дает возможность представить первозданный облик этих городов. В основном это малые и средние города центральной полосы России, Севера и Сибири: Каргополь, Устюг Великий, Устюжна, Лальск, Старая Русса, Смоленск, Вязьма, Дорогобуж, Волхов, Гороховец, Плес, Вязники, Мичуринск (Козлов) . Тамбов, Иркутск, Тобольск, Пенза, Сызрань и др.

Города этого типа называют живописными, нерегулярными, свободными по планировке. Однако все эти названия, по нашему мнению, не отвечают их сущности, ибо они строились на законодательной основе.

Поскольку город представляет собой сложный социально-экономический, политический, идеологический организм, им занимались представители различных наук: экономисты, юристы, правоведы, больше всего историки. Еще в XVIII в. началось широкое издание документов по истории русского государства.

В 1839 г. было опубликовано Полное собрание законов Российской империи. Археографическая комиссия стала систематически издавать документы, значительная часть которых касалась городов. В деле публикации документов большая заслуга принадлежит различным краеведческим обществам, университетам и другим государственным организациям, а также отдельным историкам, как дореволюционным, так и советским [6, 27, 30, 32, 33, 43, 85, 96, 102,132,171,196].

В книге рассматриваются города, возведенные в XVI-XVII вв., а также возникшие ранее, но перестроенные или перенесенные на новое место в этот период. Для анализа взяты те города, по которым имеются документы, содержащие конкретные сведения об их строительстве.

В XIX в. впервые был составлен список русских городов, издан обобщающий труд в семи томах — "Городские поселения в России". В советское время список городов XVI в. расширил и углубил А.А.Зимин [73; 89, с. 344-347; 136, с. 35-95; 193, с. 15] . В XVIII-XIX вв. наряду с изданием документов началось всестороннее изучение истории городов.

Многие труды дореволюционных историков Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева, А.П.Пригара, И.И.Дитятина, Д.И.Корсакова, А.П.Щапова, П.Н.Милюкова, Н.А.Рожкова, А.А.Кизеветтера, К.В.Неволина, Н.Д.Чечулина, Д.А.Самоквасова и других связаны с проблемой города. Однако вопросы о методах градостроительства в них не рассматривались. Ряд исследований дореволюционных историков посвящен руководству работами при строительстве крепостей, засечных черт, роли и деятельности воевод в городе (труды Б.Н.Чичерина, И.Андриевского, А.И.Яковлева [194; 29; 209]), что важно для нашего исследования.

Связь города с землей — один из краеугольных вопросов истории феодального города, а следовательно, и темы, разрабатываемой нами, так как мы исследуем вопрос о межевании городских земель в процессе закладки новых городов. В этом плане интересны работы П.И.Иванова, И.Е.Германа, И.Н.Миклашевского [91; 66; 67; 131] . Об организации защиты южных границ страны говорится в работе Ю.В.Готье [75]. В работах К.А.Неволина, П.В.Гурлянда, С.А.Шумакова [136; 77; 201] , посвященных приказной системе, затрагиваются и некоторые вопросы градостроительства.

Уже в XVIII в. начали изучать историю отдельных городов. Так, В.В.Крестинин писал об Архангельске и Холмогорах, И.В.Васьков о Костроме, Х.А.Чеботарев о городах Московской губернии.

Новый этап в изучении русского города начался после Великого Октября. В советское время некоторые историки близко подошли к вопросу о методах проектирования и строительства русских городов XVI-XVII вв., хотя специально этот вопрос ими не исследовался. Крупным вкладом в изучение русского города стали работы М.Н.Тихомирова [174; 175; 176; 177; 178; 179; 180; 181] . Важное значение для понимания характера русского города имеют работы А.М.Сахарова, С.В.Бахрушина, П.И.Лященко, П.П.Смирнова. Всесторонне исследовал русский город Н.Н.Воронин [51; 52; 53; 54; 55; 56] , устано-

вивший в нем наличие греко-византийских элементов. К этому же выводу подвели и нас изученные нами византийские законы, бытовавшие на русской почве.

Огромный материал по истории городского ремесла был исследован Б.А.Рыбаковым [162; 163]. Духовную жизнь горожан, творцов художественного облика городов, раскрыл Д.С.Лихачев. Некоторые стороны духовной жизни горожан глубоко исследовал А.И.Клибанов. С.А.Клепиков опубликовал планы Москвы, ознакомившись с которыми, М.Н.Тихомиров высказал предположение о том, что русские города вряд ли строились стихийно. Интересна для раскрытия представления о русском городе статья Я.Е.Водарского, в которой он касается вопроса об отличии города от деревни.

Работы Н.В.Устюгова и А.А.Зимина посвящены изучению роли приказной системы в управлении страной. Что касается работ по истории отдельных городов, то с точки зрения рассматриваемой нами проблемы заслуживают внимания труды В.П.Загоровского, изучившего по архивам Воронеж, и В.И.Кошелева. Эти авторы приходят к выводам, близким к нашим, хотя их не интересуют специально методы проектирования и строительства городов. Интересные статьи помещены в сборнике "Города феодальной России" (А.Л.Хорошкевич, Ю.Р.Клокмана, В.К.Яцунского, Л.В.Черепнина, К.Н.Сербиной и др.)-

В 1976—1983 гг. вышли из печати шесть сборников "Русский город (проблема градообразования) ". Опубликованные в них статьи представляют немалый интерес для нас. Так, автор одной из них В.В.Карлов солидаризируется с мнением А.М.Сахарова и Я.Е.Водарского, что город — не только крепость и огороженное место, а все поселение вместе со всеми землями, ему принадлежащими. Статья В.М.Возлинской посвящена градостроительным традициям. А.В.Куза доказывает, что деревня подчинялась городу.

Культура и жизнь русского народа XVI-XVII вв. всесторонне исследованы в "Очерках русской культуры" (М., 1970—1978). Подвергались изучению вопросы о том, что представляли собой крепости, засечные черты, поселения, жилища и многие другие.

Особое место среди русских городов принадлежит городам Сибири. Многие из них стали предметом специального изучения. Так, А.А.Преображенский показывает многообразие связей центра Руси и ее окраин

на первой стадии включения их в состав Русского государства. Работа А.Н.Копылова ценна тем, что дает представление о развитии культуры Сибири, хотя градостроительных аспектов он не касается. Важна работа Л.А.Гольденберга о проектной и строительной деятельности С.У.Ремезова и его сыновей [72] . В работе В.А.Александрова сообщается об обнаруженных им документах по архитектуре и планировке Иркутска XVII—XVIII вв., а также характеризуются городские бытовые постройки XVII в.

Много интересных статей содержат сборники по истории городов Сибири, в которых широко используются документы Сибирского приказа. Так, С.Н.Баландин привлек документы, показывающие, что некоторые города Сибири строились по царским и воеводским указам, что посылались инструкции о выборе места под город, составлялись чертежи и описи. Баландин исследует документы по Иркутску, однако градостроительных выводов он не делает. В статье Е.Н.Евсеева приведен материал о постройке Омска в начале XVIII в., близкий по своей сущности к материалам о постройке более древних городов. В статье В.Н.Курилова отмечается, что служилые люди Тюмени имели пашни и выгонные земли и владели деревнями при наличии государственного довольствия. Это согласуется с изученными нами документами о строительстве Ельца и других городов средней полосы России. А.АЛюциферская исследует вопрос о промышленном населении Томска. В статье Д.Я.Резуна говорится о том, что приказное делопроизводство содержит значительный материал о городах. Н.П.Кардин делает попытку реконструировать на основании архивного материала объемно-пространственную структуру Мангазеи. Но методов проектирования и строительства Мангазеи автор не касается. Н.М.Петров сообщает об обнаруженном им чертеже Томска, однако не раскрывает методов, на основании которых строился город. История основания города Томска прослежена З.Я.Бояршиновой, но самого процесса строительства города автор не показывает.

В книгах "Города Подмосковья" (т. 1—3, М., 1979—1981, издание продолжается) говорится о том, в каких условиях возникали города Подмосковья и какие функции они выполняли. Но градостроительные проблемы в них не рассматриваются.

Таким образом, знакомство с работами историков свидетельствует о том, что вопрос о методах проек-

тирования и строительства русских городов XVI-XVII вв. ими не изучался.

Работы историков градостроительства можно условно подразделить на три группы. Для первой характерно мнение о якобы стихийном сложении свободных по планировке городов. Наиболее ярко эта концепция изложена в работах А.В.Шкварикова, П.В.Сытина и разделяется рядом исследователей вплоть до сегодняшнего дня. О стихийном сложении свободных по планировке городов писали В.И.Кочедамов, А.И.Осятинский, правда, последний высказывает мысль, что в крепостях планировка была регулярной. В то же время он считает, что посады и слободы (возникавшие, по его мнению, позднее) росли стихийно, застраивались хаотично [76, 114, 115,142,143,197,198] .

Другая часть историков градостроительства полагает, что в России уже в XVI в. начало складываться регулярное градостроительство. Так, В.В.Кириллов считает, что сибирские города, в частности Тобольск, заложенный в XVI в., строились по замыслу и были городами регулярными по планировке [99] , что же касается нерегулярных городов со свободной планировкой, то они, по его мнению, в XVI-XVII вв. складывались стихийно.

Третье направление представлено трудами Л.М.Тверского, В.П.Шильниковской, В.В.Косточкина, А.А.Тица, а также диссертацией Е.М.Караваевой [95; 111,112,113,173,182,183,184,185,186,195] . Л.М.Тверской впервые высказал предположение, что нерегулярные города строились по замыслу и в качестве примера привел древний Киев. Однако он не располагал документами, подтверждающими его гипотезу.

Разделяя точку зрения Тверского, мы решили продолжить исследование вопроса об-истории возникновения свободных по планировке городов, выяснить методы, с помощью которых закладывались и строились города этого типа. Благодаря выявлению новых источников не только удалось доказать правильность предположений Тверского, но и выдвинуть ряд новых положений. Так, оказалось, что в свободных по планировке городах не было той тенденции к регулярности, которую предполагал Тверской. Города со свободной планировкой строились по определенной градостроительной системе. Эта система зиждилась на законах, правилах и нормах, которые определяли весь градостроительный процесс. Она отвечала требо-

ваниям обороны, создавала максимальные удобства для горожан.

В.П.Шильниковская справедливо утверждает, что древнерусские нерегулярные города, как правило, веками сохраняли свой первоначальный план, если только он не уничтожался в ходе намеренной перепланировки.

В.В.Косточкин специально не касался планировочной системы внутри крепостей и поселений за их пределами, но он детально исследовал методы возведения городских укреплений, как каменных, так и деревянных, рассмотрел вопрос о роли чертежа и образца в строительстве крепостных укреплений, ансамблей и отдельных зданий. В монографии, посвященной архитектурной деятельности Федора Коня, он приводит документы о закладке крепостных стен Смоленска, но не раскрывает сущность самого процесса.

Труды А.А.Тица носят историко-архитектурный характер и не касаются планировочной структуры городов, однако в работе "Загадка русских чертежей" (М., 1980) автор говорит и о градостроительных чертежах.

Е.М.Караваева, так же, как и В.П.Шильниковская, справедливо утверждает, что города в допетровской Руси коренным образом не перестраивались, а напластавания, возникавшие в процессе жизни городов, не уничтожали изначального градостроительного замысла.

Особое место занимают работы теоретиков градостроительства, которые доказывают необходимость изучения художественных закономерностей городов до начала их реконструкции.

В.АЛавров в своих ранних работах убедительно раскрывает сущность русских национальных традиций, своеобразие свободных по планировке городов, несущих в себе исконные черты русского градостроительства. Он рекомендует при реконструкции древних городов не противопоставлять прошлое и будущее, а добиваться их органической связи. Вместе с тем он считает, что старое должно быть поставлено на службу новому. В более поздних работах этот тезис становится доминирующим. В своей последней монографии о городах Лавров дает попытку проследить историю древнерусского градостроительства и показать его значимость для современности.

К.Ф.Князев рассматривает древние города как памятники градостроительного искусства. Он раскры-

вает сущность планировочной и объемно-пространственной структуры центров городов, улиц, площадей и считает большим достижением то, что 31 июля 1970 г. Госстрой РСФСР и Министерство культуры РСФСР выделили 115 исторически ценных городов. Мы считаем, что взятие под охрану лишь части исторических городов может привести к бесконтрольной реконструкции остальных.

С.К.Регаме обосновывает правила установления в исторических городах охранных зон и зон регулирования застройки. Охранные зоны проектируются на основании зон видимости. Однако этот метод не обеспечивает сохранность пространственной структуры древнерусских городов, теряющих в результате реконструкции свои живописные силуэты.

Над проблемой изучения и сохранения русских исторических городов, а также сочетания в них старой застройки с новой работают архитектуроведы О.И.Брайцева, В.В.Кириллов, И.С.Красовский, М.П.Кудрявцев, Т.Н.Кудрявцева, Г.Я.Мокеев, Т.Н.Соколова, А.С.Щенков, О.П.Щенкова и др. [100, с. 13; 119, с. 18; 120, с. 46; 121, с. 3; 134, с. 3; 135, с. 7; 168, с. 80; 206, с. 33; 207, с. 29; 208, с. 69].

Таким образом, хотя в имеющихся работах историков градостроительства и архитектуроведов рассматриваются некоторые вопросы строительства древних городов, раскрывается история создания отдельных городских объектов, но трудов, посвященных методам возведения всего городского комплекса, нет.

Учитывая слабую изученность методов проектирования и строительства русских городов XVI-XVII вв., нам пришлось для разрешения архитектурных вопросов широко привлекать исторические, юридические, математические материалы, сопоставлять сведения памятников письменности с графическими материалами, проверять их на натурных исследованиях. Весь огромный материал из разных наук должен быть прочтен и переосмыслен с позиций архитектурной науки. Такой метод исследования дал возможность получить новую информацию о старинных городах даже из опубликованных и известных историкам, археологам, палеографам, юристам и математикам (но не освоенных историками архитектуры) документов и материалов.

Одним из основных источников в предлагаемом читателю исследовании стали акты градостроительного законодательства, которые до этого практичес-

ки не привлекались архитектуроведами при изучении городов допетровского времени. Данные о средневековом градостроительном искусстве были также найдены в философских и богословско-юридических трудах (в составе Кормчей книги XII—XIII вв., Мерила праведного XIV в. и др.). Среди источников — градостроительные теории Аристотеля и Платона (V-IV века до н.э.), Юлиана Аскалонита (V в. н.э.), Закон градский (Прохирон, 878 г.), Ручная книга законов или Шестикнижие Константина Арменопула (XIV в. н.э.), Чин восследования основания города и Чин освящения вновь сооруженного каменного или деревянного города, находящиеся в требниках.

Письменные источники светского характера, связанные с градостроительством разных эпох, начали выявляться уже в начале XVIII в. Их обнаруживали и публиковали главным образом историки. Документы, в которых находились градостроительные материалы, изучались в основном лингвистами и историками, вопрос же о том, как закладывались и строились города, оставался неизученным. Одно из первых мест принадлежит документам, выявленным по городам Сибири Г.Ф.Миллером. Ряд источников, представляющих интерес, публиковался краеведческими организациями, которые действовали во всех крупных городах России.

В советское время материалы по городам публиковались В.П.Загоровским и Г.П.Анпилоговым, Г.В.Алферовой и В.А.Харламовым. Кроме того, материалы по градостроительным вопросам разбросаны в самых разнообразных изданиях, где они, затерявшись среди других сведений, не могут дать полного представления о методах проектирования и строительства русских городов. В этих случаях мы обращались к архивным источникам. Автор, будучи архитектором, вынужден был серьезно заняться изучением таких вспомогательных исторических дисциплин, как эвристика (теория и методика розыска документальных источников в архивах) и палеография. В различных архивах Москвы (ЦГАДА, ЦГВИА, ГИМ, ОР ГБ имени В.И.Ленина), в Ленинграде (ЦГИА СССР, ЛОИИ, ААН СССР, БАН СССР, ОР ГПБ имени М.Е.Салтыкова-Щедрина), Киеве (ЦИБ АН УССР) были выявлены и изучены новые неопубликованные документы и материалы, раскрывающие методы проектирования и строительства русских городов XVI-XVII вв., которые оказались в документах Разрядного, Поместного, Казанского дворца, Си-

бирского, Посольского, Малороссийского и других приказов. Материалы, впервые введенные автором в на> чный оборот, дополнили информацию о строительстве нерегулярных, свободных по планировке городов, полученную из опубликованных источников и литературы. В ходе поиска таких материалов были изучены архивы Вязьмы, Дорогобужа, Изюма, Илимска, Ельца, Казыкерменя, Киева, Козлова, Ливен, Любима, Москвы, Новобогородицка, Сергиевска, городов на реке Битюге и на Засечной черте, Старой Руссы, Сум, Тамбова, Темникова, Тобольска, Уфы, Царева-Борисова, Хотмышска, Челнов, Орла, Валуек, У сер да, Усмани, Воронежа, некоторых городов Белгородской засечной черты. Были также изучены описания русских городов, сделанные приказами в 1701 г. по заданию правительства по городам Киеву, Чернигову, Нежину, Переяславлю, Новобогородицку, Сергиевску, Самаре, Новгороду, Старой Руссе, Каргополю, Олонцу и др.

Автор впервые привлек к изучению городов XVI-XVII вв. геометрические руководства. Эти руководства, известные математикам, но неизвестные градостроителям, помогли раскрыть технику закладки городов, приемы и способы межевания городских земель, расчет дорог и т.д. Так, в рукописной "Книге геометрия или землемерие радиксом и церкулем" имеются указания на оригинальные инструменты, с помощью которых на местности определялись места будущих частей и сооружений города[1] . Чертежи будущего города были рисованными (XV 1-X VII-XVIII вв.). Документы свидетельствуют, что все градостроительные работы, как по возведению новых городов, так и по реконструкции старых, велись по чертежу, росписи и смете. Нами в архивах были найдены не только неизвестные чертежи, но и подлинные росписи (Нарыма, Олонца) и сметы (городов Белгородской засечной черты), как на постройку отдельных учреждений, так и целых городов (Старой Руссы, Смоленска).

Начиная со второй половины XVIII в. до начала XIX в. комиссиями Генерального межевания были

В современном градостроительстве этот процесс закладки города называется функциональным зонированием. В дальнейшем мы будем применять этот термин и для средневековых городов, ибо сам процесс такой закладки города существовал в глубокой древности, хотя и не носил этого названия.

инструментально отсняты планы всех городов, предназначенных для реконструкции по регулярным планам. Очевидно, что все они были "свободными" по планировке, но их пространственная система зафиксирована в то время не была. О многих из них мы не имеем сведений, о некоторых — весьма скудные, полученные из гравюр, рисунков XVIII в. и фототооткрыток XIX в.[1]

Анализ опубликованных документов и архивных материалов дал возможность выявить методы строительства городов в Русском государстве XVI-XVII вв. и организацию работ по их возведению. Проделанная работа привела автора к выводу, что нерегулярные, свободные по планировке города — одна из вершин мирового градостроительного искусства. Они подлежат сохранению и изучению, чтобы все лучшее, присущее древнерусской традиции, использовать в современном градостроительстве.

ГЛАВА II. ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРИНЦИПЫ ЗЕМЛЕМЕРИЯ

ЗАКОН ГРАДСКИЙ (ПРОХИРОН)

До сих пор исследователи не располагают отечественными источниками, где в письменной форме были бы зафиксированы нормы и правила, по которым строились города на Руси до середины XVII в. Вместе с тем, в архивах сохранились старопечатные книги с описанием ритуала закладки городов; переводной кодекс права (Закон градский), содержащий византийские градостроительные нормы. Он был включен в Кормчие книги Сербской редакции и распространялся в XIII-XVII вв. в Российском государстве в составе как различных редакций Кормчих книг (сборников церковного и светского права), так и сборников Мерило праведное (которые были пособием в княжеском суде).

Вплоть до недавнего времени среди исследователей, изучавших Кормчую книгу, не было архитекторов. Этим объясняется то, что тексты, связанные со

[1] Эти материалы хранятся в ГБ имени В.И.Ленина и в ГИБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, ГНИМА им. А.В.Щусева.

Чин и вослѣдованіе обновленія града.

Пришедшу архіерею, или священнику, (не сущу архіерею,) и ставшу на мѣстѣ идеже средніе града быти имать, тамо же приготовленну сущу Тетраподу, сирѣчь: столцѣ, чимо покровенну, и на немъ Евангеліи и Крестъ сущу, и воду в сосудѣ и: Ѳиміамъ, и кропилце: облачится въ священныя одежды, или иные творит малое обновленіе воды Агіасмовы.

По сконченіи же сего, кропитъ все мѣсто наименже стоитъ, Таже идетъ окрестъ противъ солнца мѣсто, идеже быти имать стѣна градская, и идый кропитъ є, глаголя:

Въ имя Отца, и Сна, и Стаго Духа, Аминь.

Пѣвцы поютъ Трс: Глас, а. Спси Гди люди своя: Милуяжды. Потомъ Кс: Гла, д. Воспѣвшемъ на Крс вомъ:

Таже, Стіры сіи Глас, а.

Же Боже нашъ, премудростію всѣхъ содѣлавый, и ѡ нихъ же ничтоже въ бытіе приведый: благій основаніе града сего, и въ совершеніе приведый, невреждем ѡ всякаго злаго обстоянія всегда сохрани, вѣрныя же Князя нашя своею силою вовеселяй, побѣды дая имъ на супостаты, даруя намъ миръ и велію милость. Сіе поѣ, а. Сла: Глас, д.

Подобный Гди кроткому Давиду побѣдити иноплеменника, и вѣрны Князѣ нашя съ подобствуй: и орудіе Крта низложи враги наша. покажи марде нана древняя милости твоя, да разумѣютъ вонистинну яко ты єси Богъ нашъ, и на тя надѣющеся побѣждаемъ, молящеся

Петр Могила. Требник. Т. 2. Киев, 1646, л. 174

Да благо́ит҃ъ ва҃ Гд҃ь ѡ҃ Сіѡ́на, и̑ да и҃спра́вит҃ъ дѣла́ рукъ ва́ших҃, и̑ да бу́де ма́ть е҃гѡ҃ на всѣ҃хъ сла́сѣ, въ вса҃ дни́ живота́ на́шегѡ, А҃ми́нь.

А҃ще́ же и҃де́т҃ъ па́ки на пре́дняя мѣ́ста пѣ́ти Догма́тикъ Гла́са сего́. Подо́бенъ ѹ҃тре́нія: Сконча́вше пѣ́нія, творя́т҃ъ ѡ҃бы́тный дне́вный ѡ҃пви́т҃ъ: И̑ ста́вленъ сщ҃е́нническа ѡ҃дѣ́жды, и҃де́т҃ъ въ хра́мъ.

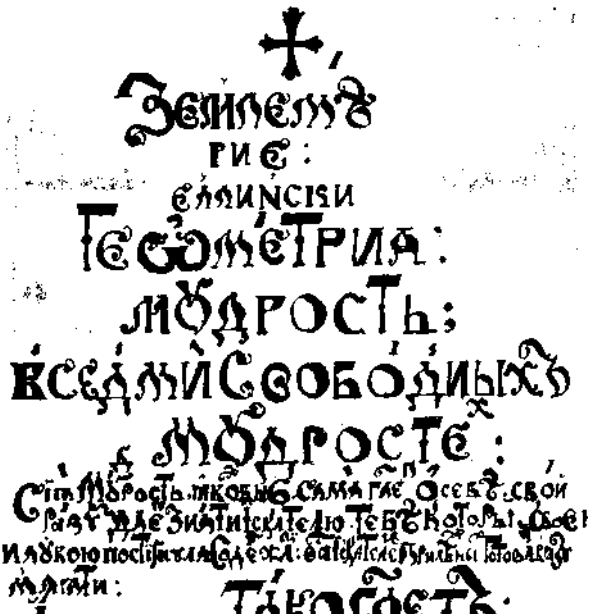
Чи́нъ бл҃гов҃ѣ́нія новоосвященнагѡ

ка́менна́гѡ, и̑ли̑ древа́нагѡ Гра́да.

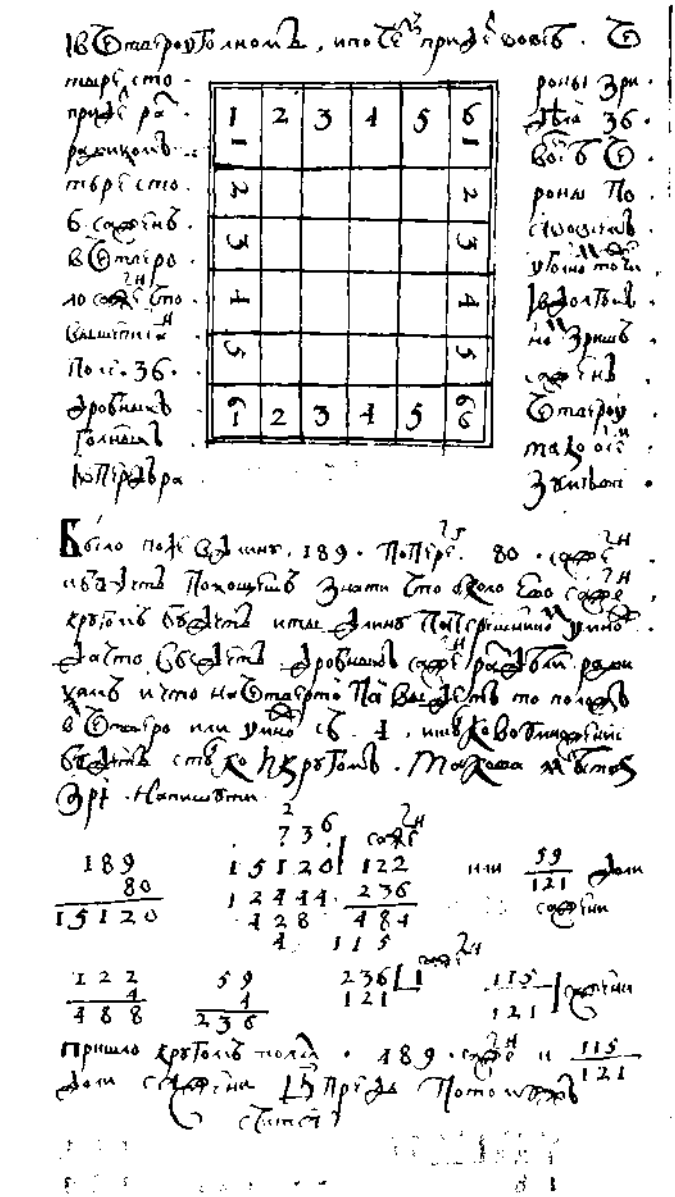
Епи́скопъ, (а҃ще е҃сть҃) ѡ҃блече́т҃ъ ве́рхнюю ма́нтію и̑ Епитрахи́ль, Омофо́ръ, и̑ Ми́тру, и̑ же́злъ взе́мъ въ ру́цѣ: а҃ще же Намѣ́стникъ е҃гѡ҃, въ Епитрахи́ль и̑ Фело́нь, и̑ посре́дѣ Гра́да поста́вленъ сѣ́дѧ столу́ цр҃ко́вну покрове́нну, и̑ напе́мъ Е҃ва́нгелія и̑ Кр҃тъ, и̑ водѣ́ всосу́дѣ къ ѡ҃щ҃е́нію гото́вой сщ҃и́ѧ, покади́т҃ъ кр҃тообра́зно, напи́ле́т҃ъ ѡ҃ки́пно: Гла́вит҃ъ Бг҃ъ на́: И̑ соверша́ема мало́ ѡ҃щ҃е́нія водѣ́, сі́ет҃ъ, Ла́гѹтово. съверша́вше ѡ҃щ҃е́нія ветворя́ ѡ҃пви́т҃а ни́же кропя́т҃ъ. Дїа́конѹ же держа́щѹ сосу́дъ въ е҃ди́ном҃ъ ру́цѣ, Напа́сникъ бла́гаѧ т҃ри́жды гла́ѧ ле́ствицею, гла́: Въ и҃мѧ Ѻ҃ц҃а, и̑ Сн҃а, и̑ Ст҃аго Дх҃а, А҃ми́нь. И̑ сіе́ т҃ре́ма е҃ди́нымъ Ма́тѳе́ѧ. Г҃и Бж҃е на при́зри ни́зпослѣ мла́тѳенъ: Зен на за́дѣ на Лн҃, рѕ҃а. Сконча́вшѹ же е҃ди́нѹю Ма́тѳѣ, Дїа́конъ рече́т҃ъ: С҃ ѹ҃мле́нїемъ вси́ колѣ́на прекло́ните, Гд҃ѹ помоли́мсѧ. Напа́сникъ сіе́ гла́т҃ъ Кли́ромъ и̑ Лю́дми коле́на прекло́ня, гла́т҃ъ вели́ча́йшею съ вса́кимъ ѹ҃мле́нїемъ Ма́тѳе́ю.

Бо́же и҃же Хр҃е Бж҃е на кр҃е́пости и̑ ѹ҃тверже́нїе, и̑ прибѣ́жище ѡ҃пова́ющи́мъ на́ма, бл҃гоизво́ливый въ съверше́нїе сво́имъ бж҃ѣ́ственнымъ промы́слѡмъ и̑ заступле́нїемъ гра́дъ

Петр Могила. Требник. Т. 2. Киев, 1646, л. 186


Землемѣрие:
сиречь
Геометрия:
мудрость;
всѣдмий свободныхъ
мудросте:
Сія мудрость якоже самаго Осѣва свои
ради дѣзи тися телю тебѣ которыя всѣ
изыскою постигахомъ дѣдеи: ваши сыновомъ
мудрости:
Такоже:
Язвѣ сіе сѣ[ѣ]ла трѣ[ѣ]ста сообща : радѣ[ѣ]нно у[ѣ]пою .
Геометриѣ ѣ[ѣ]ллинскаго названіе . Простонародно землемѣріе
нарекоша радѣ[ѣ]ніемъ сообщи Познаѣтъ
то всѣдмій землемѣріе сообщи сіе бываетъ .
Праздникъ простонародныхъ сторонъ остритъ .
остроконечныхъ кругловидно творитъ .
Язвѣ Познать и показать наученъ сообщи братіи
ищетъ хотящимъ знати удобно історіи .
Язвѣ сіе писаніе сопи ищу такъ
обрѣзаніе остритъ здѣлано .
Имя сообщи мѣстъ мѣрѣ Познаваѣтъ .
И что сего вѣдомо хощетъ никтоже
Іщетъ ѣ[ѣ]ллинскаго Сторонуомно сказать удобно
такъ ѣсть кругла мѣрѣ Цирк[ѣ]ль сѣ[ѣ]ла.

"Книга именуемая геометрия или землемерие радиксом и церкулем". Титульный лист



"Книга именуемая геометрия ...", л. 6 об.

Стоитъ Градъ Длинъ 589 сажень Поперегъ
тожде 589 сажень. Хотящимъ свѣтити что было
того Града сажень въ немъ Длина Стѣны
рублена убинати или и кровлю или умножь
Длину по Перешнюю Гридню да приложи къ
тому на Стагрто Уголъ выйдетъ Полуди въ Сто
ро Нѣвлетъ кровлю того Града мѣра. Зри

589
589
5301
4712
2945
34692 1

1 2
9 0 5
3 4 6 9 2 1
2 5 0 4 6 4
1 6 5 2 7
8 1 5
1 0

С
столно
589
Гегагроугольно

589 9/4
2356
столно

Зри пришло столно въ Градѣ 2356 сажень

Было поле Длинъ 189 сажень Поперегъ 80
сажень Хотящимъ знати что столько сажень
кровлю въ Стагрто Голно въдетъ ихъ Длину По
Перешнюю умножь на Сто въдетъ кровельныхъ
сажень да приложи къ тому на Стагрто
Па выйдетъ то длинно и ли широко кол
кажденъ въдетъ столько и кровлю того
мѣста. Зри Написано.

Стоитъ Градъ Длинъ Сто 40 Верстъ а по
Перегъ 8 ино что внизъ въ Стагроугол
ныхъ верстъ и сто верстъ кругомъ въ Сто
въдетъ. . . Зри

40
8
320

2 3 1
3 2 0
1 2 9
1 8

17 31/189

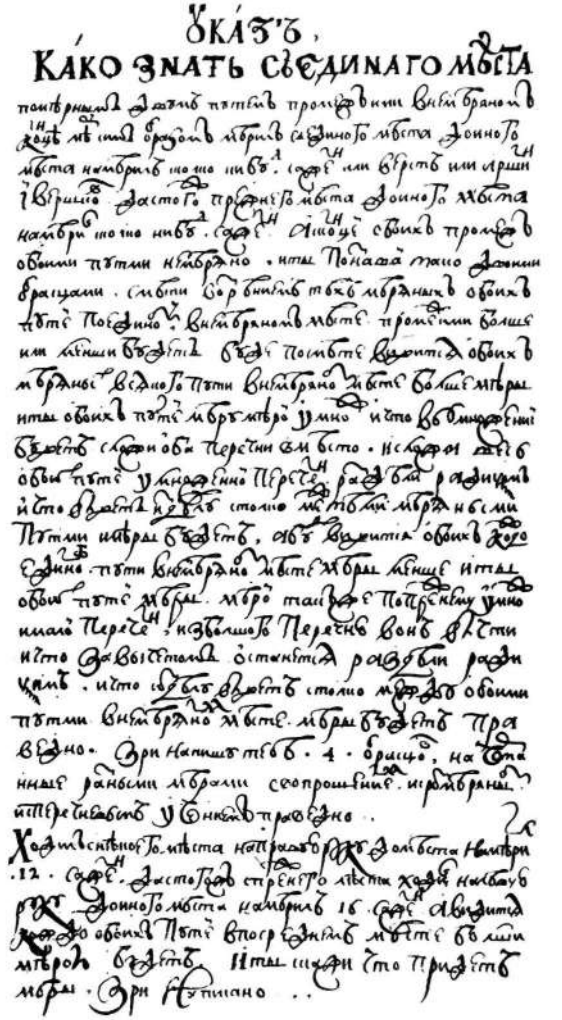
17
4
68

31
4
124

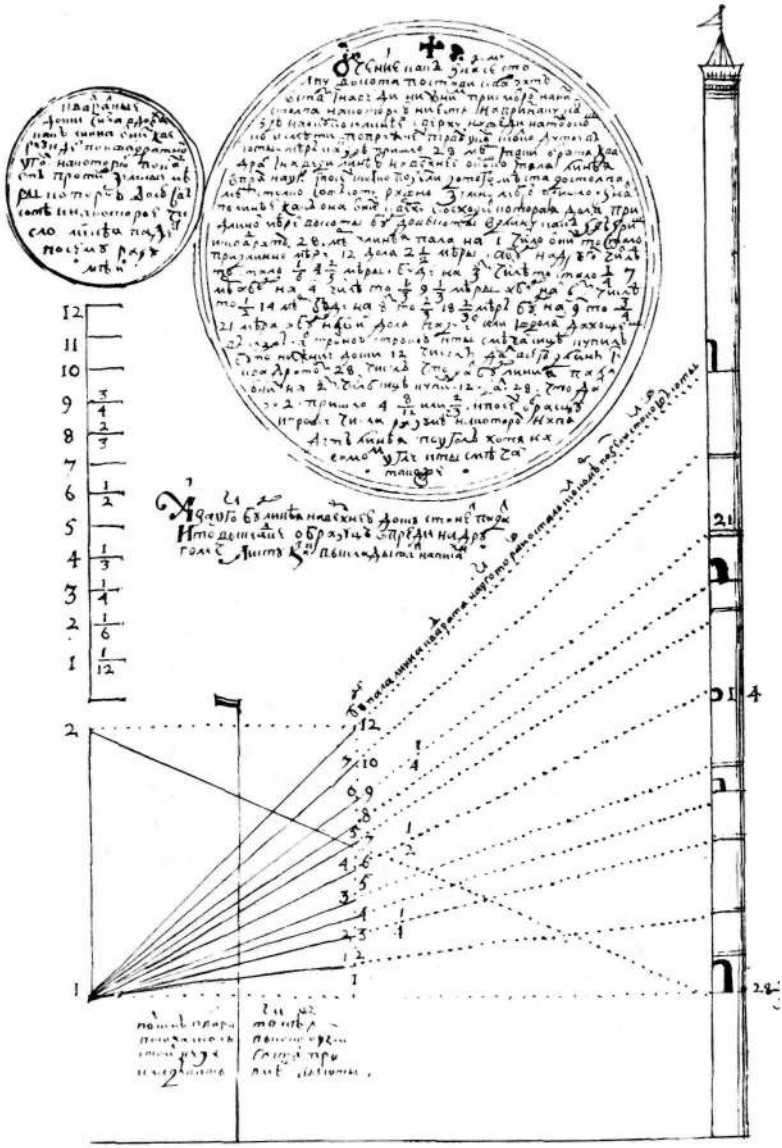
1 3 4
189

"Книга именуемая геометрия ...", л. 7

Указъ,
Како знать сѣдинаго мѣста



"Книга именуемая геометрия ...", л. 24



"Книга именуемая геометрия ...", л. 51 об.

. *отсАН\е*л. .

L-C°Г

>'** (/«4 11 ""-д»л ^мгг йлмг 1 дин

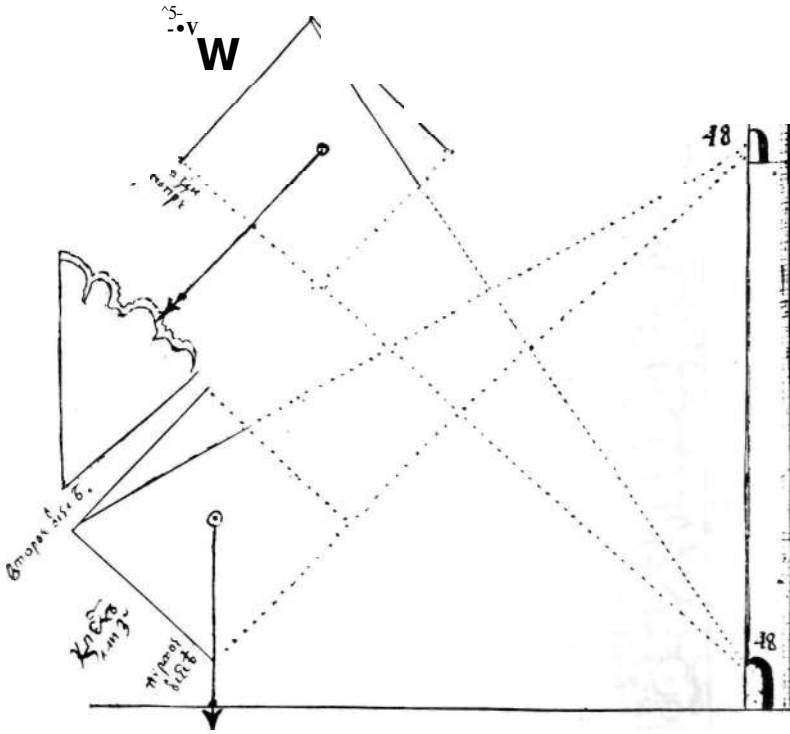
_____•_____, I Jt- 4AW V7* 4 •
- . ^ . Д< 11ЧДИЛ «*^Ь Н1ЛЧ 3 • *< *Ktomtta^* (V-lb>4HH &4.cTTan<* ,

:-•. 3 - — *LX*—. <* . •* >л

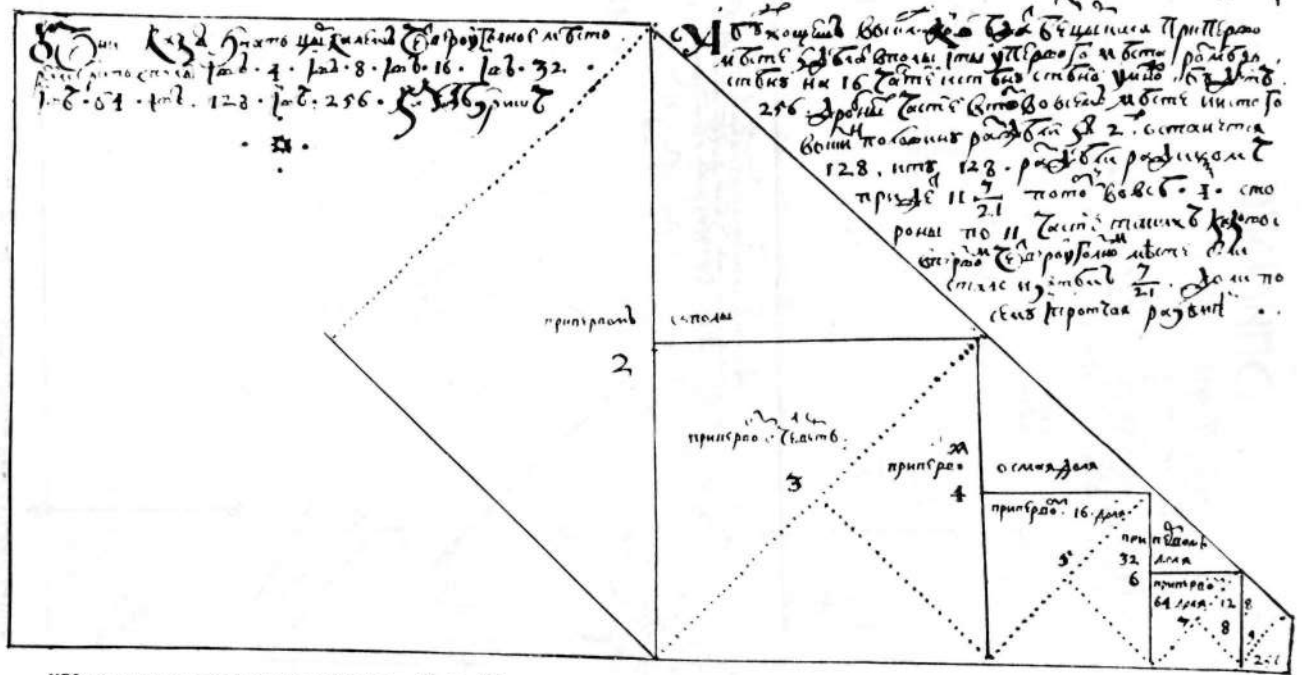
М 1
./

48

^лfel»^f'



"Книга именуемая геометрия ...", л. 52



"Книга именуемая геометрия ...", л. 61

строительством, не были в ней выявлены и переведены на современный русский язык. Лингвистов эти тексты не заинтересовали. Кроме того, ряд разделов Кормчей книги, как, например, гл. 49, именуемая Закон градский (по гречески Прохирон), включающая градостроительное законодательство, представляла трудности для перевода [35; 87; 94; 136; 158; 204; 205] . Эти трудности возникли потому, что за время, прошедшее с XII в., изменилось значение многих слов, в результате чего понимание славянского перевода, сделанного с греческого в XII в., стало затруднено. Перевести строительный текст XII в. без участия историков архитектуры было невозможно. Перевод этого текста, сделанный Е.Н.Бируковой при нашем участии и консультациях М.В.Щепкиной, опубликован в 1973 г. [20] .

Примером неудачного перевода градостроительного текста с греческого на русский, сделанного в прошлом веке без помощи архитекторов, может служить византийский труд "Шестикнижие" фессалоникского номофилакса и судьи Константина Арменопула XIV в. [31] . Перевод порою бессмыслен, так что уловить по нему существо византийского градостроительного законодательства не всегда возможно.

В XVII в. другое сочинение Константина Арменопула под названием "Божественные правила и греческие законы" переводилось на славянский язык Епифанием Славинецким[1] . Однако перевод не был опубликован и сохранился в рукописи.

Трудности изучения древнерусского градостроительства усугублялись тем, что правительство в конце XVIII в. начало внедрять в практику реконструкции русских городов хорошо изученные западноевропейские принципы. Исконную древнерусскую "свободную" систему планировки стали чисто административным путем заменять на регулярную. Это было вызвано глубокими социальными сдвигами, изменившими функциональное назначение городов. Изменился и эстетический эталон. В жизнь начал входить новый художественный принцип: "красота регулярства".

[1] ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 289. Первый перевод был сделан в Москве в 1663 г., второй — в 1686 г. в Холмогорах в архиерейском доме. В 1691 г. архиепископом холмогорским и важским перевод был подарен архангелогородскому и холмогорскому воеводе А.А.Матвееву. Рукопись написана скорописью XVII в. на 645 листах. Русский перевод византийских градостроительных законов делался в XVII в.

Правительственные мероприятия по реконструкции средневековых городов мотивировались тем, что узкие и кривые улочки опасны в пожарном отношении, а маленькие площади мешают организации на них торговли. В указах Екатерины II говорится, что русские города нуждаются в реконструкции, в замене "случайной" градостроительной системы "разумной".

Изучение многочисленных рукописных экземпляров Кормчей книги, имеющихся в разных городах, позволяет установить, что в основе свободных по планировке городов лежала вполне "разумная" система. Грань 38 Закона градского представляет собой установление "О построении новых домов и об обновлении ветхих и о других вещах" [110, с. 475—484 об.] . Этот закон затрагивает многие стороны благоустройства и реконструкции средневекового города. Градостроительное законодательство, которое мы находим в составе русских Кормчих книг начиная с XIII в., имеет значительно более раннее происхождение. Его же мы встречаем и в Мериле праведном . В основе его лежит византийский Прохирон, или Ручная книга законов, написанная в 878 г. Василием Македонянином. В византийском подлиннике к этой книге приложен строительный закон X в. Книга епарха (управителя города).

В 1893 г. проф. Ж.Николь обнаружил в библиотеке Женевы рукопись № 23, в которой содержится градостроительный трактат V в. Юлиана Аскалонита "О законах или обычаях Палестины" [172, с. 18] . Он имеет много общих положений с градостроительным законодательством в составе Кормчей книги, но ссылается на более ранние постановления, как, например, градостроительные постановления императора Зенона (474—491 гг.), три книги Папиниана и другие законы [172, с. 33] , до нас не дошедшие.

Одним из наиболее важных положений трактата является закон апопсии. Закон сформулирован в четырех параграфах (§ 47—50): "О виде на местность, который представляется из дома", "Относительно вида на сады", Относительно общественных памятников", "О виде на горы и на море". Согласно этому закону, каждый живущий в городе может возражать против строительства на соседнем участке, если новый дом нарушит взаимосвязь наличных жилых сооружений с природой, морем, садами, общественными постройками и памятниками. Закон апопсии

отразился в распространенном на Руси архитектурном законодательстве, хотя и не носит в нем этого греческого названия.

Анализируя грань 38 Закона градского, имевшего широкое распространение на Руси, можно выявить градостроительные аспекты, которые в ней рассматриваются. В первую очередь внимание закона обращено на взаимосвязь построек города друг с другом и с природой. Текст законодательства начинается с философского рассуждения о том, что каждый новый дом в городе влияет на облик города в целом: "Новое дело творит некто, когда хочет или разрушить, или изменить прежний вид". Поэтому новое строительство или перестройка существующих ветхих домов должна производиться с разрешения местных властей города и согласовываться с соседями; в § 4 закона лицу, обновляющему старый, ветхий двор, запрещается изменять его первоначальный вид, так как надстройка или расширение старого дома может лишить света и вида (прозора) соседей.

Примером идеально построенного города Закон градский называет Константинополь. В его создании принимали участие византийские императоры-строители: Константин, Зенон, Юстиниан, оставившие значительный след в законодательстве вообще, в том числе в строительном и градостроительном.

В русской "Повести о Царьграде" XV в. рассказывается, как был построен Константинополь. Для нашего исследования это чрезвычайно важный документ, так как он помогает раскрыть связь и преемственность греко-византийских и русских градостроительных традиций.

Константин, сделав христианство государственной религией, в 310 г. "начал укреплять и расширять веру христианскую", для чего решил построить новый город своего имени. Для закладки города он "посылает въ Византию магыстровъ и градскихъ делателей готовить место", и едет туда сам. Константин "пришедъ въ Визандию, виде на том месте семь горъ и глушицъ (заливов. — *Г.А.)* морскихъ много". На протяжении всей закладки Константинополя он остается в Византии и руководит работами: "И повеле горы рыти и нижняя места наполняти, и на глушицахъ столпы каменные ставити, и на нихъ своды сводит, и ровняти место". "Егда же уготовивши место, събра цесарь вельможъ и мегистранъ (сановников. — *Г.А.)* и магистровъ, и начата умышляти, како быти стенамъ и стрельницамъ (крепостные башни. — *Г.А.*)

и вратамъ градцкимъ, и повеле размерите место на три угла, на все стороны по семи верстъ, тако бо бе место то межи дву моръ — Чернаго и Белаго".

Всех участников строительства Константин разделил: "магистры и градцкие делатели раздели на двое, ибо единой стране повеле размерити градцкие стены и стрельницы и начати градъ делати, а другой стране повеле размерити улицы и плош.ади на римской обычай: и тако начата делати церкви божиа и дворъ цесарский и иные домы славны вельможам и магистраномъ и всем сановникамъ и воды сладкие приводити... И тако наполниша градъ преславными и дивными вещеми, ими же и блаженный Андрей Критский удивился рече: "Во истину градъ сей выше слова и разума есть" [189, с. 196—198] .

В правиле 36-м VI Вселенского собора говорится, что "после Римского старшинства да будет наравне с ним приниматься старшинство Константина города" [110, лл. 188, об., 189] . Закон градский предписывает брать за образец композицию и планировку Константинополя. В § 5 говорится о необходимости неизменно соблюдать между домами расстояние в 12 стоп, подобно тому как это сделано в Константинополе. Это обосновывается тем, что при таком расстоянии одного дома от другого все люди, живущие в городе, получают возможность, даже находясь в своем дворе, видеть море. Здесь же говорится о том, что если расстояние между домами будет больше 12 стоп, то строить разрешается, ибо в этом случае прозор на природу (или море) не будет загорожен.

В § 6 развивается та же мысль. Здесь речь идет о видах на природу из города, с его улиц, площадей, что хорошо прослеживается в русских городах. В качестве образца опять берется Константинополь и его центр.

Вышеприведенные положения позволяют предполагать, что русский город как и византийский, закладывался с соблюдением модуля в 12 стоп или в другую меру. В византийском градостроительстве, видимо, применялась так называемая гномическая стопа, позволяющая увязать высоту здания с его размерами в плане и расположением на местности. Гномон — это шест, воткнутый в землю и бросающий тень. В определенное время дня эта тень измерялась и по ней производился расчет. Очевидно, при строительстве города каждое здание рассматривалось как гномон, т.е. при решении вопроса о его высоте учитывалось, какую тень оно будет отбрасывать [10,

с. 32—36] , что важно для садов и огородов. В русской практике, видимо, применялись вершки, аршины, сажени.

В § 9 указывается, что каждый, начинающий строить свой дом, должен заранее определить его размеры. Если дом будет более 12 стоп в длину, то строящий ничего не может прирезать к нему от свободного городского пространства.

Существенное место в древнем законодательстве занимает вопрос сквозного проветривания города. Это достигалось путем постройки зданий с соблюдением расстояния между дворами согласно установленному модулю. В том же § 9 говорится, что для того, чтобы воздух не был затеснен, между дворами необходимо соблюдать расстояние 12 стоп. Если это расстояние не было соблюдено предыдущими строителями и между ветхими домами воздух затеснен, то увеличивать размеры построек в этой части города категорически запрещалось.

Яркой нитью через весь документ проходит запрет строить в городах так, чтобы одно лицо вредило другому. Особенно наглядно это видно из § 13, где говорится, что если кто-либо обновляющий рухнувший дом восстановит его так, что отнимет свет у соседских окон или чем-нибудь еще навредит соседям, то его принудят перестроить новый дом и сделать его таким, каким он был. В законе многократно говорится о том, что не следует новой постройкой или перестройкой творить "пакость соседу". С этих позиций рассматривается вопрос о расположении в доме окон и прорубке новых: § 11 запрещает делать большие окна в новых домах, если расстояние между дворами будет менее 10 стоп.

Размеры улиц и площадей в русских городах, по-видимому, также определялись модулем. Земли, отведенные здесь под городскую уличную сеть, также, как и в § 9 Закона градского, считались неприкосновенными даже в том случае, если они оказывались большими по размерам, чем было установлено законом. Категорическое запрещение прирезать к частным дворам земли, отведенные под улицы и площади, записано в § 34. В случае же, если кто-либо осмеливался сделать это, то он вынужден был захваченную землю вернуть в городское управление.

Значительное внимание в византийском законодательстве уделено вопросам совместного владения несколькими лицами одним домом. § § 3, 4, 7, 11, 13, 15 оговаривают все возможные случаи недоразу-

мений, которые могут возникнуть между владельцами. В градостроительном плане интересен § 14, в котором говорится, что если дом принадлежит нескольким лицам и они владеют различными этажами этого дома, то закон разрешает надстройку верхних этажей, лишь бы нижние стены выдержали это. Однако ни печи, ни поварни никто не может ставить так, чтобы топка проходила через общую стену, так как огонь причинит ей вред.

Забота о соблюдении требований гигиены выражена в § 18. Запрещается делать в доме отверстия, из которых выходил бы дым и причинял бы вред живущим выше. Недопустимо, чтобы проживающие в верхних этажах лили воду или сыпали вниз отбросы. В заключение этого параграфа сказано, что за несоблюдение правил гигиены нарушители подлежат суду "за смрадные нечистоты". Заслуживают внимания в том же градостроительном плане и рекомендации по посадке деревьев внутри города. Так, в § 50 рекомендуется сажать деревья на расстоянии от девяти до пяти стоп от чужой границы (в зависимости от породы деревьев).

Вопросам канализации и водопровода византийские законы уделяют также много внимания. Закон касается как вопросов прокладки труб водопровода и канализации, так и способа их эксплуатации. Так, в § 16 указывается, что если источник, от коего некто проводит воду, на некоторое время пересохнет, но вскоре вновь возвратится в свое русло и вода снова потечет, то он может продолжать работы по прокладке водопровода на прежних основаниях.

Здесь устанавливаются и законодательные принципы пользования водой. В § 35 говорится, что водой в городе должны быть обеспечены все и никто не имеет на нее монопольного права. Предусмотрен и вопрос оплаты за проведенный водопровод. В случае, если трубы канализации, проходящие через сад, неисправны, хозяин обязан выкапывать пропитанную смрадом землю и постоянно очищать от нее сад.

Жители города, согласно § 48 законодательства, должны содержать в порядке свой дом. В течение 5—10-летнего владения они обязаны проводить ремонт (за этим следило городское управление). Это оговаривается при купле и продаже дома.

Особый интерес вызывает § 55 о взысканиях, связанных с нарушением границ. Судье рекомендуется вести расследование путем опроса лиц, помнящих старые границы, или на основании сохранившихся за-

писей, составленных до начала расследования. "Если границы были изменены различными строителями и по замыслу лиц, временно владеющих, тогда следует принять те границы, которые были установлены строителями, а не первоначальные". То, что было построено, во что были вложены деньги и человеческий труд, бережно сохранялось. Здания уничтожались только при необходимости.

Я.Н.Щапов выявил, что Закон градский имел распространение в XIII-XIV вв. в основном в церковной среде. С XV в. он начинает широко использоваться в княжеских светских кругах. Патриарх Никон, переиздав в 1653 г. Кормчую книгу 1650 г., сделал в ней добавление, раскрывая историю распространения на Руси византийского законодательства. Целый ряд параграфов Закона градского, нашедших применение в русской практике и соответствовавших местным традициям, был включен в Соборное уложение 1649 г. [205, с. 48-58].

Анализ Закона градского позволяет считать, что не только регулярные города XVIII в., но и города, имевшие свободную планировку, строились по замыслу. Новые градостроительные постановления восхваляли красоту регулярства, но, как правило, они не давали определений эстетических качеств поселений [48, с. 77—120] .

Работа по выяснению вопроса о том, в какой мере древние русские градодельцы использовали градостроительные нормы, содержащиеся в Кормчей книге, еще только начата. Но уже можно говорить о многообещающих перспективах в этой области.

Можно думать, что "рядовой" тип застройки был введен в градостроительную практику Русского государства в XV-XVII вв. По этому поводу любопытные сведения содержатся в люстрациях (описях) польских старост Киевского воеводства, начиная с 1570 г. В люстрации описывается "город его королевского величества Киев...": "Город лежит внизу под замком, аж до берега реки Днепра, с приезда с Польши, начиная с горы до самого Днепра окружен довольно паршивым острогом, а от реки никакой ограды нет, ни острога, что является большой опасностью для города и замка, потому что без ведома местной власти к неприятелю может выехать любой купец, и выехать когда хочет, как захочется. А это все делается из-за беспорядочного городского строительства, когда даже улиц правильных нет, просто как в лесу: каждому можно строить как хо-

чется и где хочется, нужно, чтобы другим порядком город строился для лучшей безопасности замка" [101,с. 113].

Однако позднее, около 1640 г., Боплан писал о наличии в Киеве рядовой застройки: "Дома в Киеве построены по Московскому образцу, рядом, довольно низко и обыкновенно в один этаж" [166, с. 46] .

О том, что в Новгороде улицы размерялись, указывает Никоновская летопись. В ней под 1531 г. говорится: "О присылке государя великого князя в Великий Новгородъ ко архиепископу грамоты и дьяковъ и о размерении улиц, и о решетках, и о огневищах. Того же лета, июля, государь князь великий Василий Иванович всея Руси самодержецъ прислал к своему богомольцу ко архиепископу Макарию в Великий Новгородъ грамоты, и дьяковъ своих в Новгородъ посла Якова Шишкина и Офонасия Фуникова и дворцового дъяка Митю Великого и повеле имъ на Софейской стороне улицы размерети. И начаша размеряти Великую улицу, от Володимирских ворот прямо в конецъ, и все улицы ис поля в берег прямо и места по всему пожару и решотки повеле ставити по всему граду" [152, с. 60] .

На гравюре XVIII в. города Кушвыу подножья горы Благодатной на Урале улицы изображены такими, как о них говорится в писцовой книге древней Ладоги, с фасадами домов, обращенных в одну сторону — к реке. Окна этих домов смотрят в прозоры между домами параллельных рядов. Обследование древнерусских городов позволяет установить, что планировочная структура в виде "рядов" сохранилась по сегодняшний день в городке Устюжне Железнопольской.

Есть основания думать, что русским градостроителям был известен закон апопсии. Планируя населенные места, они соблюдали требование сохранять "прозоры" на природу и памятники. В планировке некоторых городов, расположенных на высоких берегах рек, — Гороховца, Вязников, Смоленска. Вязьмы, Владимира и др., особенно ясно отражается знание византийско-русских градостроительных традиций. В той или иной мере оно прослеживается во всех древнерусских городах.

Древнерусские города имели одно или несколько ограждений военного назначения в виде каменных или деревянных стен. Части города, расположенные за укрепленными стенами, включали в композицию природный ландшафт как неотъемлемую часть. В

XVIII в. в проектах Комиссии каменного строения границы города четко обозначались. Они определены рвом и валом. Город великолепно увязывался с местностью и природным ландшафтом, что и по сегодняшний день прослеживается во многих старых городах.

Многие русские города до сих пор сохранили старинную планировку, которая выявляется в процессе их исследования. Так, в Великом Устюге, Каргополе, Гороховце, Торопце водные пространства сознательно включены в состав города. В Каргополе, например, это достигается путем постановки на противоположном городу берегу Онеги Спасского мужского монастыря; в Гороховце — на другом берегу Клязьмы женского монастыря; в Торопце — на противоположном берегу озера Соломен высокой колокольни и ряда храмов; в Устюге Великом — Дымковской слободы.

Красивые виды на город открываются, например, с лестниц, подымающихся на гору, — в Гороховце, Вязниках, Торопце. Эти видовые точки, очевидно, создавались сознательно, в соответствии с требованиями § 5. Очень красивы во многих городах и сами лестницы.

Видимо, применением градостроительных положений следует объяснить и отсутствие в древних городах улиц с домами, идущими строго по красной линии. Так, в Гороховце дома на набережной не стоят в один ряд. Они то отступают в глубину участка, то выходят на красную линию улицы. Ни один дом не мешает другому иметь вид на природу, создавая впечатление большой ширины улицы. Ту же систему планировки и застройки улиц мы видим в верхнем городе Вязников — Яропольче, в Торжке, Торопце и других городах. Дома на улицах, то отступая в глубь участка, то выступая вперед, создают живописные кулисы, уничтожая монотонность, характерную для улиц с домами, поставленными в один ряд.

В Каргополе и других городах удалось обнаружить градостроительный модуль: между домами соблюдалось расстояние в 10—15 м, которое сделало город прозрачным. В промежутки между домами оставлены "прозоры" с хорошо продуманным расположением зелени, с далеких и близких расстояний просматриваются высокие ориентиры — храмы и колокольни. Этот принцип, сложившийся в глубокой древности — не закрывать соседу вид на чтимые общественные сооружения, как с улиц, так и из дворов — был сохранен местными зодчими XVIII-XIX вв.

В Москве, Вязьме, Каргополе, Волхове, Смоленске, Тотьме, Торопце и других городах особенно четко прослеживается разграничение архитектурных сооружений на доминанты города, создающие его силуэт, и, "ткань", т.е. жилые и общественные сооружения малого масштаба. Малоэтажное жилье не мешает восприятию храмов. Так, в Каргополе нет жилых зданий выше двух этажей. В центре Гороховца также долго были только двухэтажные постройки. Это тактичное соотношение высотности разных типов зданий нарушено в современном Гороховце, где построены трехэтажные дома, хотя в этом городе многое смягчается его расположением на горе. Взаимосвязь высотных ориентиров со средой особенно эффектна в Замоскворечье — купеческом районе Москвы.

Отличительная черта свободной планировочной системы — внимание к художественному облику города. Юлиан из Аксалона в V в. н.э. в своем трактате пишет: "Если представляется вид на гавань, залив прямо со стороны села или города, или же на стоянку кораблей, не имеющих настоящей гавани, то такой вид на море ни в коем случае не должен быть нарушен, поскольку обозревающим доставляется этим много душевных наслаждений" [172, с. 33] . Красота города была доминирующим принципом градостроительства. В то же время этот принцип, положенный в основу формирования облика города, не сковывал творческой индивидуальности зодчих, хотя и, как мы увидим ниже, контролировался государством. Отсюда, видимо, происходит такое разнообразие планов и силуэтов русских городов, а также гармоническая увязка застройки с ландшафтом. Все это свидетельствует о большой гибкости системы нерегулярного строительства городов, которая хорошо прослеживается на гравюрах XVIII в.

В средневековых городах можно проследить соответствие § 34 Закона градского из Кормчей книги, запрещающему прирезать к своему дому часть улицы или площади. Обнаруженные в ряде городов дома со сложным планом, повторяющие в планах и фасадах все изгибы живописных улиц, отвечают требованиям этого параграфа закона. Такие дома сохранились в Москве на Малой Лубянке, в Вязьме у церкви Петра и Павла, в Вязниках на улице у подножия Ярополчей горы. Видимо, подобные дома можно обнаружить и в других городах, где также было запрещено законом прирезать землю от улиц для выпрямле-

ния фасада. Это законодательство действовало до XIX в.

В городе выделялись специальные территории для церквей. В описании города Вязьмы 1626—1627 гг.[1] перепись начинается с описания церквей по всему городу, монастыря и территорий, занимаемых ими, и только затем следует описание "большого острога" и, наконец, посада.

В архитектуре Севера также сохранились доказательства того, что данное постановление действовало на Руси. В "Платежнице" и "Сотной переписи" каргопольских земель XVI и XVII вв.[2] описываются погосты, которые, как правило, состояли из двух церквей и колокольни между ними. Под погосты отводилась определенная земельная площадь. Владение церкви охранялось законом. На церковной территории жили причетники данной церкви. Древние погосты дошли до наших дней, но только в Шильде, Порожинском и еще нескольких местах сохранилось ограждение церковных земель. К погосту примыкали деревни, и во всех деревнях, приписанных к определенному погосту, ставились часовни.

Многие средневековые города имели водопровод. Сведения о наличии водопровода в Астрахани и Терке имеются в документах 1627—1628 гг. Об устройстве водопровода в этих городах говорится в Памяте терскому воеводе князю Ивану Андреевичу Дашкову. Для закладки водопровода в Терке был приглашен "немчин Юрий Б ем", а до этого его делал голландец Кузьма Детушаров[3].

Во многих городах археологами обнаружены поливные глиняные трубы, однако они датируют их XIX в. Верно ли это? Видимо, эти трубы нуждаются в более детальном изучении и более тщательной проверке их датировки. При строительстве дома Совета Министров в Москве, в Охотном ряду, около дома боярина Троекурова (XVI-XVII вв.) на большой

[1] ЦГАДА, ф. 137, Вязьма, д. № 1. Писцовая книга острога и посада Вязьмы, письма и меры князя И.Ф. Волконского и подъячего Л.Трофимова, л. 1—39.

[2] ЦГАДА, ф. 137. Каргополь, д. № 1. Городские книги г. Каргополя и Турчасова. Платежная книга посадов Каргополя и Турчасова, список 1555—1556 гг. и Сотная перепись. Список 1614 г. о переписи 1561—1562 гг.

Архив ЛОИИ, ф. собр. Гомеля, колл. 171, оп. 1, ед. хр. 6,7,15,23,25,28.

глубине была найдена деревянная труба диаметром более полуметра. Работы велись тогда спешно, без наблюдения археологов, и только случайность позволила обнаружить старинные "истрены" в глубоких слоях земли в одном из древнейших районов Москвы. Хорошо разработанная водопроводная система имелась в Торжке. При новом строительстве в этом городе экскаваторы раскапывают огромные деревянные трубы. Очевидно, ряд русских городов XVI-XVII вв. имел больший комфорт, чем считалось ранее.

Красота города, удобство жизни в нем опирались на расчет, знания, законы, традиции, опыт. Это подтверждается рядом документов, которые показывают, как каждое новое сооружение в городе или ансамбле композиционно увязывалось с уже существующей застройкой. Один из этих документов относится к строительству Волоколамского монастыря, другой — церкви Григория Неокесарийского (ранее Григория Богослова) на Полянке в Москве. Зодчий Волоколамского монастыря Трофим Игнатьев, определяя высоту шатра одной из башен, указывает: "а буде покажется высоко и убавить аршин же, а буде низко — прибавить аршин же..." Зодчий сознательно добивался гармонии форм при их восприятии в ансамбле, постоянно обращаясь к их сопоставлению, к проверке в натуре как наиболее действенному средству уяснения своих замыслов и расчетов. О том же свидетельствует и отношение зодчего к деталям сооружения: "Зделать по две закомарки на стене под шатер..., а буде покажется часто, и зделать по одной, а буде ретко — изделать по третей" [145, с. 133] .

Сошлемся на другой документ, не менее ценный для понимания творческого метода русских зодчих. В расходных книгах Приказа тайных дел царя Алексея Михайловича (в дворцовом архиве) сохранились записи о ходе строительства каменной церкви Григория Неокесарийского. С 23 марта 1667 г. руководил работами по "росписи Васильева, составленной в приказе Бухвостова", полуголова Приказа тайных дел Иван Рыкачев. Рыкачев отступил от росписи, о чем написал докладную в приказ. Он сообщает, что сделал "сверх подрядной записи у той церкви в прибавку вверх 4 сажени, длину 1/4 сажени, поперек 1/8 доля сажени, да в двух трапезах в вышину 1/2 сажени, под колокольню святые ворота, да паперть меж трапезою и колокольнею, и за то их прибавочное дело

против росписи и сказки 200 рублев из приема Андрюшкина" [34, с. 20] .

Позднее Иван Рыкачев делает еще ряд существенных изменений в облике сооружения. Уменьшает высоту одних частей и увеличивает других. Все это свидетельствует о творческом подходе к увязке нового здания и его силуэта с уже имеющимися сооружениями. Из записи видно, что этот метод не вызывал ни у кого возражения. Видимо, он применялся не впервые.

Наличие на Руси градостроительного законодательства, оказавшего влияние не только на города древнерусского, но и русского централизованного государства, привело к мысли, что должна была существовать какая-то документация, предшествовавшая закладке города. Поиски в этом направлении привели к положительным результатам.

Античные традиции русской иконописи были раскрыты в трудах М.В.Алпатова [12, с. 127—129] . Об античных истоках русского градостроительства исследований нет. Можно только наметить некоторые вехи этой большой проблемы. По нашему мнению, принципы византийского градостроительства (восходящие к античности) использовались на Руси, но дополнялись здесь ярко выраженными национальными чертами.

Византийские градостроители не приняли регулярной системы планировки городов, хорошо известной с глубокой древности в Индии [38, с. 94—116] , Греции [90, с. 26—27] и Европе.

Аристотель, приверженец свободной планировочной системы, писал по поводу регулярных и свободных по планировке городов: "Расположение частных домов считается более красивым и более отвечающим жизненным нуждам, когда улицы идут прямо, по-новейшему, то есть по гипподамову способу. Однако для безопасности в военном отношении, наоборот, лучше тот способ планировки города, который существовал в старину, эта планировка была такова, что при ней с трудом могли найти выход из города чужеземные войска и нападающим на город трудно было в нем ориентироваться" [90, с. 29—30] . Город должен был быть не только красив, но и обороноспособен. Аристотель скептически относился к Гипподаму, уроженцу Милета (V в. до н.э. — *Г.А.),* впервые (согласно традиции) внесшему в греческое градостроительство регулярную планировку.

О том, как закладывался регулярный город Фурии в Греции, пишет в 446 г. до н.э. Диодор из Афин: "Они поделили город по длине четырьмя улицами, из коих первая называется Гераклей, вторая — Афродисиадой, третья — Олимпиадой, четвертая — Дионисиадой; по ширине они разделили город тремя улицами, получившими название Герои, Фурии и Фурины. Узкие промежутки между этими улицами были густо застроены домами, и так новостроенный город приобрел красивый вид" [90, с. 30] .

Письменные источники позволяют утверждать, что города как со свободной планировочной структурой, так и с регулярной системой планировки в одинаковой мере строились по замыслу. Различными были функциональные принципы, лежавшие в их основании. Следовательно, различными оказывались и конечные результаты, к которым стремились градостроители, приверженцы той или иной системы.

В Византии возведение нерегулярных, свободных по планировке городов получило дальнейшее развитие. От этого периода сохранилось значительное количество градостроительных законодательств и сведений о практической деятельности по строительству городов. Это хорошо прослеживается по работам Анны Комнины (XII в.). В "Алексиаде" Анна подробно рассказывает о градостроительной деятельности своего отца — императора Алексея Комнина, который сам руководил строительством городов [105, с. 27,275,416,418].

Законы, изданные Алексеем Комнином, входят почти во все списки Кормчих книг. Как известно, между Русью и Византиею существовали постоянные дипломатические, политические и культурные связи. Они должны были сказываться и в вопросах градостроительства.

ЧИН ЗАКЛАДКИ ГОРОДА

Прохирон не был единственным документом, содержащим градостроительные законодательства. Письменные источники свидетельствуют, что существовал определенный ритуал закладки городов. Этот ритуал, согласно государственным указам, должен был неукоснительно соблюдаться. Такие указы сохранились по Свияжску (1552 г.), Цареву-Борисову (1600г.),Козлову (1636г.), Смоленску (1594г.), Старой Руссе (1629 г.) и другим вновь построенным и старым городам.

Летописец Свияжска подробно описал начало строительства города на поросшей лесом Круглой" горе над рекою Свиягою и Щучьим озером. Строители, чтобы поставить город, "начата лес сещи где быти городу, и очистя гору, пев молитвы и воду святя, и с кресты по старинному месту обошли и город и церковь в городе заложили во имя Рождества и Чюдотворца Сергия" [152, с. 163; 97, с. 131-151; 141; 148, с. 36].

В государственном указе на постройку Царева-Борисова требование соблюдать закладной чин записано иначе, но суть дела от этого не меняется. Воево"де, строителю города, Богдану Яковлевичу Бельскому было приказано заложить город: "тотчас петь молебен и освятя воду велети город обложить по чертежу и по росписи, каковы им чертеж и роспись даны" [32, с. 8]. Аналогичный приказ идет из Разряда строителям Козлова — воеводам Ивану Биркину и Михаилу Спешневу: "А на том месте, где по их рассмотрению городу быть, изготовля лес, прося у Бога милости, и у Пречистой Богородицы помощи и у всех святых и пев молебен город обложить"[1].

Здесь мы сталкиваемся с интересным фактом. В составе строителей нового города обязательно присутствуют представители духовенства — "ружные попы", состоящие на службе в Разряде. Денежное и хлебное жалование им выдает воевода строящегося города, что хорошо прослеживается по документам 1592 г. о строительстве Ельца. Задолго до окончания строительства крепостных укреплений в Ельце были построены храмы, в которых шла служба. Игумену и братии заложенного одновременно с городом Троицкого мужского монастыря также выдается государством хлебное и денежное жалование[2]. Борис Годунов в своем наказе воеводе города Царева-Борисова — Вельскому приказывает: "поставить... в городе, где пригоже, церкви Пресвятые и Живоначальные Троицы, а другой храм — святых великих страстотерпцев Бориса и Глеба", и уведомляет, что "церковное строение послано". Следовательно, в Разряде имелись все ритуальные принадлежности, необходимые для богослужения [32, с. 9], которые Разряд высылал в ружные храмы вновь создаваемых горо-

[1] ЦГАДА, ф. 210. Разрядный приказ. Белгородского стола столбцы, стлб. 201, 1635—1637, лл. 79—80.

[2] ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 1,1592-1593, св. 4, лл. 148, 149, 104,106.

/дов. Более того, Борис Годунов дает через приказ точное расписание всех служб, которые должны выполняться во вновь построенных храмах Царева-Борисова. Царь, Боярская дума и Разряд руководят не только строительством крепостных укреплений, закладкой города и его заселением, но и организацией в нем духовного патроната.

Несколько иной чин закладки новых крепостных укреплений вместо ветхих стен выполняется уже в существующем городе. В государевом указе строителю Старой Руссы Федору Лызлову дается приказ закладывать укрепления в воскресенье или в предпраздничный день: "Велети соборные церквы и ружных приходских церквей свещенником и дьяконом на который праздник или в воскресный день собратца и велеть им петь молебны и воду святить по тому месту, где быть острогу, а отпев молебни и воду освятя велеть сошным людям острог начать делать того ж дни"[1] .

Подробное описание этого ритуала ценно тем, что дает возможность выявить участников возведения крепостных укреплений города, организаторов всего строительного процесса. Особенно хорошо это раскрывается при закладке каменных стен вместо деревянных в древнем городе Смоленске: "Послал царь и великий князь боярина своего и слугу конюшего Бориса Федоровича Годунова окладати города каменного", Борис Годунов свою поездку обставил с большой пышностью, закладка крепости была произведена торжественно: "по прибытии в град Смоленск и пев у Пречистые Богородицы Смоленской молебна Борис Годунов со свитою и объехав место, како быть граду и повеле заложити град каменной" [111, с. 75—76] . Подобные записи встречаются в документах XVI и XVII вв. и по многим другим городам.

Для понимания того, как воспринималось на Руси возведение города, интересно "Слово о законе и благодати", написанное митрополитом Иларионом в XI в. Важнейшее политическое значение этого документа, дошедшего до нас в 40 списках, подчеркивается как дореволюционными, так и советскими исследователями. "Слово о законе и благодати" — речь

[1] ЦГАДА, ф. 141, д. 32, декабрь 1629, июнь 1631. Воеводские списки, расписки, челобитные в острожном деле города Старой Руссы, л. 56.

политическая, отражающая вопросы и нужды русской действительности, написанная с искренним патриотизмом. По своему значению "Слово" приближается к государственной декларации [93, с. 45] .

Для нашей темы важно то, что в этом документе большое внимание отводится эстетическим качествам города. Обращаясь к киевскому князю Ярославу Мудрому, Йларион указывал, что город весь целиком является священным местом, создан согласно замыслу и древним традициям. Город величественный, святой и красивый, заложенный великим князем Владимиром, несет людям благодать [160, с. 168-169] .

С мыслью, высказанной Иларионом о городе, охраняющем христиан и несущем им благодать, непосредственно связаны тексты самого ритуала закладки городов, включенные в требники, т.е. собрания молитв и священнодействий. До нас дошло большое число рукописных требников. В XVI-XVII вв. требники печатались в типографии.

Справочники [137, с. 261; 169, с. 128, § 13237] упоминают требник, изданный киевским митрополитом Петром Могилою. Составители справочников, подробно характеризуя этот требник, проходят мимо градостроительного ритуала, описанного в нем; "Чин восследования основания города" [133, л. 179] и "Чин благословения новоссоружаемого каменного или деревянного города" [133, л. 186].

Требник Петра Могилы чрезвычайно важен для раскрытия методов строительства городов в XVI-XVII вв., так как своими корнями он так же, как и Прохирон, связан с Византией. Петр Могила говорит в предисловии к своему "Евхологиону", что материал он брал из "греческих евхологий и древних славянских требников". "Петр Могила в совершенстве владел греческим и латинским языками. Став в 1627 г. во главе Киево-Печерской типографии, он не только управлял ею, но и активно участвовал в подготовке к печати самих книг, делал переводы с греческого на русский язык" [69, с. 543—544] . Вопросы, которые ставил в своих трудах Петр Могила, выявленные С.Т.Голубевым, Ф.А.Терновским, П.Поповым и другими исследователями его деятельности, подтверждают, что к середине XVII в. продолжалось сохранение и перенесение византийских традиций на русскую почву. Это относилось и к методам строительства русских городов в XVI-XVII вв.

Другой печатный требник, в котором находится "Чин закладки городов", описывается так же в справочнике В.С.Сопикова [169, с. 128, § 13238]; он озаглавлен "Потребник, иже имать в себе духовного чина власть, рекше вся чины и исследования, бываемые от иерей...". Печатать его начали в 1651 г. и закончили 26 сентября 1652 г. На с. 749 имеется "Чин, како подобает окладати град".

Важно удостовериться, что Петр Могила справедливо утверждал, что его чин закладки и освящения города действительно взят из требников более раннего периода, а не придуман им в середине XVII в., что этот чин имеет древние традиции. Попытки обнаружить в архивах Киево-Печерской лавры черновики градостроительных текстов, включенных Петром Могилою в его "Евхологион" (которые в конце XIX в. видел С.Т.Голубев), не увенчались успехом, но в собрании Отдела рукописей Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде нам удалось разыскать рукописный требник конца XVI в. с текстом чина закладки городов: "Чинъ и оустав како подобает окладывати град"[1] , судя по контексту относящийся к более раннему времени. Это дает возможность предполагать, что в руках Петра Могилы был какой-то требник с чином закладки городов. Вместе с тем в процессе поиска выяснилось, что требники с градостроительным чином — большая редкость. Мы просмотрели все требники и молитвословы, хранящиеся в сборниках ГНБ АН УССР в Киеве, ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ГПБ имени В.И.Ленина, ГИМе, ЦГАДА — в Москве — в общей сложности более ста рукописных книг и обнаружили "Чин закладки городов" только в одном/ требнике. В опубликованных А.А.Дмитриевским 162 греческих евхологионах градостроительный чин не обнаружен [80] . Это обстоятельство можно объяснить тем, что города строились государством или крупными землевладельцами. Что же касается освящения храмов, жилых домов, различных построек, колодцев и других сооружений внутри города, то описание его встречается в большом числе как рукописных, так и печатных требников.

[1] Отдел рукописей ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, шифр F. 1. 180, лл. 90 — 93 об. Требник датируется по филиграни "Кувшинчик" по справочнику: Загребин В.М. Свод изображений филиграней "Кувшинчик". Л., 1975. — С. 78.

Чтобы убедиться в том, что ритуал закладки городов имел единую основу, что город рассматривался как единое целое в функциональном и художественном плане, сопоставим между собой тексты "Чина закладки городов" в требниках XVI в. и евхологиона Петра Могилы XVII в.

Требник XVI в.	Евхологион 1646 г.
"Чин и оуставъ како подобает окладывать градъ"	"Чин восследования основания города"

Ритуал освящения территории будущего города начинается с главной его площади.

"Пришедшоу свещенникоу ставшоу на месте, идеже быти площади града, еже среде всего...	"Пришедшу архиерею или свещеннику (не сущу архиерею) и ставшу на место идеже среднее граду быти имать,тамо жепредуготовлену сущу тетраподу. си есть...

Затем освящается место будущих крепостных укреплений, которые предварительно по чертежу разбиваются на земле.

"Так идет въ круг по место оудеже быти стене градской, и кропит, и поющи тропарь...	"Таже идет окрест против солнца место оудеже быти имат стена градская и идый кропитъ...

Возносится молитва на князя города и место, на котором основывается город.

"...пребывания мира здравия... покорите под нозе его всякого врага и борители... благословитися местоу семоу и основатися граду, и сохранитис емоу..."	"...благослови основание града сего, и в свершение привед, неврежден от всякого злого обстоянии всегда сохрани, верный же князь наша своею силою возвесели, победы дая им на супостата, даруя нам мир и велию милости".

В обоих письменных источниках говорится об особом освящении входов в город, которые, судя по данным письменных памятников, планировались до закладки города,

"...всходы их и исходы их ангельскою силою огради..."	"...благословия входы и исходи их и ангельскою силою огради..."

При освящении места под город возносится просьба о счастливой жизни будущих горожан во вновь строящемся городе-

"...в единстве и о целомудрии настави. и житие их оукрепи. домы их умножи всякого блага еже приносшти им ко святым церквам".	"...супружества их в мире, единомыслии и целомудрии сохрани. здравие съ долгоденствиемъ им даруй, домы их исполни всякого блага... богатно тебе приносят".

Из сравнения видно, как близки между собой эти памятники. Последние части обоих требников соответствуют тексту "Слово о законе и благодати" Илариона (XI в.). Каждый город должен быть так заложен, чтобы в нем была благодать [15, с. 183] .

Вышеописанный "Чин закладки городов" свидетельствует о том, что истоки ритуала закладки на Руси городов и поселений, постановка в них храмов и организация жилья уходят в глубокую древность.

Можно полагать, что через византийскую традицию в Российском государстве XVI-XVII вв. использовались некоторые достижения античных обществ в области градостроительства [90, с. 21—26] . Русские города со свободной планировкой начали возникать в глубокой древности. При их строительстве, по-видимому, учитывались природные условия местности, наличие строительного материала, традиционные правила возведения оборонительных сооружений и жилищ у восточных славян. В XIV-XVII вв., после того, как византийские градостроительные законодательные установления были переведены на русский язык и включены в отечественные юридические и церковные сборники, строительство русских городов со свободной системой планировки стало вестись уже на основании существующих письменных норм.

ПРИМЕНЕНИЕ ЗЕМЛЕМЕРИЯ ПРИ ЗАКЛАДКЕ ГОРОДОВ И ИХ РЕКОНСТРУКЦИИ

Математикам много лет известна "Книга именуемая геометрия или землемерие радиксом и церкулем"[1] . Однако этот памятник письменности XVII в. градостроителями не был оценен. Между тем эта рукопись фактически является градостроительным учебником. Она написана на бумаге 1697 г. и принадлежала дьяку Поместного приказа Андриану Григорьевичу Ратманову [50, с. 447] . В конце предисловия к этому руководству, написанного виршами, имеется важная для нашего исследования ссылка на "Лексикон" (Словарь) Памвы Берынды, написанный раньше: "В лексиконе в литере на листу там написано так: землемерие или землемерство з еллинского гетметрия сиреч размерительная. Есть сие художество зело полезное к размерению градствия и путем и ко иным вещам паче большому" [37, с. 43] . Таким образом , можно предположить, что руководство конца XVII в. имело более ранний прототип.

Книга хранится под шифром F. IX. 47 в Отделе рукописей ПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина,. См.: История отечественной математики. — Киев, 1966.

Книга посвящена раскрытию методов, с помощью которых могли осуществляться самые различные измерения при строительстве и реконструкции городов. Она состоит из серии задач, которые могли возникнуть перед строителями. С первых же страниц о землемерии говорится, как об одной из семи мудростей: "землемерие, еллински геометрия, мудрость в семи свободных мудростей". В "семь свободных мудростей" входили науки математические и гуманитарные: арифметика, геометрия, музыка, астрономия (или астрология), грамматика, диалектика (логика), риторика.

Книга начинается виршами: "Аз бо есть от бога мудрость свободна: разумом человеком угодная. Землемерием от философов названа. К постижению земные меры издана".

Вирши раскрывают приемы измерения земли, которые станут доступны для тех, "кто разумом совершенно все познает". А такой человек, "во всякой земной мере свободен умом бывает и у него разум к постижению острится".

Далее говорится о возможностях землемерия. Приводятся приемы измерения длины, ширины и окружности земельных участков: "по земле и по воде наукою степени измеряю... и круглое и длинное четвероугольно в саженях учиняю... и по длине и по ширине также меры сказую, много ли кругом того места будет меры повествую".

Землемерие с помощью особых приемов может любой по форме участок земли представить в виде суммы разновеликих квадратов: "також ис тех мест меру вон вкладаю и четвероугольно ис того паки верстаю". С помощью других приемов землемерие может определить расстояние между двумя точками: "и с одного места в два пути как меру сотворити, а промеж теми пути в конце не меря могу возвести. И с места до коего места не мерев меру объявляю со всем досуждением и выкладом меру представляю". Книга обещает научить читателя с помощью "церкуля" измерить круг в квадратных единицах измерения.

Книга обучает также способам подсчета объемов и количества жидких и сыпучих тел, как определять количество ржи в закромах или жидкости в сосудах и различных бочках. Это было очень важно для организации питания большого числа людей, которые скапливались при закладке новых городов.

Вирши заканчиваются объяснением, что книга эта "со учением составлена", и поэтому рекомендуется читателю "разум свой много прилежно обучати".

Рассмотрим примеры и задачи, изучаемые геометрией, которые возникали и при градостроительстве. Без умения решать эти задачи было бы невозможно распланировать по определенному образцу и плану и построить новые города или реконструировать уже существующие. Геометрия XVII в., применявшаяся в землемерии, имела свои особенности, которые достаточно основательно изучены историками математики.

Оказалось, что приемы измерения земельных участков были весьма просты. Производя промеры больших расстояний, градостроители использовали измерительные приборы, принципы устройства которых описаны в "Книге". Эти приборы давали значительные погрешности, но позволяли быстро получить результаты. Однако, зная о погрешностях, градостроители применяли приближенные арифметические расчеты, позволявшие получать результаты в том же "масштабе" погрешностей. На первоначальной стадии планирования городов нужно было в кратчайший срок произвести большой объем измерительных и расчетных работ. При этом учитывалось, что для создания плана будущего города требовалась не столько максимальная точность, сколько сохранение "масштаба" погрешностей. Здесь интуитивно решалась актуальная и теперь задача: с наименьшими затратами получить максимальный результат в рамках поставленной задачи.

Первая группа (в нее входят девять задач) "Книги" связана с умением пересчитать на равновеликий квадрат размеры поля, имеющего в плане сложную конфигурацию. Квадратные сажени, полученные в результате перемножения длины и ширины поля, именуются "дробными саженями", а сажени разновеликого квадрата — "четвероугольными".

Расчет начинается с простой задачи, а затем эта задача все более усложняется тем, что сразу дается несколько участков поля и требуется определить, сколько четвероугольных саженей будут составлять в совокупности все эти поля.

От абстрактных примеров с полями автор геометрического руководства переходит к реальному примеру, измерению дворов, а затем города.

Следующая группа задач связана с определением периметра поля, если известна его длина и ширина.

В руководстве говорится: "Было поле в длину .189. поперег .80. сажен и будет похощешь знати что около ево сажен кругом будет и ты длину поперешником умнож. Да что выдет дробных сажен раздели радиксом (т.е. извлеки квадратный корень. — *Г.А.)* и что на четвертый пай выйдет, то положъ в четверо или умнож с .4. ми сколько во умножении будет столько и кругом". Здесь мы сталкиваемся с примером подсчета без объяснения, почему именно так надо поступать.

Из этой задачи становится ясно, для чего при вычислении размеров поля (по древней терминологии в "дробных саженях") переводят их в "четвероугольные", т.е. определяют стороны равновеликого квадрата. При умножении числа четвероугольных саженей на четыре получали примерную длину периметра данного земельного участка. Для строительства крепостей, дворов и т.д. это было чрезвычайно важно.

Автор геометрии на примере показывает, как быстро вычислить периметр города, если знаешь его длину и ширину: "Стоит город в длину ему .40. вертс а поперег .8. и то что в нем будет четвероугольных верст и что верст кругом будет, зри... И всего во граде .320. верст четвероугольных а в четвероугольном во все 4 стороны по 17 верст и 31 доля версты. Кругом града .68. верст и ~г долей версты".

Огромные размеры города не должны вызывать удивления, так как под словом "город" (как уже говорилось в гл. I) могут подразумеваться все принадлежащие ему пахотные и выгонные земли, а не только комплекс строений.

Далее идет целая группа задач обратного плана: как вычислить длину и ширину поля, если известна его мера кругом, сколько будет в нем четвероугольных саженей; как вычислить площадь поля, если оно "не четвероугольно и не кругло... а вышло кругом ево мысами" и т.д. Даются простейшие с большим допуском способы измерения, позволяющие быстро и легко измерить земельные участки во всех направлениях[1].

Дается образец того, как быстро просчитать число кирпичей, уложенных в палате на полу, в кадке и т.д.

Руководство позволяет быстро переводить сажени в десятины: "десятина в длину .80. сажен, поперег

[1] ОР ПБ им. Салтыкова-Щедрина, F.IX.47, л. 7, 7 об., 8, 8 об.

.30. сажен и того в ней всего четвероугольных сажен 2400". Для того, чтобы узнать, сколько в поле десятин, руководство рекомендует четвероугольные сажени поля делить на десятину. "Поле имеет размер 184 848 четвероугольных саженей... и ты поля всего все сажени четвероугольные дели десятинами и колько з делу выдет столько в том поле десятин и за десятинами остатков сажен".

Группа задач посвящена умению быстро определить количество войска, наступающего на город, в зависимости от той площади, на которой оно расположилось.

Интерес представляет и правило извлечения кубического корня, о чем рассказывается очень подробно. Эта глава называется: "Счет геометрического разума радиксом сиречь корени осмоугольно еже есть в длину и в ширину и в высоту ровно яко сице кубик". Автор геометрии рассказывает и как определить объем.

Непосредственно за этим идет раздел, названный "Указание како в житнице хлеб в сусеках намерять"[1] .

Целая глава, снабженная геометрическими чертежами, посвящена тому, как длинные участки земли превращать в круглые и четвероугольные, треугольные и обратно. Здесь предлагаются чисто геометрические приемы без арифметических выкладок. Все эти приемы давали градостроителям простые и легкие способы компоновки земельных участков с помощью простейших инструментов — веревок и мерных жердей. Вот один из примеров: 'Три поля были равны и сведены они в треугольные а из треугольных доспети четвероугольные".

Следующая группа задач раскрывает метод определения расстояния между двумя точками на местности, или расстояния между двумя селениями, если известно расстояние от третьего селения до двух первых. Расчет ведется по системе определения одной из сторон треугольника, если две известны. Таких задач с небольшими вариациями несколько.

Еще одна задача, представленная в геометрической книге (также с чертежами), называется: "Указ како знать до коего места нибудь сажен или аршин и вершков не меряв". Этот способ, видимо, особенно

[1] ОРПБ им. Салтыкова-Щедрина, F.IX.47, лл. 9 об., 10, 10 об. — 12 об, 13—15.

широко применялся при планировке города, составлении первых чертежей местности под город и его функционального зонирования. Для этого изготовлялся весьма примитивный инструмент в виде двух палок — батожков с острыми концами для втыкания их в землю. Заостренные концы обоих батожков, которые должны были уходить в землю, отделялись от верхней части "зазуброй". Сверху зазубры один батожок должен был иметь высоту аршина, а другой — полтора аршина. Батожок высотой в аршин размечался на вершки, батожок в 1,5 аршина наверху имел "дирку для смотрения".

Техника измерения (не сходя с места) сводилась к получению прямоугольника, на основе которого затем строился треугольник. Вершина этого треугольника и была искомой точкой. Прямоугольник и треугольник получались на местности следующим путем: "до коего места хощешь меру знать и ты те два батожка возми с собой да чернило да перо и на месте на котором стоишь воткни в землю аршинный батожок по зазубру и отойди". Далее автор геометрии рекомендует, отойдя от воткнутого в землю батожка, смотреть в дыру в полуторном батожке на ту точку, до которой идет измерение, как на "мешень как стреляют из пещали в утку по верху батожка... и как намишенишь ты оба батожка поставь в землю". Затем автор геометрии советует вынуть аршинный батожок, а вместо него поставить приметку. Все это рекомендуется начертить на бумаге. Далее промеры предлагается провести с другой точки влево от первой "намишенив" на ту же точку, до которой идет измерение. Все это в виде клина следует начертить на чертеже, предварительно промерив расстояние между батогами.

В этом же руководстве говорится, как определить высоту предмета, не измеряя его. Этот раздел называется: "Указ како знать чему нибудь высоту з земли стоя". В нем говорится: "Аще хощеши в высоту башни или какова дерева или чего нибудь, не мерев от верха до низу тое высоты ведать, и ты учини батог мерою высоты с себя". Батог затем надо расчертить на аршины и вершки. После этого вместе с батогом отойти от измеряемого предмета. Затем надо лечь на землю и навести батог на верх измеряемого предмета. Когда батог и измеряемый предмет совпадут, то батог надо воткнуть в землю, а затем замерить по

земле расстояние до измеряемого предмета. Половина этого расстояния и будет высота последнего[1].

На последних листах руководства рассказывается о простейшем приборе для определения высоты предметов и расстояний между точками на местности. Этот прибор, описание которого ни в каких других руководствах не встречается, дает большую точность и большие возможности, чем два батога. Он имеет форму квадрата, сколоченного из досок с прорезями, и устанавливается на уровне глаз. Пользующийся им человек смотрит через прорези с цифрами на измеряемые предметы, определяет по специально разработанной таблице их высоту, а также расстояние между различными точками на местности и так далее[2]. Поиски в музеях этого прибора не увенчались успехом.

Таким образом, "Книга именуемая геометрия или землемерие радиксом и церкулем" позволяет легко измерять земельные участки, устанавливать весьма просто высоту уже имеющихся или будущих сооружений.

Размеры отдельных участков определялись специальными веревками. Основной единицей измерения была десятина. Автор геометрии пишет: "Подобает ведать яко в Московском государстве дается писцом вервь мерная в длину 80 сажен а поперег 30 или вдоль 60 сажен, а поперег 40, то есть та же вервь. И в тех в обоих вервях по 2400 четвероугольных сажени, то есть добрые земли севу в одном поле 2 чети ржи а называется то десятина". Поле измерялось не только длиной и шириной, но также и количеством ржи, которым можно его засеять. Далее велся подсчет, сколько человек данная земля может прокормить. Исходя из этого можно предположить, что размер городских угодий увязывался не только с численностью населения, но и качеством земли.

В руководстве говорится:

"А в четверти севу добрые земли в длину .40. сажен, а поперег .30. сажен четвероугольных .1200. сажен.

А в четверти вдоль .50. сажен поперег .30. а четвероугольных в той средней земле в четверти ..1500. сажен.

В четверти вдоль .60. сажен а поперег .30. сажен

[1] ОР ПБ им. Салтыкова-Щедрина, F.IX.47, л. 28

[2] Там же,лл. 44—50.

четвероугольных в четверти худые земли .1800. сажен".

В разделе о веревщике, который должен в совершенстве знать все способы измерения земли, говорится, что "надобно веревщику держать три веревки вытных: одна верьвь на добрую землю, вторая на среднюю, и третья на худую. По земле смотря мерить какова земля такова и вервь мерить"[1].

Даются правила измерения сложных по конфигурации участков путем разделения их на простые фигуры[2].

Особый интерес для градостроительства представляет раздел, начинающийся с л. 44, где объясняются различные приемы пропорционирования: как, зная диаметр, определить длину окружности; как разделить круг на 3, 4, 6, 12, 24, 96 частей и т.д.

"Книга, именуемая геометрия или землемерие радиксом и церкулем" в значительной степени показывает те геометрические и арифметические приемы, которыми могли пользоваться градостроители при измерении и межевании земли для закладки городов, определения пропорциональных соотношений между сооружениями как в плане, так и по высоте.

При выделении жителям города участков под огороды и поля, очевидно, учитывалось качество земли — оно лимитировало размеры участков. В результате на хорошей земле город возникал более компактный, на плохой — разбросанный, широкий. Качество земли влияло и на плотность застройки города.

ГЛАВА III. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ГОРОДОВ

ТИПЫ ГОРОДОВ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI-XVD ВЕКОВ

Управление Русским государством XVI-XVII вв. было основано на принципах централизованной, самодержавной власти. Можно полагать, что такая же строгая организация была положена и в основу градостроительства. В XVI и XVII вв. было построено

[1] ОР ПБ им. Салтыкова-Щедрина, F.IX.47, л. 30.
[2] Там же, лл. 3Ооб, 31—33об.

более 200 новых городов; одновременно осуществлялась реконструкция древних. Без продуманной, хорошо организованной системы градостроительства создать такое число городов в короткий срок было бы невозможно. Возникновение новых государственных учреждений — приказов способствовало и упорядочению градостроительства.

В XVI — начале XVIII в. приказы были органами центрального управления в России и постоянно действующими учреждениями в русском централизованном государстве в отличие от временных и подвижных по форме органов управления периода феодальной раздробленности. Каждый приказ ведал порученным ему кругом вопросов.

Однако дела, касавшиеся строительства городов, находились в архивах различных приказов. Так в Разрядном приказе[1], ведавшем личным составом и службой поместных войск, хранилось наибольшее число дел, связанных со строительством городов, а также рисованные чертежи по городам.

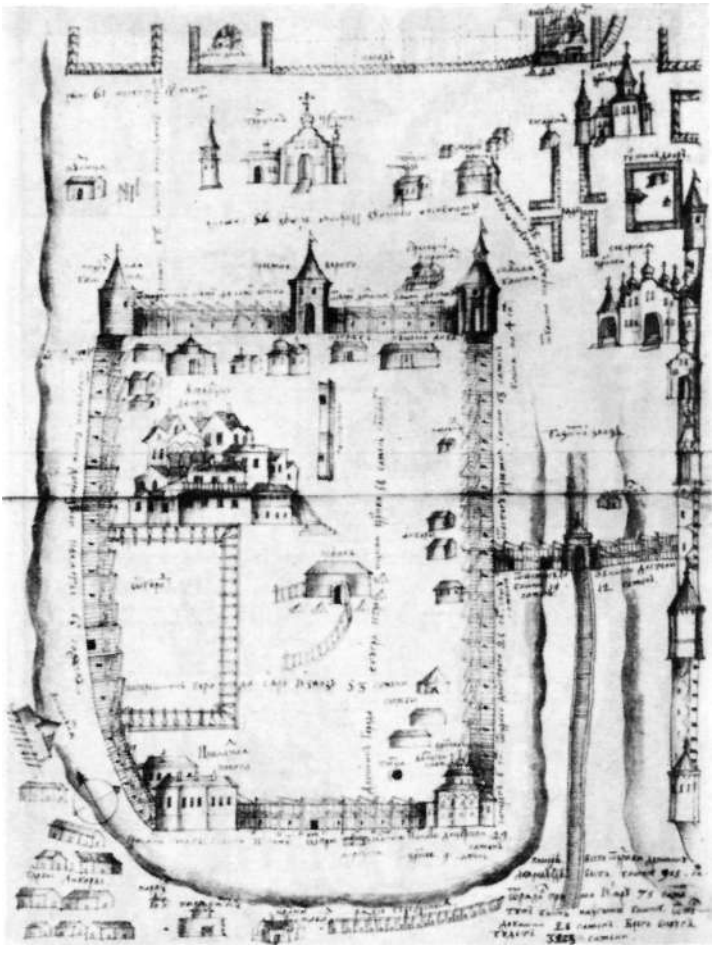
В архиве Поместного приказа, ведавшего обеспечением войск землей, хранились писцовые и переписные книги по подведомственной ему территории. Эти книги — важнейшие документы, на основании которых производился сбор налогов, точно фиксировались вотчинные и поместные землевладения. Поэтому в делопроизводстве Поместного приказа обязательно составлялись рисованные чертежи, которые сохранились до сих пор и дают яркое представление о земельных участках, городах и селах XVI-XVII вв.[2].

Перестройка системы ямской гоньбы (эта перестройка была связана с тем, что рост городов вызвал необходимость упорядочить сообщение между ними) привела к созданию Ямского приказа [77, с. 69]. Большое число дел, касающихся строительства городов, находится в фондах Посольского приказа, приказа Казанского дворца и Сибирского приказа.

Существовал и особый приказ Городового дела, впервые упоминаемый в 1577—1578 гг. [147, с. 310]. Новые материалы с документами Городового приказа были найдены В.И.Бугановым в ЦГАДА в составе фонда лифляндских и эстонских дел. Эти документы, опубликованные в 1965 г., раскрывают деятель-

[1] ЦГАДА, ф. 210.

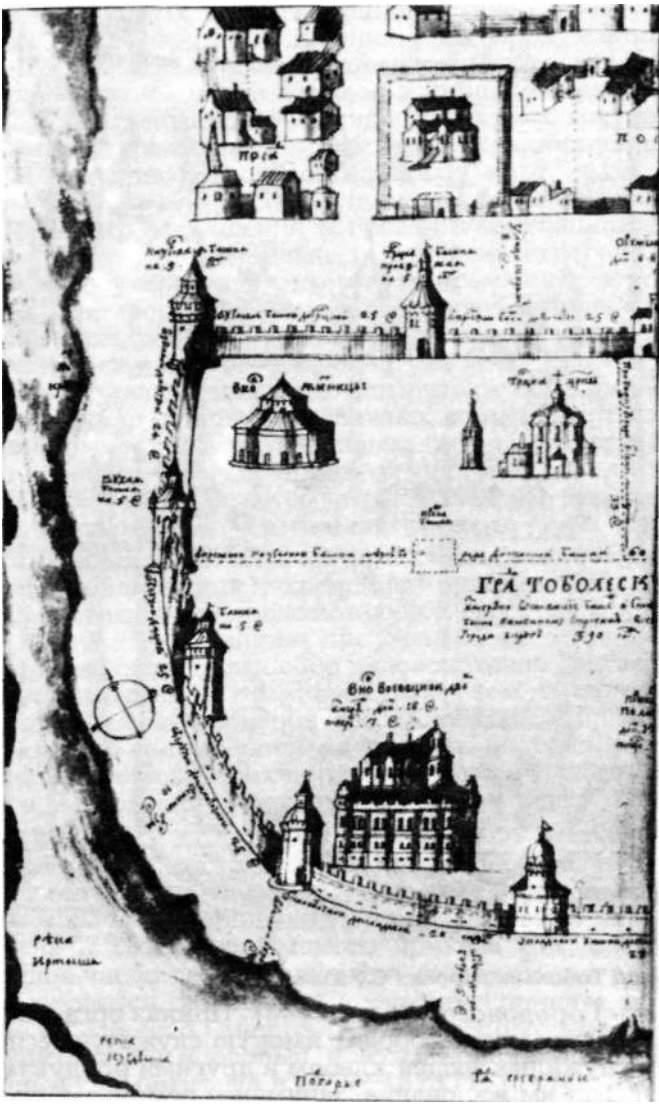
[2] ЦГАДА, ф. 1209.



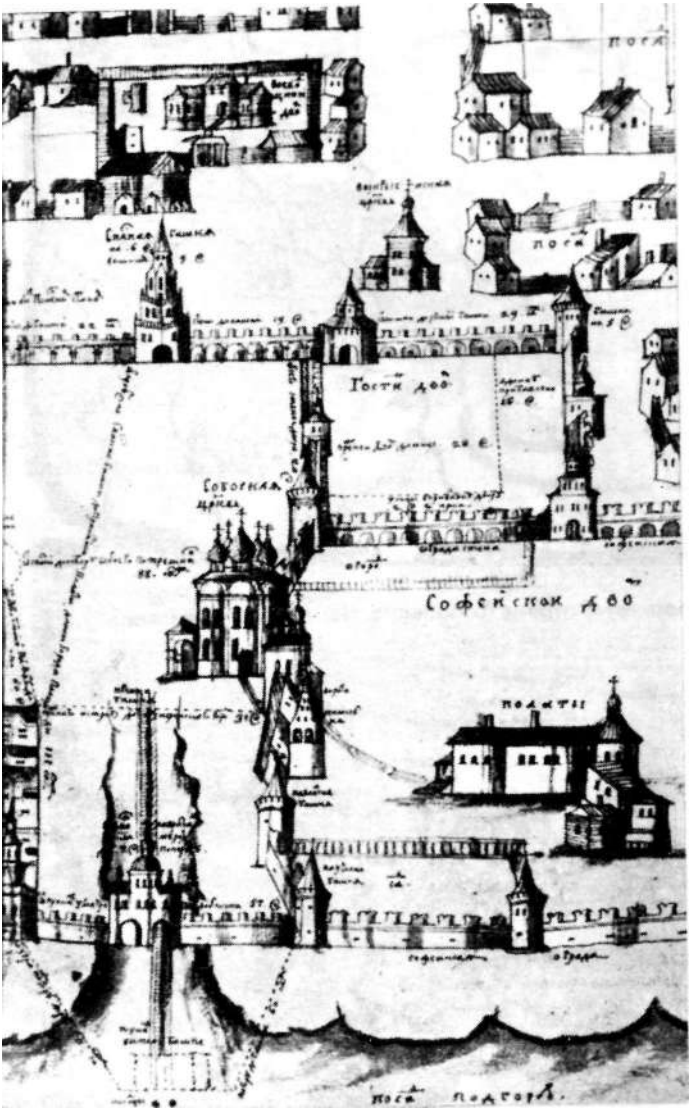
Город Тобольск. Проект С.У.Ремезова

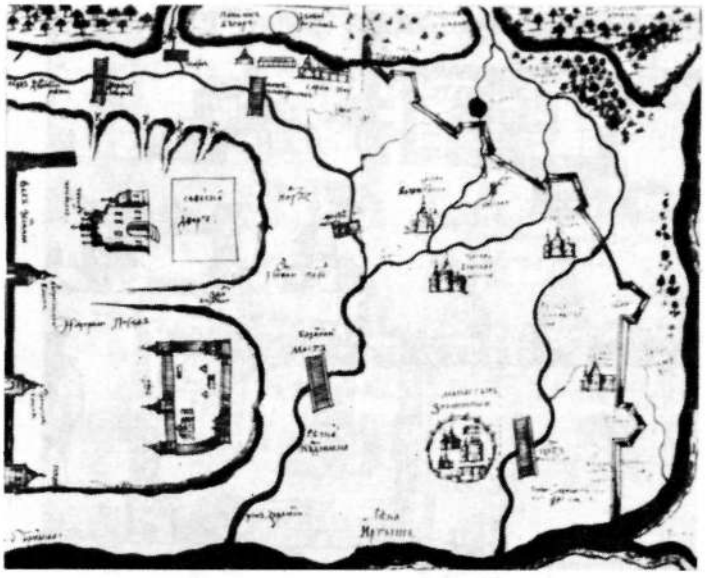
ность Городового приказа [43]. Приказ организовывал в ливонских городах ямскую службу, обеспечивал служилых людей хлебом и другими продуктами, раздавал им жалование, занимался ремонтом взятых русскими ливонских крепостей, возводил укрепления.

К середине XVII в. число приказов достигло 80. Эта сложная громоздкая система управления не в состоянии была справиться с задачами, стоявшими перед складывавшимся абсолютистским государством. Пестрота, разнохарактерность приказов, нечет-

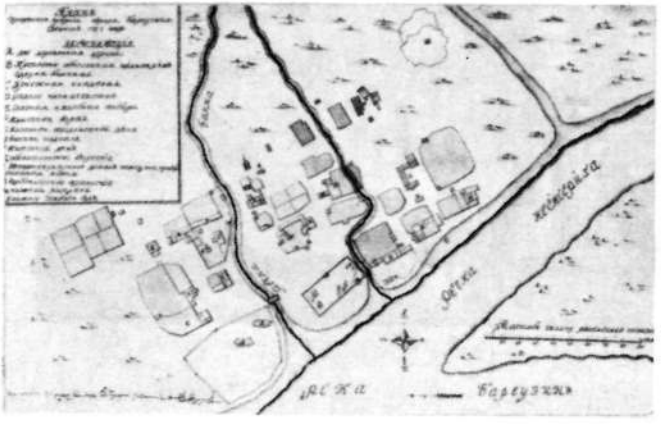


Город Тобольск. Проект СУ. Ремезова каменного и деревянного города

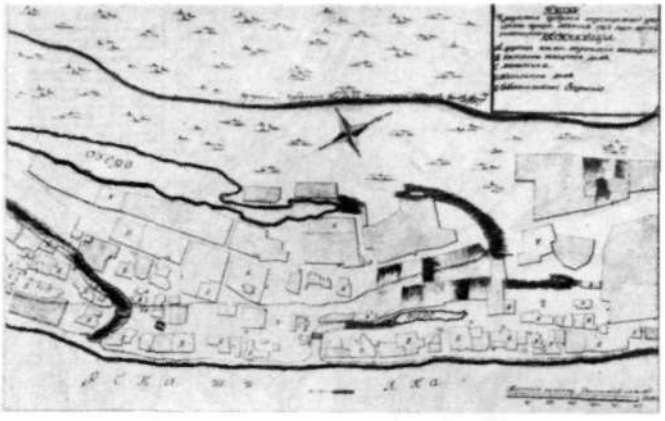

Гостин дво
Соборная церковь
Софейскои дво
подклет
посад подгород



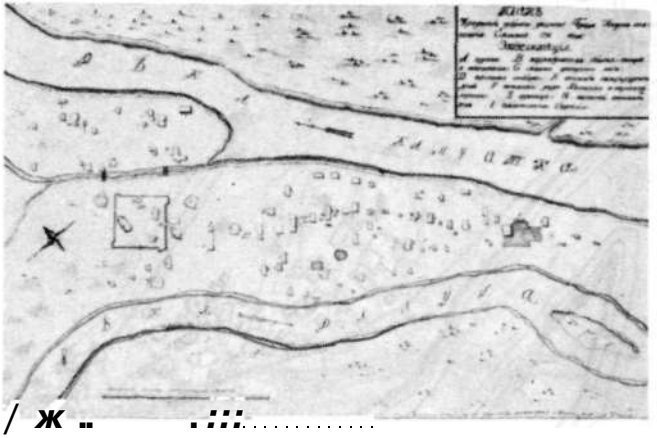
Доминанты города Тобольска. Чертеж СУ. Ремезова



План города Баргузина



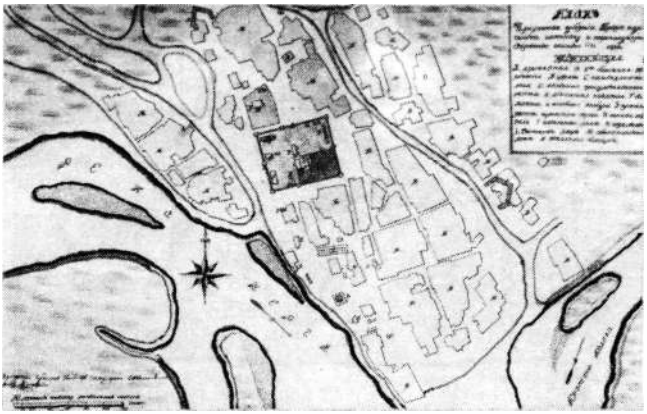
План города Сретенска



План города Нижне-Камчатска

кость распределения между ними областей управления привели к ликвидации их в начале XVIII в. Дольше всех просуществовал Сибирский приказ, действовавший вплоть до середины XVIII в.

Весь огромный материал приказного делопроизводства мало привлекался для того, чтобы выявить имеющиеся в нем документы, связанные с градо-

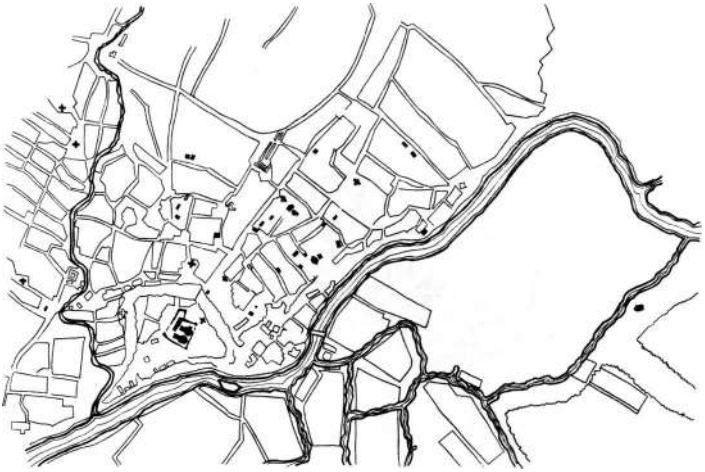


План города Нерчинска

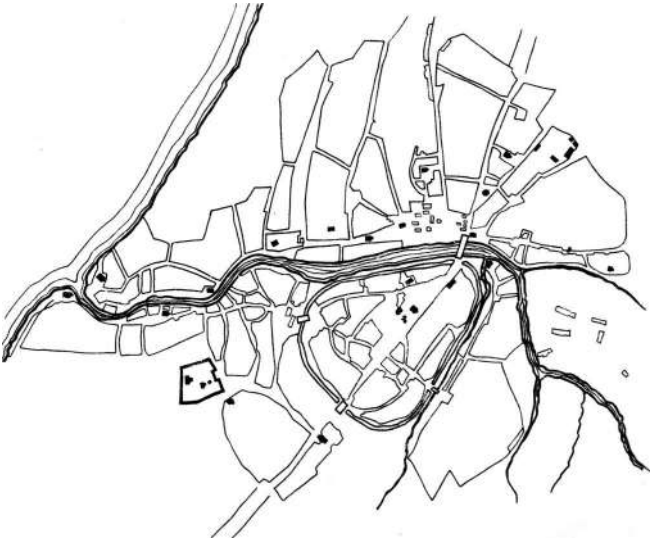
План Верхне-Вилюйского селения

строительством. Изучение этих архивов под таким углом зрения только начинается, но уже первые шаги, сделанные в этом направлении, дают возможность представить себе методы возведения городов в XVI—XVII вв., установить их типы.

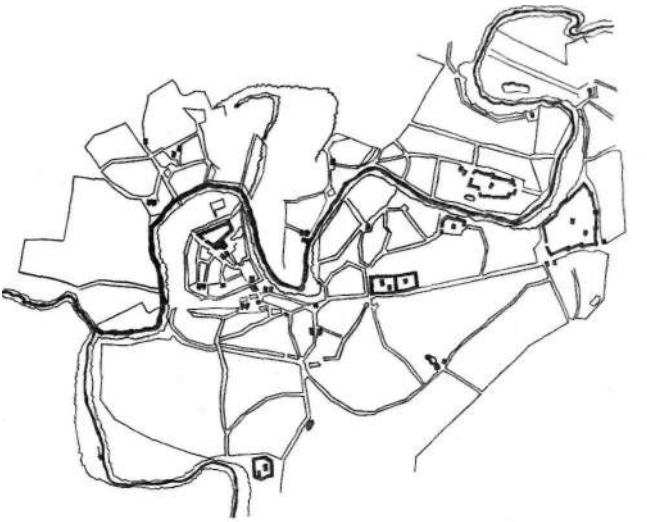
П.П.Смирнов выявил несколько типов городов в древнерусском государстве, а также кратко опреде-



План города Твери

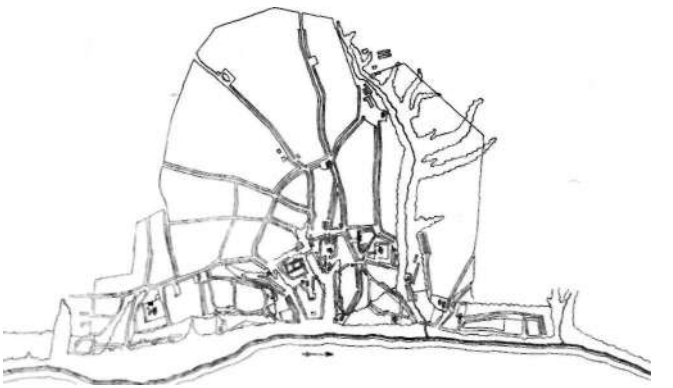


План города Переяславля Залесского

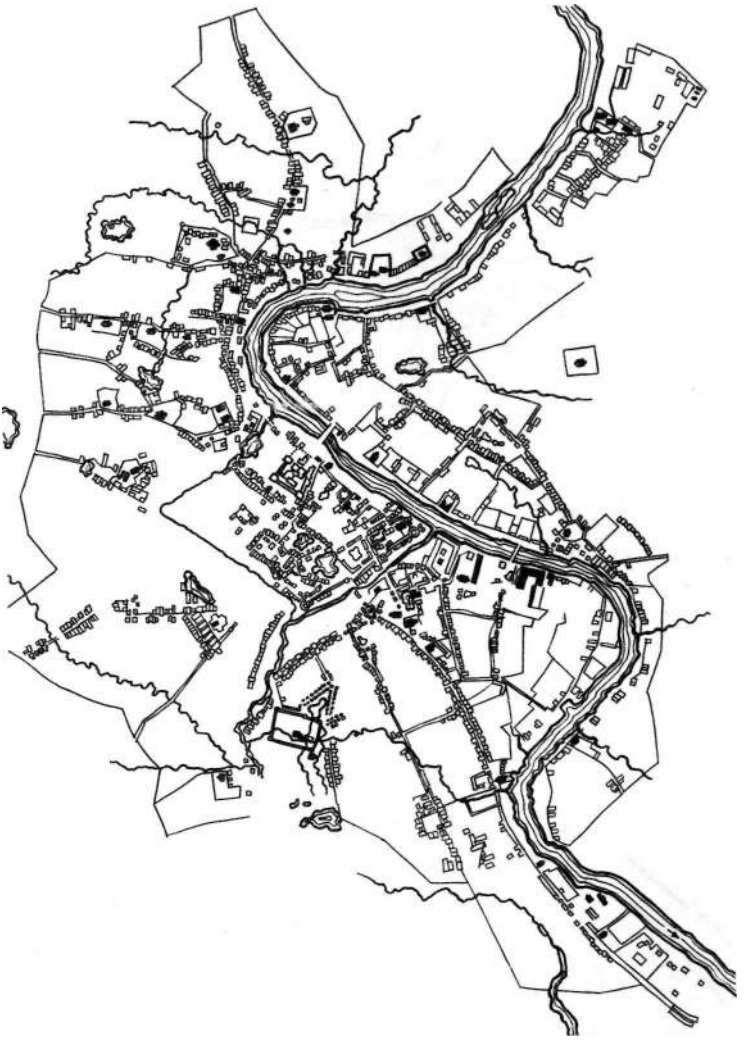


План города Суздаля

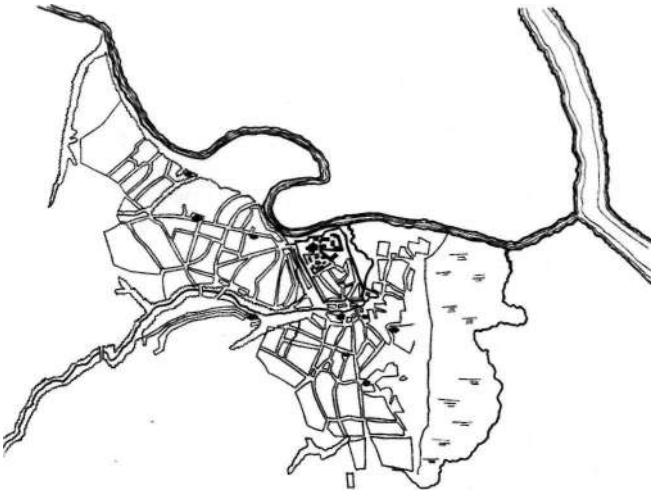
План города Галича



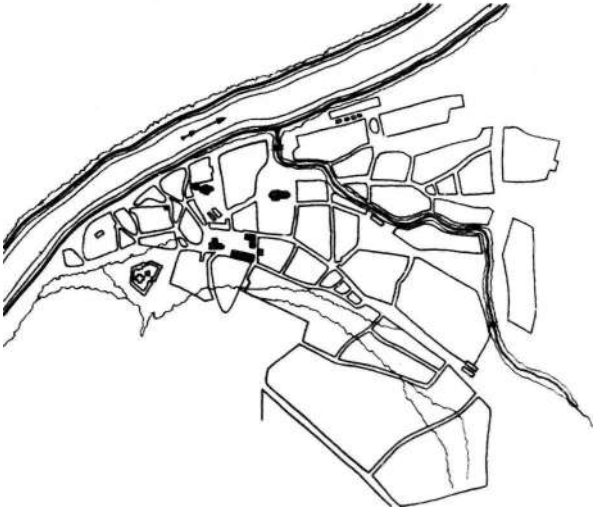
План города Мурома



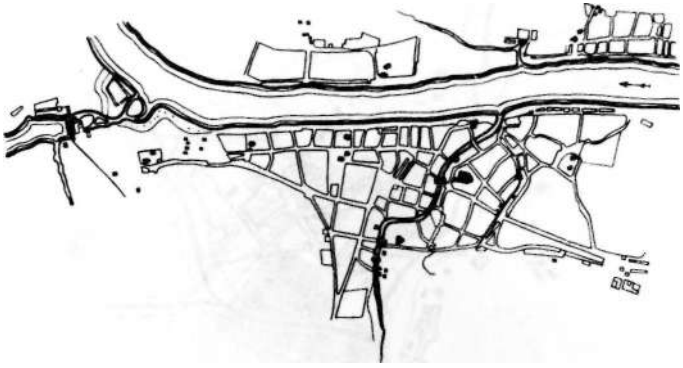
План города Вологды



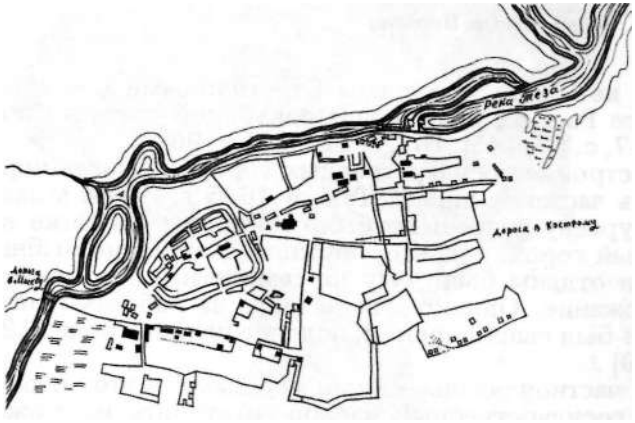
План города Рязани



План города Гороховца



План города Устюжна Железнопольская



План города Щуи

лил, какие типы городов сложились в русском централизованном государстве. Он классифицирует города по характеру городского землепользования и социальному составу населения [167, с. 7] .

Кроме государственных городов в XVI-XVII вв. еще существовали города частновладельческие. Примером частновладельческих городов может служить "мужицкий город" Шестаков, построенный в середине XVI в. на старом русле р. Вятки [167] . Известно, что ряд частновладельческих городов в XVI и

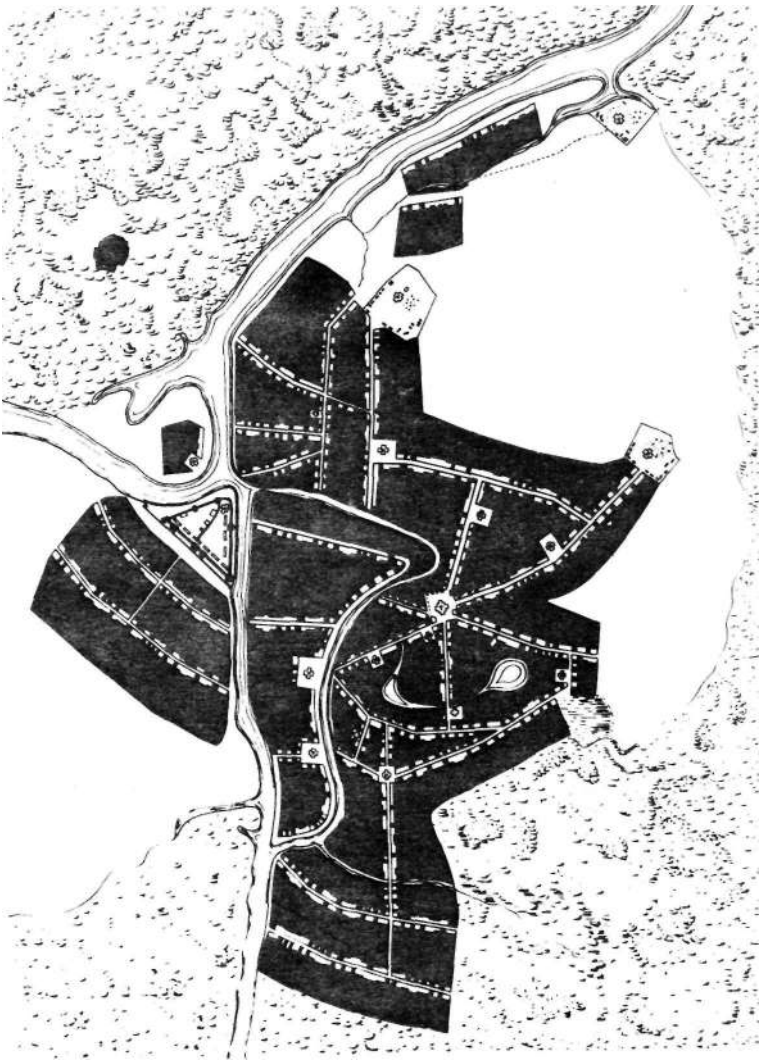
План города Нарыма

XVII вв. были построены Строгановыми в средней полосе России, на севере европейской части в Сибири [47, с. 33,145; 187, с. 124, 175-190] .

Постройка государственных городов иногда поручалась частным лицам. Так, в 1645 г. гостю Михаилу Гурьеву разрешено было построить на Яике каменный город, а за это яицкие и эмбийские рыбные ловли отданы были ему на семилетнее безоброчное содержание. Однако для надзора за работами определен был сын боярский, подчиненный воеводе [194, с, 120] .

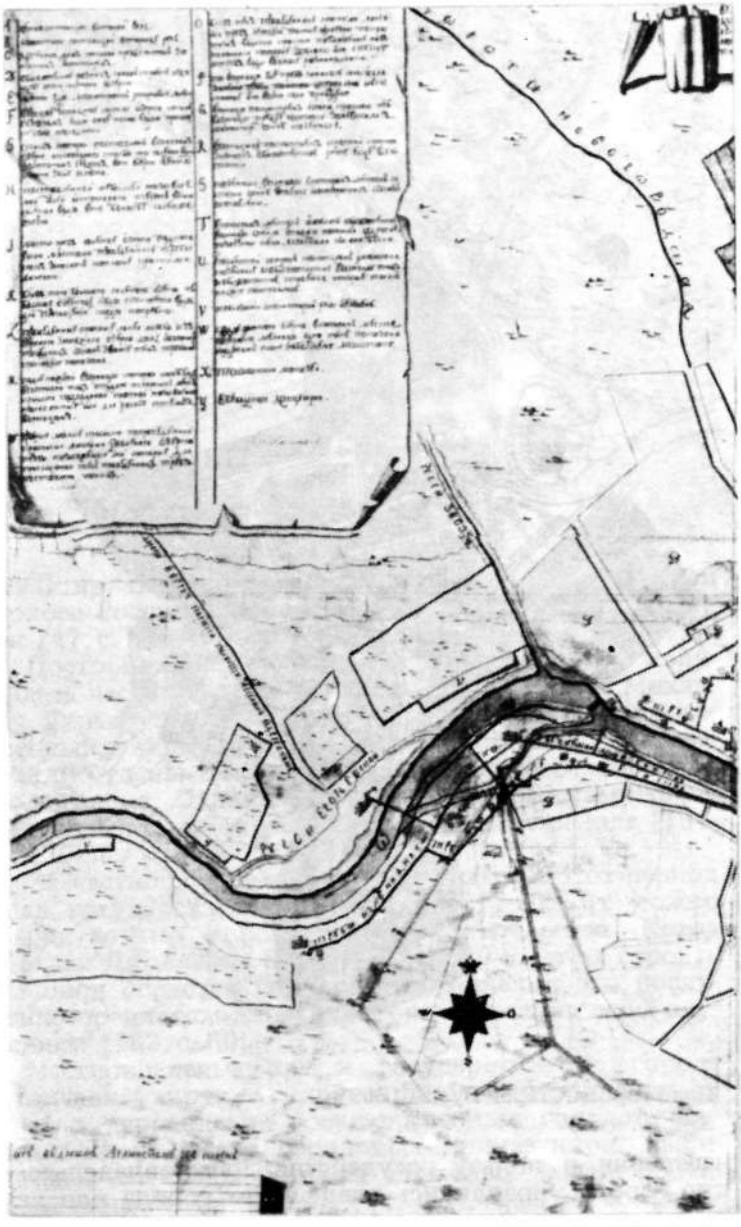
За частновладельческими городами в этот период был государственный надзор, и строить их можно было только с разрешения правительства. Когда Богдан Яковлевич Вельский в 1600 г. начал строить на свои средства город Царев-Борисов, это послужило предлогом для жестокого наказания его Годуновым [163, с. 60] .

Частновладельческие и государственные города отличались друг от друга формой управления. В XVI в. управление государственных городов осуществлялось через городовых приказчиков, выбираемых из среды уездных служилых людей, подчиненных наместникам, а в XVII в. — через воевод, подчиненных приказам. Такая форма управления городами позволяла осуществлять царскую власть на местах, получать все доходы, шедшие от городского

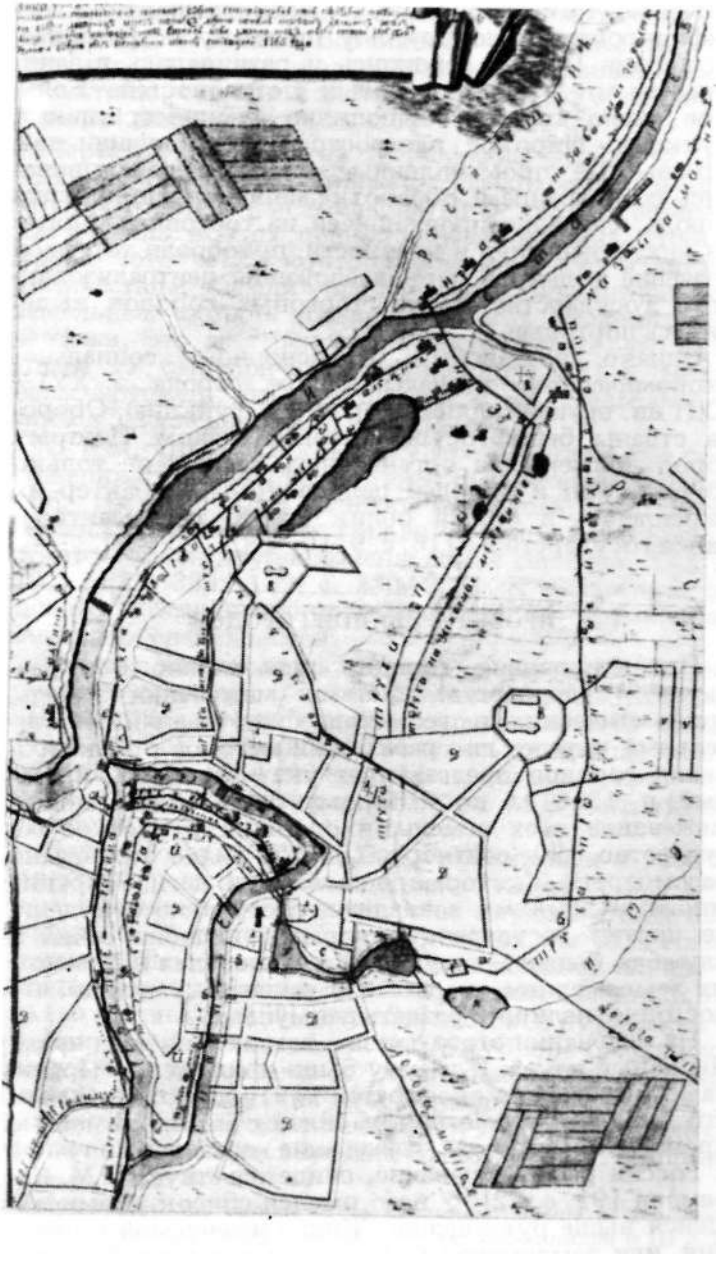


План города Старой Руссы 1609 г.

населения в пользу государства. Частновладельческие города управлялись владельцем города или лицом ему подчиненным и им контролируемым. Все доходы от такого города получал его владелец.



Топографический план Старой Руссы



Кроме того, города этого периода можно классифицировать и по другому признаку — функциональному. Города строились и развивались в зависимости от государственных потребностей. Большое число городов выполняло административные функции. Широкое распространение получили так называемые промышленные города, где развивались солеварение и обработка металлов. Появлялись города, специализировавшиеся на торговле. Многие из них, возникнув в древности, приобрели торговое значение только в период сложения централизованного государства. Среди торговых городов выделились портовые.

Однако независимо от основного социально-экономического назначения, все города в XУ1—XУП вв. осуществляли оборонную функцию. Оборона страны была государственным делом. Поэтому город должен был организовать защиту не только горожан, но и жителей целого уезда. Характер их укреплений и общий облик строго регламентировался государством [16, с. 9,10; 18, с. 20—28] .

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ГОРОДОВ

Проектирование городов невозможно без развития в государстве системы межевания земель, арифметических и геометрических знаний. Значительный интерес для раскрытия методов проектирования городов представляет указ Ивана ТУ, изданный в 1556 г., по которому было начато общее межевание всех земель, входивших в русское государство. 20 сентября 1556 г. было приказано рассмотреть, "которые вельможи и дети боярские многими землями завладели, а службою оскудели, не против государева жалования и своих отчин в службах бывают, государь же их повелел в поместьях землемерием уверстати и учинить комуж до, что достойно, излишки раздать неимущим".

На основании этого указа в том же году был издан Писцовый наказ. К наказу были приложены "Правила к исчислению плоскостей" [91, с. 19, 20] . О том, что в XУХ в. геометрия, в связи с необходимостью проводить широкое межевание земель, получила в России распространение, свидетельствует Н.М. Карамзин [91, с. 22] . У него имелся список упоминавшейся выше рукописной "Книги именуемой геометрия, или землемерие радиксом и церкулем". К ней были приложены листы о сошном и вытном письме.

П.И.Иванов, бывший во второй четверти XIX в., начальником архива Вотчинного департамента, пишет, что он разыскивал в архивах Писцовый наказ, геометрию, сошное и вытное письмо, но обнаружил одно сошное письмо. [91, с.19]

Чертеж. Писцовые и переписные книги XУГ—XУП вв. по Ельцу, Свияжску, Воронежу, Вязьме и другим городам свидетельствуют о том, что межевание земель в этот период осуществлялось строго, кроме того четко контролировалось, кто и каким количеством земли владел. При возникновении земельных споров обычно в книгах ссылаются на чертежи. Это дает основание предполагать, что указ Ивана 1У был причиной появления в XУ1 в. межевых чертежей, планов городов с их усадьбами, а также "расписных" списков городов ' .

О том, что в русском государстве отдельные сооружения строились по чертежу, было известно давно [56; 16; 182; 184] . Однако оказалось, что по чертежам возводились и города в целом. Материалы об этом были опубликованы еще в середине XIX в. [9, с. 333-335; 139, с. 230, 231]. К сожалению, до самого последнего времени они не привлекали внимания специалистов.

До нас дошло лишь несколько чертежей планов русских городов, а также фрагмент карты, видимо, "Большого чертежа" периода царствования Ивана 1У [113. с. 83]. Однако сохранились описи царского архива 1575—1584 гг., в которых упоминаются и чертежи. Описи хранятся в ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Царский архив XУ1 в. был опубликован в 1836 г. Археографической экспедицией Академии наук. В нем хранились дела, начиная от периода княжения Ивана III. В ряде ящиков поименованы различные чертежи. Так, в ящике № 22 был положен наряду с другими документами великого князя Василия и отца его князя Ивана "Чертеж Себежский и Гуменский". В ящике № 26 находился "Список города Смоленска с путьми и волостями ...", в ящике № 57 — чертежи западных городов (на нем написано: "Ящик 57, а в нем чертежи Лукам Великим и Псковским пригородам с литовским городом с Плотском"). В ящике

Чертежи, связанные с межеванием земли в деревнях, селах и городах, обнаружены в делах, хранящихся в ЦГАДА в фондах Разрядного приказа (ф. 210), Поместного приказа (ф. 1209), Сибирского приказа (ф. 214) и др.

№ 98 лежал "Список разводной на всю землю". Видимо, здесь был и "Большой чертеж" XУ1 в., который за ветхостью перечертили в XУП в. [74, с. 53, 59,135,153].

В предисловии к книге Большого чертежа, составленном в Разряде в 1647 г., говорится: "дьяки, думной Федор Лихачев да Михайло Данилов велели примерясь к тому старому чертежу, в тое ж мере сделать новой чертеж всему Московскому государству, по все окресные государства" [103, с. 49] . В связи с этим и был разыскан в Разряде старый чертеж, "что уцелел от пожару". Старая разрядная роспись, "что сделана в Разряде при прежних государях", также хранилась в Разряде. Из этого документа ясно, что чертежи, карты и описания составлялись и береглись в Разрядном приказе.

В ящике № 144 царского архива были "чертежи и списки украинных городов". В ящике № 160, наряду с другими бумагами о городах, сохранилась "городская роспись городу Василю, как город поставлен", и "отпуски по украинным городам литовским".

В ящике № 163 содержались списки Дмитрову, Рузе, Звенигороду. В ящик№ 220 были положены "чертежи Полотцкой и Озерницкой и грамоты и списки рубежу Полотцкому, что прислал из Полотцка боярин князь Петр Иванович Шуйский, да список с грамоты из Полотцка князя Петра Серебряного, да и волости Полотцкие ... да списки Озерницкого рубежа, что прислал князь Юрий Токмаков " [74, с. 68, 72,73,93].

В царском архиве XУ1 в. хранились лишь некоторые чертежи, большинство же их находилось в Разрядном и других приказах, которые ведали делами и строительством городов. Следовательно, в описи царского архива речь идет лишь о небольшой части графического делопроизводства средневековой Руси. Но и она показывает широкий охват различного рода поселений (от деревень до городов) графической документацией.

Необходимость учета земельных ресурсов страны и ее населенности в XУ1 в. диктовалась тем, что управление всем государством велось из центра. Как известно, процесс складывания централизованного русского государства сопровождался присоединением новых территорий, организацией жизни на новых землях, строительством большого числа городов. Совершенно естественно, что, только имея

графические и описательные документы о территориях Русского государства, приказы могли управлять ими. Это подтверждается рядом письменных документов. Так, указом от 18 сентября 1697 г. Сибирский приказ предписал "чертежи делать в городах для того, что в Сибирском приказе Сибирским городам чертежей нет и ведать непочем" [150, с. 217] .

О том, что дьяки приказов не сидели по городам, а "ведали ими" согласно сведениям, присылаемым с мест, свидетельствуют документы начала XVШ в., отчеты приказов о состоянии городов. В тех случаях, когда сведений не было, дьяк, составлявший отчет, писал: "А что тех городов земляного валу толщины и вышины по мере, и сколько башен деревянных порознь, и что не по мере вышины, того в Приказе Малые России неведомо, для того что в сметах и росписных списках именно о том не написано"[1] .

Чертежи по сибирским городам были составлены тобольским дворянином СУ. Ремезовым и его сыновьями. Эти чертежи, как свидетельствуют документы, были сделаны на высоком графическом уровне. О том, как делались чертежи по другим районам страны, видно из строельной книги города Ахтырского полка 194 (1686) г. Воевода Ахтырского полка просил Разряд прислать ему для составления плана города чертежника или иконника:"А для того дела дать из Севска чертежника или иконника, а буде в Севске ... нет дать из Рыльска". Поскольку в Севске на этот раз мастера не оказалось, то дан был "для чертежного дела из Рыльска иконник Федор Якимов" [140, т. 1У, с. 230-231].

Из других документов мы видим, что чертежи составлялись в приказах различными чиновниками, специально посылавшимися предварительно для исследования тех местностей, на которых должен был ставиться город. В 1600 г. Борис Годунов, давая наказ о строительстве города Дерева—Борисова, писал: "А чертеж и роспись тому месту им дана, а которые головы Федоръ Чюлковъ да Истома Михновъ того места смотрели и чертили и те головы Федоръ да Истома с ними же и посланы" [32, с. 5].

Эта же система применялась при составлении карт местности, дорог и исследовании новых земель, не приписанных еще к Русскому государству (не-

[1]ЦГАДА, ф. 396,оп. 3.,ед.хр.19,л.6об.

ясачных). Так, якутский воевода предписал Максиму Телицину "идти к устью Лены реки до Юганди реки, смотреть того накрепко, которые реки впали устьем в море, для государева ясачного сбору и приписки новых неясачных земель". Наказ заканчивался словами: "А приехав ему Максиму с товарищи явиться и распросу своего роспись и землицам и рекам и всяким местам чертеж учинить в съезжей избе отдать стольникам и воеводам Петру Петровичу Головину с товарищи". [138, №1,8,9].

О многообразии приемов русской картографии и видов планов городов свидетельствуют два дошедших до нас списка чертежей. Один из них составлен до 1666 г. в Разрядном приказе думным дьяком Д.И. Башмаковым [140, т. 1У, с. 15—29], другой является списком с чертежа Сибирской земли [170, с. 1-ХУ1].

Из списка Башмакова, состоявшего из 231 чертежа, становится очевидным, что некоторые чертежи делались в Разряде:"... чертеж польским городам и полю ... зделан в Разряде в 135 (1626—1627) г.". В первом разделе списка — "Чертежи разных городов" имеются и другие упоминания об изготовлении чертежей в Разрядном приказе: "Два чертежа городом по черте, и которые го роды от черты к Москве и за чертою до Тору и к Литовской стороне и до Красного Куту, деланы на Москве в Разряде" [68, с. 15-28].

Одновременно с безымянными чертежами были и авторские. Та, например, в описи назван автор чертежа и описания Московского и Польского государства: "... а делал тот чертеж старец Варламей Палицин".

Большинство чертежей списка делалось на месте, видимо, по заданию Разряда; по многим городам составлялись погодные чертежи. Как правило, чертежи высылались в Разряд за подписью воеводы города или лиц, ответственных за его управление и оборону: "Чертеж Орловской, каков прислал Борис Колтовской в 144 (1636) году"; "Чертеж Рыльской, каков прислал стольник князь Алексей Лыков во 148 (1640) году"; "Чертеж Севской , каков прислал стольник и воевода Андрей Бутурлин во 162 (1653) году"; "Чертеж, каков прислал из Путивля воевода князь Василий Львов во 154 (1646) году"; "Чертеж Азовскому городищу, каков прислал из Путивля стольник Григорий Пушкин во 149

(1641) году"; "Чертеж, каков прислал изо Мценска стольник и воевода князь Михайло ... Пронский да князь Михайло Козловский во 147 (1639) году"; "Чертеж Чернавской, каков прислал Иван Стремоухов во 147 (1639) году" [68, с. 15,16,17,18] .

Чертежи иногда посылались подьячими и другими лицами, не занимавшими высоких постов в управлении города. Так, чертеж Старого Оскола был послан в Разряд подъячим Давыдом Мордасовым в 155 (1647) г. [68, с. 18]. Один чертеж города Земленского был послан из Воронежа в 168 (1651) г. Иваном Савцовым, а другой — Гаврилой Островским в 172 (1664) г. Чертеж Обояни в 158 (1650) г. прислал Иван Колтовской.

Большое число чертежей было сделано по Белгороду, Белгородскому и Карповскому валам в 1646 г., а также татарским перелазам через реку Ворсклу. Наиболее ранний чертеж по Белгороду был послан в Разряд стольником и воеводой князем Петром Пожарским в 1640 г. Чертеж "Литовским пасекам, что по Мерлу и по Мерчуку", был прислан из Белгорода "боярином и воеводою князем Никитой Ивановичем Одоевским с товарищи" в 1648 г. Годом раньше Омельян Бутурин и Степан Глебов прислали чертеж татарским перелазам через Ворсклу, а окольничий и воевода Тимофей Федорович Бутурлин прислал план Белгорода.

Планы городов отсылались в Разряд ежегодно, нередко и дважды в год. Так, например, в 1668 г., видимо, в связи с закладкой Белгорода на новом месте, Ю.Н. Борятинский "с товарищи" 11 февраля, 3 сентября и 3 декабря высылает в Разряд 3 плана города: "чертеж' Белгороцкой и новым местам, где быть пристойно новому Белгороду".

О том, что чертежи городов изготовлялись и в Разряде в Москве и в других городах, свидетельствует описание одного из планов: "Чертеж Белгороцкой и иных украинных городов, которые по черте, в начале Белгород, а на низу того чертежа Танбов, а которого году тот чертеж и на Москве ль или в городах делан того на нем не подписано" [68, с. 20].

Кроме чертежей, присланных различными лицами в различные годы в Разряд по городам (Карпову, Хотмышску, Вольному, Ахтырке, Ельцу, Воронежу, Корочи, Яблонову, Новому Осколу, Дереву-Алексееву, Валуек, Усерду, Олшанску, Нежину, Урыву, Костенкам, Орлову городку, Романову, Усмани, Доброму, Козлову, Тамбову, Чугуеву, Тору,

Маяцкому, Змееву, Нижегольску, Колантаю, Валкам, Новгороду Великому, Пскову, Полотцку, княжеству Литовскому, Глубокому, Невелю, Туле, Одоеву, Крапивне, Веневу, Переяславлю Рязанскому) , были представлены чертежи и по засекам (Дубровской, Копыцкой, Веневской, Столицкой, Сосенецкой, Рязанской). Чертежи городов от Брянска до Переяславля, карты местностей и засек имелись и хранились не только в Разрядном приказе. Так, например, "Чертеж Северных и Украинных городов" был прислан в Разряд в 1657 г. из приказа Тайных дел. Чертеж Ефремову городищу был прислан в Разряд в 1635 г. из Поместного приказа [68, с. 21—28].

Процесс проектирования и строительства городов раскрывается при изучении документов Старой Руссы, Ельца, Царева-Борисова, Тамбова, Козлова и других городов Белгородской засечной черты. Методы проектирования и строительства можно проследить на материалах сибирских городов Иркутска, Тобольска, Тюмени, Нарыма. Для того, чтобы представить себе, как шло проектирование городов, в первую очередь надо попытаться уяснить, что представляли собой те чертежи, которые делались для закладки городов и изготовлялись при дальнейших его перестройках. На примере Белгорода и других городов, согласно описи Башмакова, мы видим, что так называемых чертежей по городу было много. Естественно возникает вопрос: повторяли ли эти чертежи один другой или каждый план делался для того, чтобы осветить по-новому какую-то из сторон города? Мы считаем, что чертежи составлялись в зависимости от тех задач, которые в каждом конкретном случае ставились.

В архивах сохранился ряд рисованных аксонометрических чертежей. Это, в первую очередь, рисованные планы Москвы. Наиболее ранний из них, опубликованный в начале XУХ в. Герберштейном, в науке считался фантастическим. Однако такое отношение к нему, на наш взгляд, неверно [49].

Детальным изучением этого плана занимались мало. Сооружения, изображенные в центре плана, обычно рассматриваются как архитектура выдуманная, никогда не бытовавшая на русской земле. А между тем подобные сооружения встречаются в других русских городах. Так, в начале XУП в. СУ. Ремезов, реконструируя Тобольск, проектировал в центре сибирской столицы подобные сооружения. Они существовали в Смоленске, Киеве, Владими-

ре-Волынском, в Подмосковье (церковь св. Георгия в селе Коломенском) и других местах. Таким образом, можно предполагать, что чертеж Герберштейна зафиксировал реальное состояние Москвы (а возможно к нему попал чертеж более раннего времени), которое в результате ее реконструкции в XVII в. изменилось.

Совершенно иное представление о Москве дает план конца XVI в., так называемый "Петров чертеж". Анализ его позволяет думать, что делался он как проектный план, фиксирующий уже проведенные работы по реконструкции в центральной части города. План зашифрован разномасштабностью частей города. Так, Кремль и Китай-город даны в более крупном масштабе, чем Белый город, а Скородом в еще более мелком масштабе, чем Кремль. Если графически снять эту разномасштабность [71, с. 144—150], то Петров чертеж будет приближаться к Мичуринскому плану Москвы, снятому геодезически в 1739 г. На то, что Петров чертеж был проектным планом, по которому шла реконструкция города, указывает ряд его особенностей. Так, характер планировки и застройки центра и окраин Москвы различен. Это различие заключается в иной трассировке улиц, их ширине, величине площадей и размерах домов и храмов [23, с. 120-122].

Весьма вероятно, что между Герберштейновским и Петровым чертежами существовали еще чертежи, по которым велась реконструкция города. Можно думать, что один из приказов ведал вопросами организованной реконструкции столицы, начавшейся с конца XV в. при Иване ГО. Видимо, в это время продумывалась структура столицы русского государства.

Свидетельством сознательной реконструкции Москвы может служить соединение всех земель города Москвы в руках великого князя и предоставление совладельцам других земель за пределами города. Эта реформа была проведена при Иване III. Ранее, при Иване Калите, земли города Москвы были разделены между наследниками. Такой порядок существовал вплоть до конца XV в., хотя временами земли соединялись в одних руках [179, с. 203—204]. Иван III активно начал проводить перестройку центра Москвы — Кремля. Его наследники в XVI в. продолжали реконструировать Москву. За одно столетие были созданы укрепления и пе-

репланирован Китай-город (древнейший посад Москвы). Была окружена стенами огромная территория земляного города, который начал заселяться по городскому принципу. Петров чертеж мог быть составлен только при наличии в Москве сильной картографической группы, которая, видимо, имелась в Разряде и готовила чертежи.

Косвенным подтверждением наличия в Москве большой картографической группы в XVI—XVII вв. являются указы, изданные после Смутного времени. Перед проектировщиками Волконским и Волковым правительством была поставлена задача определить, как была искажена планировка города, поставлены дворы во время "московского разорения" и дан указ выяснить, "каковы были улицы и переулки мерою в ширину устроены наперед сего при Федоре Ивановиче"[1] [146, с. 3]. Этот документ указывает на то, что в 80-х годах XVI в. существовало продуманное размежевание городских земель и в XVII в. считалось необходимым восстановить прежнюю планировку.

В 1626 г. дается указ о сломе всего того, что не соответствует планировке XVI в. Вряд ли это можно было сделать без Хотя бы аксонометрических чертежей.

Рисованные стланы городов, сел, деревень, различных районов местности были одной из важных частей приказного делопроизводства. Эти чертежи сохранились в ЦГАДА в фондах Поместного, Сибирского и Разрядного приказов —в Московском, Приказном, Поместном, Севском и Белгородском столах. Каждый чертеж имел легенду, которая раскрывала цель его составления. В XIX в. легенды были отделены от чертежей. Ряд чертежей был опубликован без легенд, и это снизило их научную ценность, так как осталась невыясненной цель, с которой данный чертеж составлялся, а конкретная задача, как известно, прямо влияла на характер чертежа. С 1979 г. ЦНИИТИА (автор Г.В. Алферова) совместно с ЦГАДА (авторы Т.С. Иванова и М.И. Автократова) было выявлено большое число рисованных чертежей XVII в., некоторые из них публикуются в данной работе.

Исключительный интерес для понимания характера рисованных чертежей представляют два плана

[1] ЦГАДА. Разрядный приказ, ф. 210, Московский стол, столбцы, столб. 84, лл. 1, 2, 14—85.

Серпухова, хранящихся в ЦГАДА, составленные с разными задачами. На одном город и Высоцкий монастырь показаны регулярными. Условно и схематично нарисованы дворы посадских людей. На другом город показан нерегулярным, монастырь также имеет сложный план. Кроме того, изображены свободно трассированные улицы и дороги. По контуру города дается его обмер[1]. Этот план точно скопирован с какого-то другого плана и, согласно надписи, составлялся для межевания.

Различно показана местность Тверского и Ярославского уездов на четырех рисованных картах из ЦГАДА. Условно кружочками и в виде схематических домиков даются селения по р. Тверце, видимо, между Торжком и Тверью[2]. В иной манере, но близкой первой карте, дается план местности по берегам р. Волги в месте впадения в нее Корожени и Святицы. На этой карте показан район Кашинского уезда Нерхоцкого стана[3]. Совершенно иначе дается план пустоши близ р. Обинетудки. Посередине чертежа изображена пустошь, по поводу которой идет спорное дело. Около пустоши надпись: "пустыши Семенцовой не сыскано". Орнамент в этом чертеже играет большую роль[4]. В спорном деле о землях в Ярославском уезде сохранилась легенда, которая отражает деловую сторону этого чертежа. Карта многократно и живописно изображает поселения, реки, дороги, леса. Она испещерена надписями и пояснениями[5].

Чертеж монастыря с деревянным ограждением и резными воротами[6] в районе Пскова дает яркое представление о характере его архитектуры. Монастырь расположен около поселения, рощи и попова двора.

Чертеж Ново-Иерусалимского монастыря на р. Истре под Москвой, видимо, был составлен еще при патриархе Никоне. На нем показаны деревянные монастырские стены и абрис закладываемых каменных зданий. На чертеже изображен скит Никона, стоящий на острове. Хорошо виден ров и

[1] ЦГАДА, ф. 1209, Алексин, № 332/30972, ч. Г, л. 174V ч. II, л. 333.
[2] Там же, № 220/40836.
Там же, № 510/35826.
Там же, Торопец, № 22652, стлб. II, л. 118
^Там же, Углич, № 124/35661
[6] Там же, № 138/23400, ч. I.

мост через него. Топографически правильно нарисована река Истра. Реалистично даны стены и башни монастыря[1].

В приказном делопроизводстве имеются чертежи храмов, домов, общественных и хозяйственных построек, промышленных и оборонительных сооружений. Все это свидетельствует о широком применении и значительном разнообразии чертежей.

Остановимся подробнее на рисованных планах городов. Их язык значительно полнее и богаче языка ортогональных планов. Видимо, это одна из причин того, что в России, вплоть до середины XVШ в. вместе с топографическими чертежами одновременно делали рисованные планы городов. Однако между рисованными планами городов XVП и XVIЦ вв. есть существенные различия.

Рисованные планы городов конца XV1 — начала XVП в., например, Москвы, Данкова, Козловского и Тамбовского уездов имеют свой масштаб, как правило, зашифрованной, своеобразную условную технику передачи планировки и застройки.

Вторая половина XVП — и начало XVШ в. дали более реалистические, приближающиеся к топографическим, планы городов. К ним, в первую очередь, следует отнести план Олонца, Тары, Илимска, Слободского, Белгорода, Тобольска, последний выполнен С. Ремезовым. Планы городов Белгорода и Тобольска имеют масштабы. Каждый из них по своему своеобразию и методу подачи индивидуален, но вместе с тем их роднит тенденция к сближению топографического плана с пространственным решением города. Еще ярче эта тенденция проявляется в планах XVШ в., например в плане города Л уха. Рисунок города, его пространственная структура имеют в своей подоснове топографический план, который, видимо, был известен автору чертежа. Та же картина наблюдается и при сличении рисованного живописного плана Парфеньева с топографическим планом этого города. Так же подается автором начала XVШ в. и рисованный план Казани, который в рисунке повторяет топографически снятый абрис крепости.

[1]ЦГАДА, ф.1209, № 2091/19192, ч. II, л. 1, 1 об.

Рисованные планы Владимира, Воронежа, Луха, Кизляра, Парфеньева на р. Нее[1] и других городов приближаются по своей манере к иконописным изображениям или к миниатюрам в лицевых сводах. Они относятся к началу XVII в. Продолжая древние традиции рисованных чертежей, эти планы строятся, однако, уже на топографической подоснове. В середине XVII в. одновременно делались топографические и рисованные планы. Таковы планы Осташкова и Вышнего Волочка. Кроме этих видов чертежей, на которых совмещались изображения плана города, его пространственной системы и рельефа местности, был другой способ изображать города, применявшийся, видимо, с целью функционального зонирования которое, несомненно, существовало в Русском государстве при закладке городов. На древнем чертеже изображался кремль, а прямоугольниками или квадратами указывались места расселения жителей города. Такого рода чертежи сопровождались росписью, пояснявшей мысль, заложенную в чертеже. Такие чертежи сохранились по Ельцу, Тамбову, Старой Руссе и другим городам. На этих древних схемах функционального зонирования все показано условно. Схематично изображены реки и вся местность, отсутствует информация о художественных качествах города и его планировочной структуре. Вместе с тем план дает яркую картину расселения в городе, точно показывает места, которые отводились для тех или иных сословий. Местоположение этих групп в первую очередь увязывалось с крепостью, а также с реками, на берегах которых лежал город[2].

Одна из вершин картографического искусства допетровской России — чертеж города Киева, приписываемый стольнику полковнику Ивану Ушакову. Исследование самого плана Ушакова [27] и письменных источников второй половины XVII в., связанных с возникновением плана Киева, позволяет установить пути формирования этого уникального памятника картографического искусства.

Эти чертежи-рисунки находятся в Отделе редкой книги библиотеки ЛО АН СССР. Они датируются началом XVII в. При сличении их с более ранними чертежами становится очевидным, что традиция изображения чертежей иконописными методами бытовала еще в XVII в. Опубликованы Л.И. Тверским [173,с. 20,67,195,196].

Чертежи хранятся в коллекции ЦГВИА, ф. ВУА.

На нем одновременно изображены планы верхних "городов" Киева (Владимира, Изяслава, Ярослава, Печерского) и Нижнего — Подола, а также Печерского местечка. Размеры этого плана 320х 150 см. Тонко и детально проработаны города, значительно примитивнее и грубее сделана карта местности, что заставляет предположить, что они разновременны. Чертеж изобилует описаниями.

Необходимо отметить, что карту, по всей вероятности, дополнял Росписной список Киева 1695 г., составленный на момент изготовления чертежа, так как данные, не зафиксированные Росписным списком, мы находим на ленточной надписи вверху чертежа[1]. Так, Росписной список, написанный в Приказной палате, которая осуществляла царское управление в Киеве, включает в себя подробнейшее описание состояния Верхнего Большого и Меньшого городов Киева, где размещались гарнизоны русских войск. В ленточной надписи на плане отсутствуют сведения о Верхнем городе, хотя он детально изображен в центре карты.

С другой стороны, в Росписной список не попало описание Нижнего города Подола, так как по Магдебургскому праву его управлением занимался Киевский магистрат. Ленточная надпись чертежа восполняет недостающие данные Росписного списка и дает детальное описание состояния укреплений Нижнего города.

Сам чертеж снабжен надписями, а расстояния между различными объектами на местности указываются цифрами, выраженными в саженях и аршинах. Чертеж составлен так, что расстояния между объектами близки к масштабным, но все размеры взяты приблизительно, что характерно для рисованных чертежей.

Подтверждением того, что составители карты старались придерживаться масштабности и определенной пропорциональности при составлении чертежа, является изображение циркуля в левом верхнем углу плана. Концы циркуля разведены и опираются, как можно предполагать, в измерительную линейку. Под циркулем в верхнем углу так и указано: "размер".

[1] Мнение о том, что составитель плана пользовался Росписным списком, высказано А.В. Буниным. Но Бунину не был известен список 1695 г. и он считал, что картографы пользовались Росписным списком 1682 г. [44, с. 310].

План выполнен методом перспективного (а не ортогонального) изображения. Этот способ наиболее нагляден, так как позволяет зрительно представить не только планировочную сетку, но и систему оборонительных сооружений, расположение и характер различных построек, фасады домов и церквей. Изображения выполнены гусиным пером черной тушью, кое-где с отмывкой. Линейный рисунок иногда подчеркнут штриховой светотеневой проработкой формы. Манера выполнения рисунка дает возможность определить характер материала, из которого были возведены постройки. Нарисованные на плане фасады зданий отличаются верными пропорциями и тонким графическим исполнением. План черно-белый за исключением дорог, показанных коричневым цветом, и темно-зеленых речных полос.

Темно-коричневые полосы дорог вьются по карте, создавая затейливый рисунок. Пластике дорог противопоставляются крепостные сооружения "земляных городов и городков", имеющие более жесткую конфигурацию. В то же время легко и скульптурно изображены горы. Автор чертежа отошел от условной манеры изображения холмов, характерных для русских карт ХУП в. и сохранившихся в чертежах С .У. Ремезова, работавшего над составлением планов сибирских городов. Изображение растительности на карте дает немало информации: поля, луга, болота показаны условно, однако это не мешает видеть подлинную картину. Показаны породы деревьев, старые леса отличаются от молодняка.

Разнообразная манера подачи различных частей плана дает возможность предположить, что план 1695 г. был скомпонован из уже имеющихся чертежей, сделанных ранее. За основу,-видимо, были взяты планы городов, изготовление которых началось, согласно письменным источникам, с 1673 г. Они определили "масштаб" всей карты, а ситуация местности, примерно в тех же пропорциях, была пририсована. Поэтому план по размерам получился непомерно большим.

Роспись. К мысли о том, что живописные города в ХУ1—ХУП вв. проектировались и закладывались определенными методами, приводит второй тип строительной документации — роспись. Чертеж и роспись во всех документах, связанных со строительством городов, упоминаются, как правило, вместе. Известны роспись по городу Нарыму, сос-

тавленная в 1644 г., и сметная роспись Олонца 1669 г. [161, с. 907]. Роспись и чертеж Нарыма были составлены на предмет перенесения Нарыма, основанного в 1529 г., на новое место, так как старое место оказалось неудачным в стратегическом и торговом отношении [45, с. 19; 139, с. 40] . Росписи к чертежу, где быть новому Нарымскому острогу 1644 г., предшествует отписка нарымского воеводы, в которой он сообщает, что вместе с'росписью посылает в Москву и чертеж нового острога. Однако чертеж не сохранился. Роспись же начинается так: "Государевых крестьян на горе над речкой стоит у сад, а той речке имя Сюдми, и на том месте быть новому острогу".

Автор росписи предлагает пашенных крестьян перевести к крестьянским пашням, так как другого места для постройки острога нет. Вместе с тем он говорит, что этого места для города недостаточно, так как за острогом нужно будет располагать слободы, "где быть дворам служилых и всяких людей". Кроме того, нужны земли "на выпуск животине". Поэтому он считает, что нужно будет еще прирезать пять десятин государевой пашни, так как часть прежней отойдет под острог и дворы. Для постройки города нужно будет срубить лес за государственными полями. "... А слободам быть у того острогу служилых и всяких людей по обе стороны острогу по горе". Слободы строить необходимо потому, что в остроге "дворы всех служилых и всяких людей не уставятца". Оставшийся неизвестным автор описывает и топографию будущего города: "А у острогу будет с одной стороны гора, крутое место, а с трех сторон места ровны"[1] .

Присланный из приказа градостроитель (затем назначенный воеводой нового города) всесторонне изучил географию местности и оценил ситуацию, которая сложится, если на предлагаемом месте поставить город: "А на углу той горы где быть острогу место сыпко, в полую воду волнами подмывает. А под ту гору и усаду государевых крестьян подтекла та речка Сюдми. А вышла она из болота и Чернова лесу, выше государевых

'ЦГАДА, ф. 124, Сибирский приказ, стлб. 136, 1644. "Роспись чертежу, где быть Нарымскому новому острогу, на коем месте и что к тому острогу крепостей и угодей". — Дело о переносе Нарыма, лл. 69—82, 83.

крестьян деревни верст с десять. А за тою речкою пошли низы до реки Оби".

Автор росписи подробно рассказывает о водных и сухопутных путях той территории, где он предлагает построить город Нарым, связав его с широкой водной магистралью Сибири — рекой Обью, отмечает, что от реки Оби до места, выбранного под город, три версты. Однако прямой дороги нет, так как кругом болота. Дорога идет по берегу реки Сюдми, ею ездят конные и ходят пешие. Речка Сюдми впадает через версту от государевой деревни в протоку Парабельскую. От места впадения рек до Оби две версты. И далее автор поясняет: "И от государевой деревни всево будет до Оби по речке и по протоке версты три. А та Парабельская протока вышла из речки Парабели з другую сторону горы на коей горе усад государевых крестьян" ... "А пониже тое речки что на той государевой деревне течет в Парабельскую протоку из озера исток. И по той дороге, что от усаду государевых крестьян и Оби реки через ту речку и через исток, что в протоку впал из озерка быть для переезду мостом, что та речка и исток топки" ... "А та речка, что под усадом государевых крестьян, в сухую воду летом пересыхает, а зимою вымерзает, воды в ней не живет. И пьют воду из озерка, что по другую сторону горы к протоке Парабельской. А от усаду государевых крестьян то озерко с четверть версты".

При зонировании территории учитывались торговые связи будущего города. Нарыма с другими городами. На основе всех собранных географических и метеорологических сведений предлагалось в месте впадения Парабельской протоки в р. Обь устроить пристань, для чего необходимо провести земляные работы: "И в большую воду до Петрова дни в той протоке вода сливаетца с Обью рекою". В сухую погоду протока пересыхает и потому прекращается судоходство, "потому, что на усть реки Оби, где впала Парабельская протока пересыпало песком ... А где пристанища судовые и то место прияро в сухую воду". "А можно от того пристанища на Оби реки перекопать перекоп в ту Парабельскую протоку. А перекопи будет копать сажень с сорок. А как перекоп перекопать и в ту протоку станут ходить суды большие до речки, где та речка впала в ту протоку от государева деревни с версту"[1].

[1] ЦГАДА, ф.214, л.84.

Новую пристань следует построить после проведения земляных работ на протоке в месте соединения ее с рекой Сюдмью. От пристани до Нарыма будет три версты, сам Нарым с реки Оби виден не будет, а пристань будет видна.

Для того, чтобы "торговые и промышленные и всякие люди" не проезжали мимо нового острога и знали бы, что он здесь построен, будущий воевода предлагает в том месте, где река Кеть разделилась на два русла, поставить новый караул. Из документов выясняется и место расположения старого острога, построенного в XУ1 в.: "А то нижнее устье реки Кети впало в Объ реку повыше Нарымского острогу версты з две ... А от тово нового острогу будет до Кецкое нижнее устье ниже верст с 30 и для того меж устья Кецкого караулу быть"[1] .

Градостроитель высказывает свои соображения и по поводу переселения крестьян из усадеб, которые он предлагает занять под новый город. Поскольку выбранное под город место окружено топями, то он предлагает выделить земли за пять верст "на том же кряжу над рекою Парабелью вверх реки Парабели" и туда переселить четыре крестьянских семьи[2].

Смета. Кроме росписи и чертежа, выполнявшихся на основании зонирования территории, делалась еще смета. Сметы составлялись на весь город целиком и отдельно на крепостные укрепления. До нас дошло несколько смет обоих видов. Представляют интерес планы по Старой Руссе, которые составлялись на строительство крепостей в различных частях города[3].

Старая Русса была пограничным с Литвой городом Смоленского княжества и многократно переходила из рук в руки. После Смутного времени она стала русским городом.

В 1629 г. был поднят вопрос о восстановлении старых деревянных укреплений города. Лес был получен от разборки деревянных жилых построек дворцовых сел в Смутное время. Правительство в сентябре 1629 г. посылает воеводе Кириллу Су-

[1] ЦГАДА, ф. 214, л. 86.

[2] ЦГАДА, ф. 214, л. 85.

ЦГАДА, ф. 141, ед. хр. 326, 1629-1631. Воеводские отписки, росписки, челобитные и государевы грамоты в острожном деле города Старой Руссы.

поневу и подъячему Агею Лялину грамоту за подписью государева дьяка Баима Болтина, в которой приказывает: "то старорусское острожное дело сметать вправду ... и по государеву крестному целованию, сколько на то на всякое острожное дело надобно в прибавку к старому ко острожному делу каков лесу ... и что будет дати плотником от дела к прежнему найму, и во что то острожное дело в отделке совсем встанет и сколько мерою сажен тово острогу будет и не мало ли тот острог впредь будет. И много ль ево прибавить а сметя то острожное дело вправду ... и написать то все подлинно на роспись да о том велено отписать к государю ... к Москве"[1].

Правительству были посланы два предложения. Первый проект предусматривал оставление города на старом месте, которое, однако, полой водой при разливах рек Полисты, Порусьи и Перерыта - цы вымывается; второй проект — постройку города на новом, более высоком месте. О старом городе воевода Супонев пишет: "И мы, государь ... по твоему государеву указу ... и по грамоте с старосты и целовальники и с посацкими людьми и около русскими крестьяны и с плотники старорусской острог и башни и тарасы и надолбы смечали. И старого, государь, острогу лес ни в какое де острожное дело не пригодитца весь згнил и развалился, потому что острог и башни и тарасы и столбы и надолбы деланы из старово хоромного лесу въ прошлом году"[2] .

Супонев сообщает, сколько нужно нового леса для замены строений на старом остроге. Они подсчитали, что это будет стоить 554 рубля, 12 алтын 2 деньги. Воевода предлагает к старому острогу прирубить еще один острог, стоимость которого будет 1420 рублей 5 алтын 4 деньги. Это, по его мнению, необходимо сделать, так как население Старой Руссы и около нее растет. Он пишет, что в случае, если старый город не будет расширен, то "старорушанам посадским и околорусских погостов крестьянам в старом остроге вместица будет негде". Супонев и Лялин утверждают, что обе эти крепости "старорусской острог по старой подошве и с новою прибавкою в отделке станет 1974 Рублев 19 алтын"[3].

'ЦГАДА.ф. 141.ЛЛ.1, 2.

[2] Там же, л. 2.

[3] Там же, л. 3.

Во втором проекте Супонев и Лялин предлагают построить острог на новом более сухом месте "около каменных храмов прежние соборные церкве Бориса и Глеба и около великие мученицы Пятницы подле Порусья реки и Соляного озера. И то, государь, место стало высоко и усторожливо и пещано и к копанию земля легка". Они думают поставить новый город вокруг старого посада с каменными церквами размером в округе 476 сажен. Воевода и подьячий предполагают, что от церкви Петра и Павла до Богородицкой улицы и до реки Порусья им придется прокопать ров длиной 325 сажен, шириной в 2 косых сажени, а глубиной в косую сажень с четвертью. В то же время они утверждают, что "старорусские посадские люди и околорусских погостов крестьяне многие сказывают из стари, что были на этом месте колодези многие с пресною свежею водою. А ныне те колодези осыпались от разорения и от пожаров"[1] Супонев и Лялин сообщают, что новый острог на новом месте будет стоить на 20 рублей 27 алтын и 5 денег дешевле старого, что составит общую сумму 1953 рубля 24 алтына 3 деньги[2].

В архивах сохранился перерисованный в XIX в. план города Старой Руссы 1609 г., на котором хорошо показана крепость[3]. Подробное описание крепости, построенной согласно смете, сохранилось в делах Оружейной палаты. Описание города сделал Семен Никитин[4]. План и опись соответствуют друг другу.

Кроме смет на строительство укреплений, сохранились сметы и на строительство всего города. Эти сметы обнаружены в документах строительства Белгородской зесечной черты. Сметы на город составлялись дьяками, градо дельцами и утверждались государем, Боярской думой и Разрядным приказом.

Для выяснения этого вопроса большое значение имеет выписка 1637 г. из боярского приговора о строительстве городов, острогов и укреплений по засечной черте и связанных с этим расходов: "И генваря в 7 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу бояре

[1] ЦГАДА, л.4.

"^Там же, ел. 5.

Рукописный отдел ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, фонд — собр. карт и планов, № 1386, ед. хр. 2423/2.

[4] ЦГАДА, ф. 396, оп. 3, ед. хр. 9, лл. 77—79 об.

росписи Федора Сухотина и подъячего Евсевья Юрьева слушали и приговорили по дозору Федора Сухотина да подъячего Евсевья Юрьева и по чертежу и по скаске осколен и белгородцов детей боярских и станичных голов и атаманов и ездаков и вожей и беломестных и полковых казаков для береженя от приходу воинских людей поставить жилые города на Поле"[1] . Сухотин и Юрьев были посланы Разрядным приказом на место предполагаемого строительства "жилых" городов на Поле. Их охраняли 200 служилых людей. Кроме того, Разрядный приказ снабдил экспедицию географическими картами и примерными вариантами строительства укреплений и городов, составленными в Разряде на основании опроса местных людей и жителей близлежащих городов — Белгорода, Оскола, Курска. Экспедиция работала два месяца и вернулась в Москву 26 декабря 1636 г. с чертежами, подробным описанием местности, планом строительства новых укреплений и сметой[2] .

Смета была составлена на три "жилых" города, для которых точно указывается только местоположение, названия пока у них нет: первый город на р. Сосне у Терновского леса, второй — на Кальмиусской сакме вверх по р. Сосне в устье р. Усерд, на нижнем Треугольном городище, третий — на Муравском шляхе на р. Ворскле, на Карповском сторожевье. Города были рассчитаны на 1000 служилых людей, которых нужно "устроить на жилье землями и всякими угодьями". Все три города должны быть окружены дополнительно несколькими "стоялыми городками", а от городов —отходить земляные валы. По всем городам предполагалось проживание конных и пеших служилых людей, которые должны охранять строителей "покаместь город устроитца". В смете указывалось, из каких угодий брать лес не строительство. Дополнительно была составлена отдельная смета на крепостные укрепления. На первые два города нужно 8 тыс. бревен, на третий — 6 тыс. Лес по смете планировался только на укрепления. На жилье лес возили сами жители будущего города[3].

[1] ЦГАДА, ф. 210. Белгородского стола столбцы, стлб. 73 л. 58.
[2] ЦТАДА, ф. 210, л. 17.
[3] Там же, лл. 58, 59.

Денежная смета составлялась на три возможные статьи: малую, среднюю и большую. Смета делалась на три города. Вот как это записано в подлиннике:

"А денег надобно на жалованье ратным людям, которым быти для береженья во всех местах, конным 2925 человекам:

Только дать государева жалования по 8 рублев. Итого 23400 рублев.

Только дать государева жалования по 10 рублев. Итого 29250 рублев.

А по 12 рублев человеку. Итого 35100 рублев.

Сберегательным пешим 2300 человекам:

Только дать по 5 рублев. Итого 11500 рублев.

а по 6 рублев человеку. Итого 13800 рублев.

а по 7 рублев человеку. Итого 16100 рублев.

а по 8 рублев человеку. Итого 18400 рублев.

И всего ратным людям конным и пешим, которым быть для обереганья и в стоялых острожках дать государева жалования по большой статье.

Конным по 12 реблев

пешим по 8 рублев

Итого: рублев 53500

Жилецким людям 3000 человекам:

Только дать по 5 рублев итого 15000 рублев

а по 6 рублев итого 18000 рублев

а по 8 рублев итого 24000 рублев

Да хлеба против козловских желецких людей:

По 3 чети ржи и по 5 чети овса человеку итого 9000 чети ржи, 15000 чети овса

Да на тож на жилые на три города против росписи на городовое дело надобно лесу 22000 бревен.

А положить в дело всякое городовое бревно

что дать плотникам по 6 денег. Итого 660 рублев,

а только положить бревно по 8 денег. Итого 880 рублев

а по 10 денег. Итого 1100 рублев"[1].

На засечной черте города имели небольшие размеры; не случайно по смете расчетная единица — 1000 чел. боеспособного мужского населения, следовательно, все население города должно было составлять примерно 5—6 тыс. чел.

О том, что размер города регламентировался правительством и существовал установленный оптимальный его вариант, свидетельствует другой

[1]ЦГАДА, ф. 210, лл. 64-67.

документ. В 1680 г. выходцы из Правобережной Украины обратились к русскому правительству с просьбой разрешить им жить в России. Они хотели построить себе город на берегу р. Битюг. Боярская дума им в этом отказала на том основании, что берега реки Битюга плоские, на этой реке нет нужных фортификационных укреплений, трудно будет устанавливать межгородские связи. Боярская дума вынесла следующий приговор: "А буде их придет многолюдство большое и в одном городе им уселитца немочно и им строится городами ж промеж Полатова и Волуйки и Нового Оскола по обе стороны реки Оскола и по Северному Донцу выше Царева-Борисова города и промеж Усерда и Полатова по вершинам реки Сосны по угодным местам". Согласно боярскому решению все пришедшие должны были основать несколько городов, так как в одном городе им "не уселиться"[1] .

ГЛАВА 1У. СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДОВ

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТ В НОВЫХ ГОРОДАХ

Выбор места под город. На основании письменных источников удается проследить все фазы строительства нового города: от выбора места под город до его заселения. Документы свидетельствуют, что место под город выбиралось, исходя из общегосударственных задач. На выбранное место сразу составлялся чертеж, роспись и делалась смета.

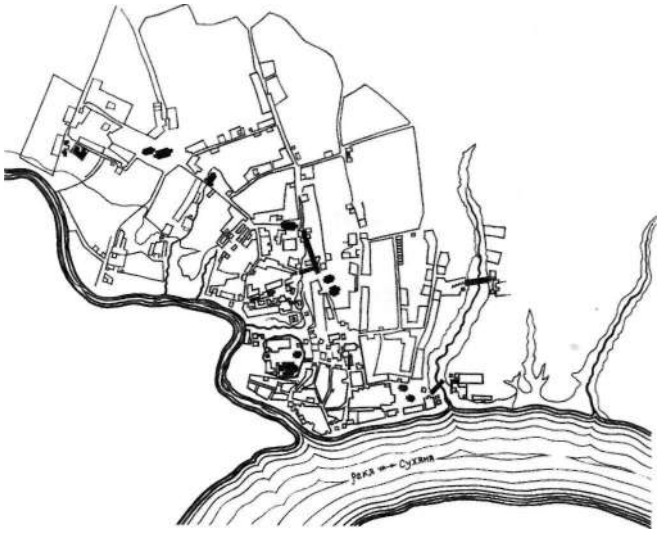
При закладке городов на новых территориях Сибирский и Разрядный приказы, а также приказ Казанского дворца вели опрос местных жителей, знающих край. Этот метод применялся к городам Белгородской засечной черты [84, с. 70—71] и к сибирским городам [28, с. 19, 20]. Изучению географии вновь присоединенных земель придавалось большое значение при создании на этих землях новых городов и уездов. Это можно видеть на примере строительства ряда городов, заложенных в ХУ1—ХУП вв.: Любима (1536), Свияжска (1556), Ельца (1592), Царева-Борисова (1600), Козлова (1636).

[1] ДГАПА, ф. 210. Белгородского стола столбцы, стлб.1630, 1685г., л. 32.

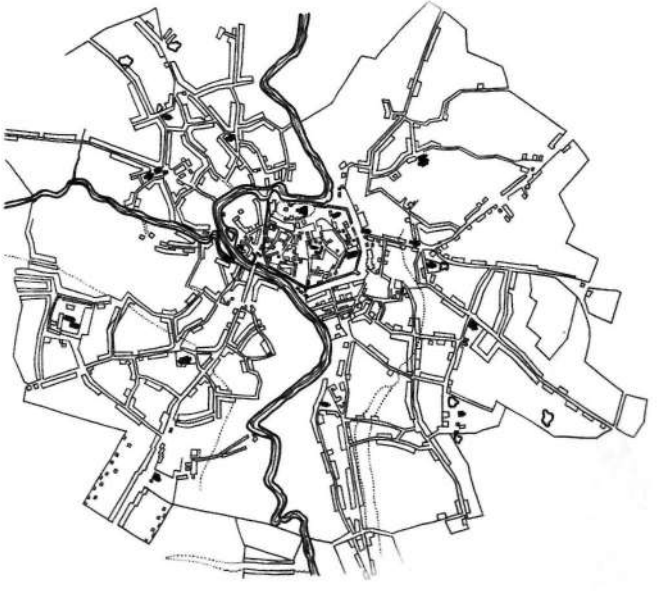
План города Устюга Великого

Наиболее ранний документ о выборе места под город (для создания обороны уезда) относится к 1538 г. Это указ о построении города Любима[1] . На основании этого документа можно представить себе всю организацию работ по закладке города. Она начиналась с выбора места. Указ предлагает начать ставить город в месте слияния рек Обноры и Учи. Место, на котором ставился город, должно было способствовать его укреплению: "городу от того места порух не чаяли". Город должен был иметь такие размеры, чтобы в случае необходимости вместить всех жителей окрестных деревень, так как большое число "волостей и станы Осецкий и Кулига и Елнать и Лемская станы Черной и Служень и Котогорской и Соцкой и Чашнич путь Онорской и Книтуново и Волочек и Обнора от городов отошли далече верст на сту по девяносту". В результате этого в приход "казанских людей детися негде и в город на Кострому бежать дале-

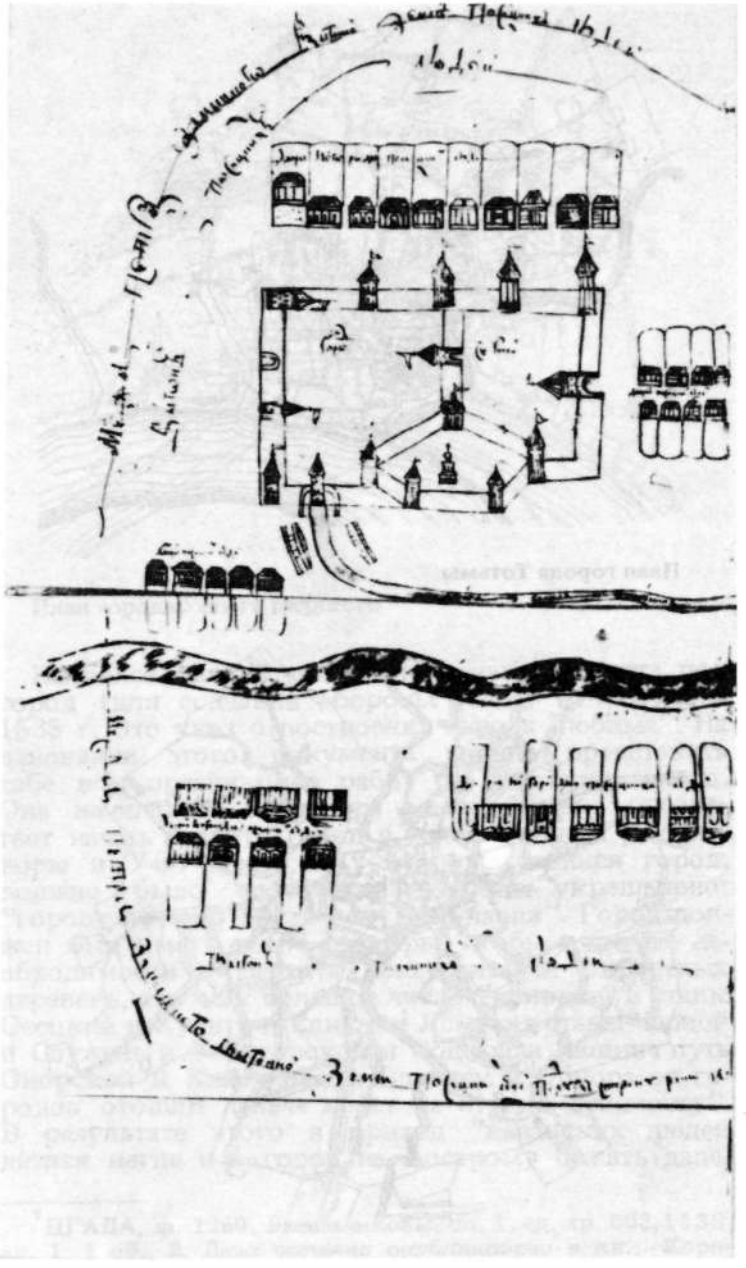
[1]ЦГАДА, ф. 1260, Васильчиковы.оп. 1,ед. хр. 603,1538, лл. 1, 1 об., 2. Дело частично опубликовано в кн.: Королев В., Морозов С. Любим. Социально-экономический очерк. —Ярославль, 1977. — С. 7.



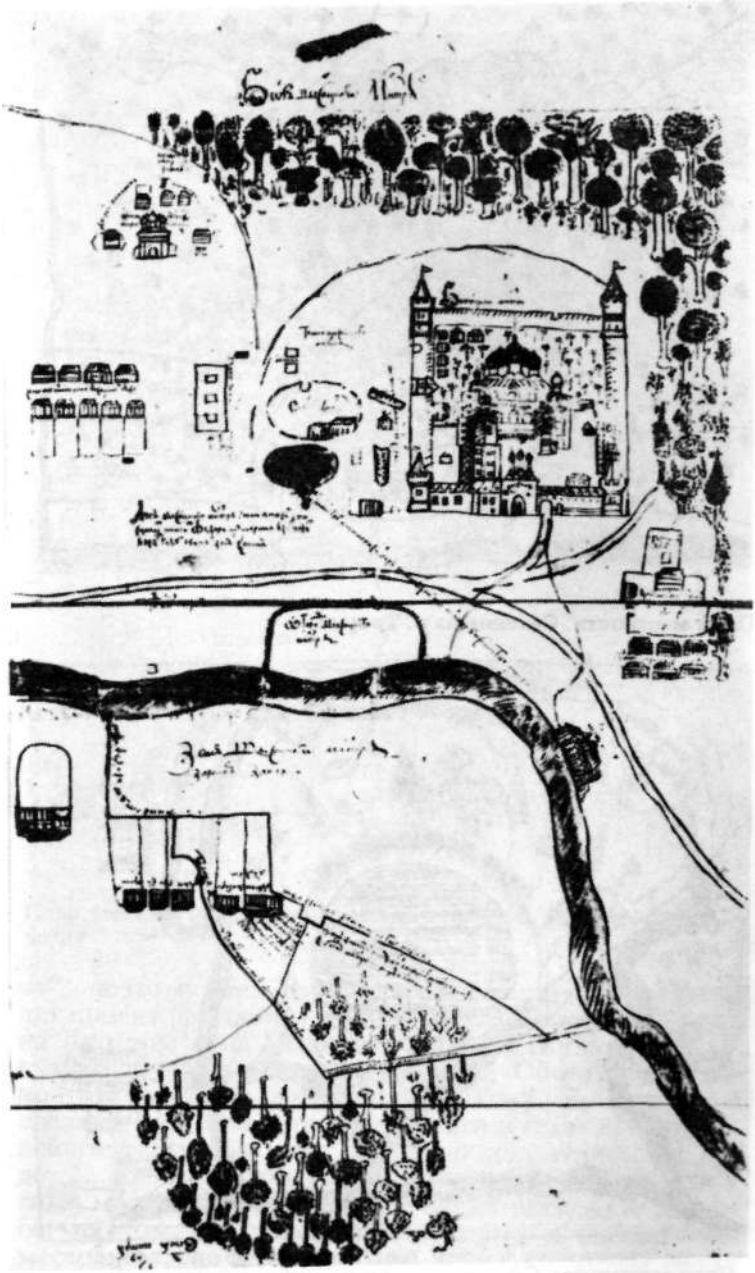
План города Тотьмы

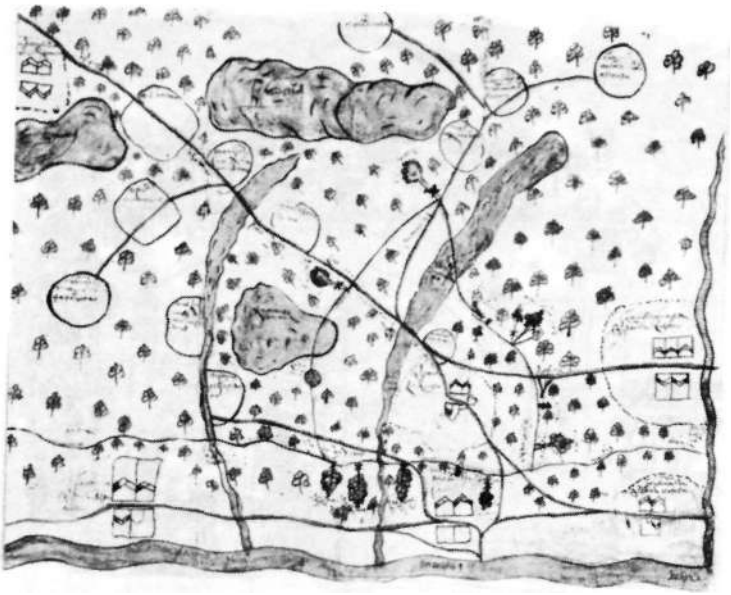


План города Вязьмы

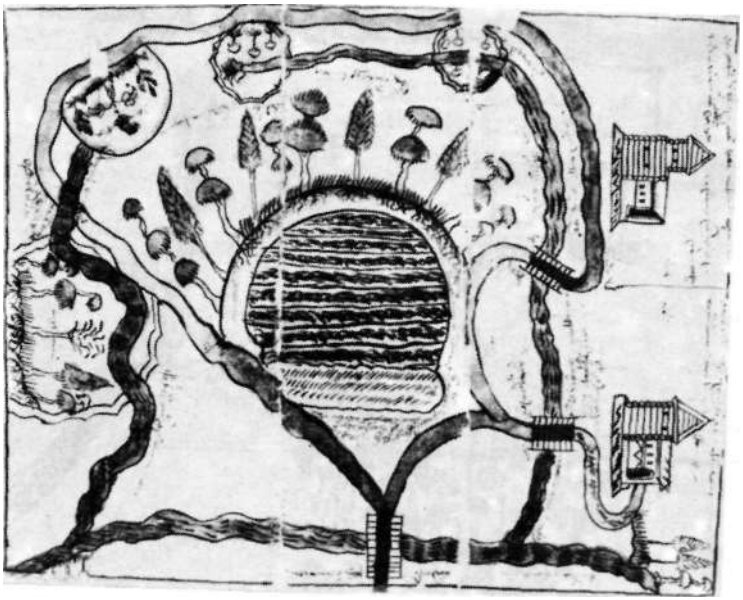


План города Серпухова

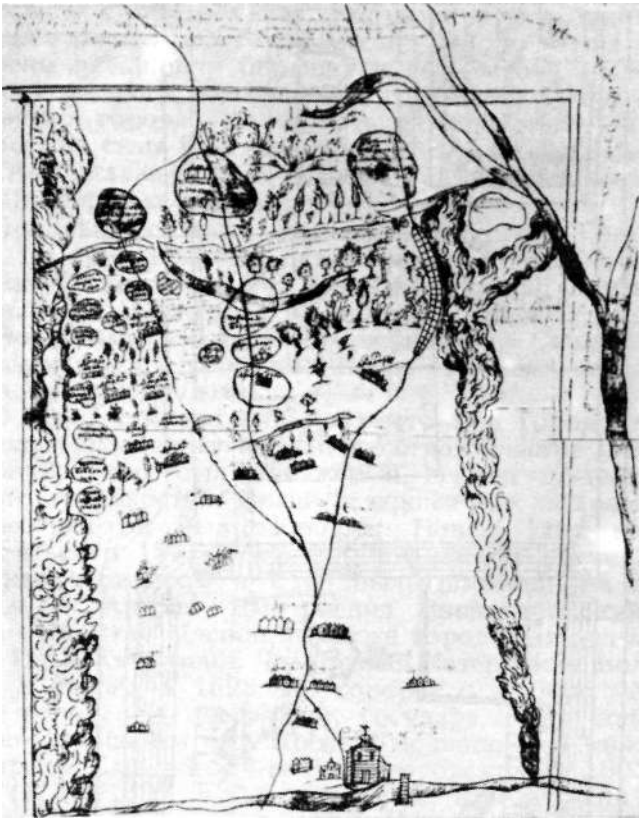




План местности. Селение на р. Тверце



План местности. Спорное дело о пустоши Семенцовой



План местности. Спорное дело о землях в Ярославском уезде

че", поэтому без города жить невозможно. Жители просят поставить город "о Стрельнице на реке на Лупкове и на Пеланде". Однако, в указе предлагается другое место: "на реке на Обноре на устьи пригоже городу быти на реке Учи". Но при этом сделана оговорка, что и это место нужно проверить, действительно ли оно пригодно под город: "а будет ... то место под город не пригоже и крепости у того места мало или место будет песковато и вам бы на том месте город не ставить и выбрать бы место иное, где будет пригоже, чтоб к которому месту крепости пришли великия и сторожи бы у вас везде были крепкия".

аоХо Сяяоа0Са>а0ка&К ано Sс2 ха К С

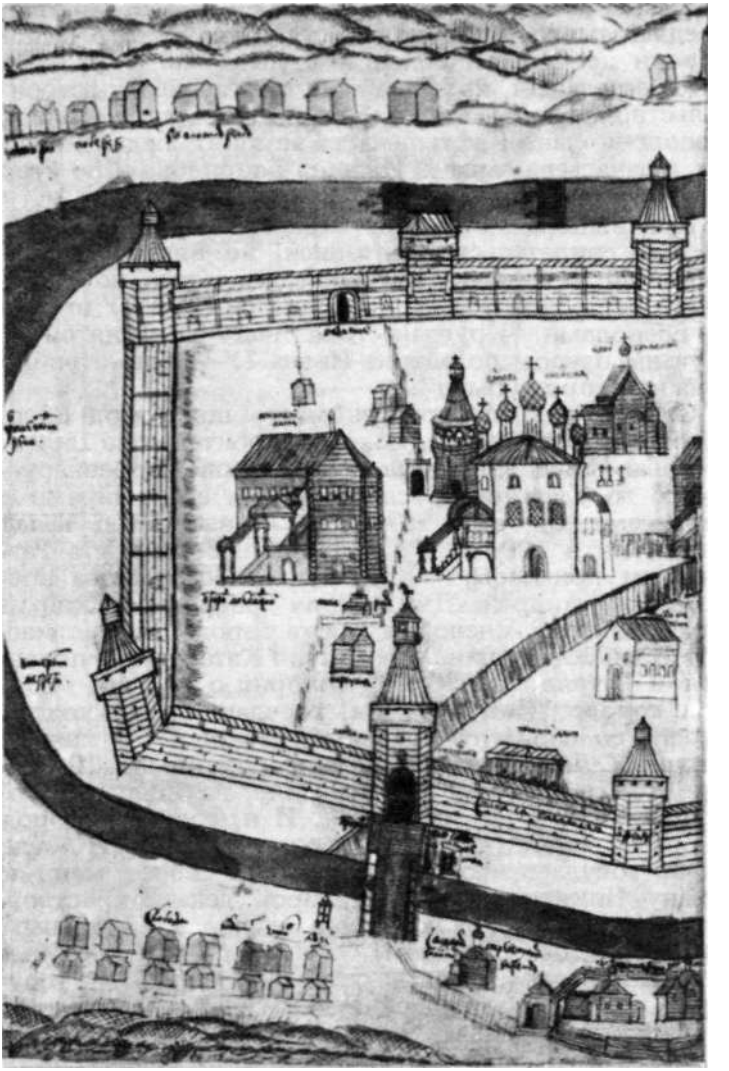
Вместе с тем в указе говорится о достоинствах предлагаемого под город места: "около того места и реки де пришли большие и лесу много". Кроме того, есть люди, которые могут организовать строительство города: "и строить на том месте Есипа Федорова сына Кафтырева да земских людей Ивашку Афанасьева сына ... Ивашка Гаврилова и во всех детей боярских и крестьян"[1] .

При выборе места для закладки города Свияжска, по свидетельству летописи, во внимание принимаются не только его военные качества, но и красота. Место под город выбирал сам Иван 1У вместе с воеводами. Круглая гора над р. Свиягой и Щучьим озером по оценке Ивана 1У "место стройно и на нем городу быти".

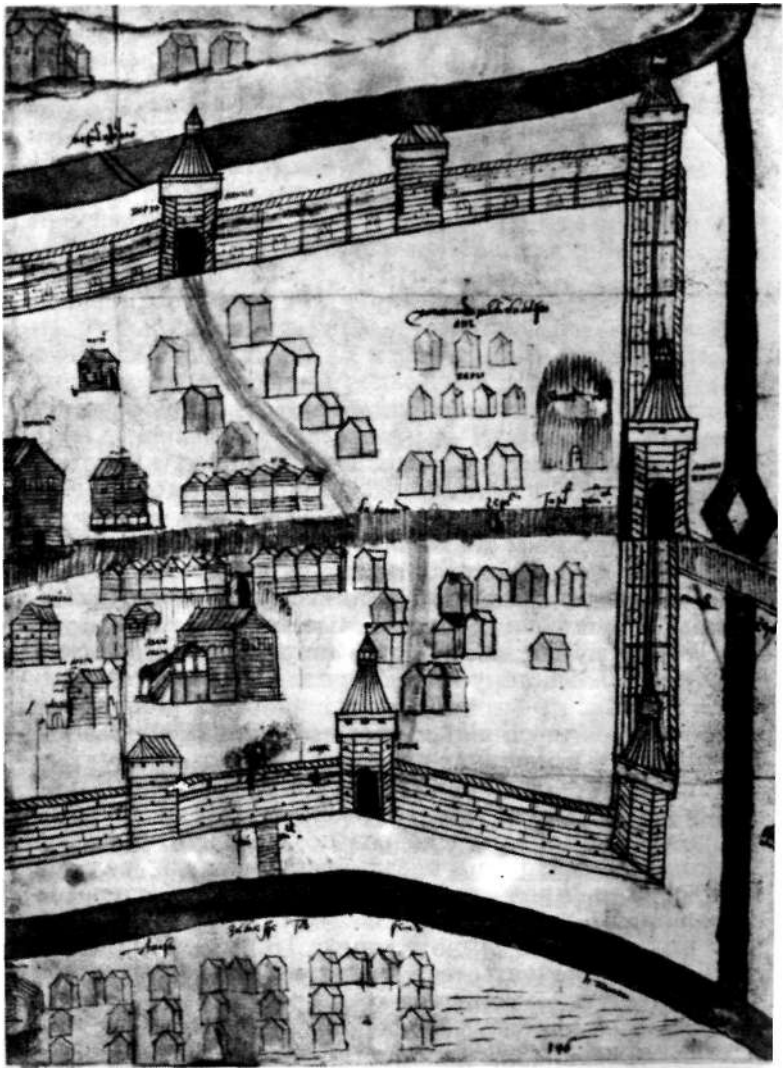
О том, как выбиралось место под город Елец, рассказывают документы о его строительстве 1592 г. Первый Елец был заложен в период древнерусского государства. После разгрома его татарами и черкесами он был заброшен. Новый Елец начал строиться в 1591—1592 гг. Для выбора места Разрядным приказом в Елец были посланы два воеводы — Андрей Дмитриевич Звенигородский и Иван Никитич Мясной, а также городовых дел мастер Илья Катеринин. Челобитная Катеринина, поданная в Разряд в 1593 г.[2], говорит о выборе места под город: "И послал ты, государь, меня холопа твоего со своим государевым воеводою со князем Ондреем Дмитриевичем Звенигородским в 100 году (1591—1592 — *Г.А.)* на Поле, на Елец для городовой сметы и острожной. И я, государь, город и острог сметал и под город место занял. И после того, государь, послал ты холопа своего меня к Ивану Никитичу Мясному город делати и острог. И я, государь, с воеводою твоим государевым Ондреем. Дмитриевичем Звенигородским и Иваном Никитичем Мясным острог сделали. И я, государь, у твоего государева дела изопрел изпрозаймовался и оборвался и проел вся и ты, государь,

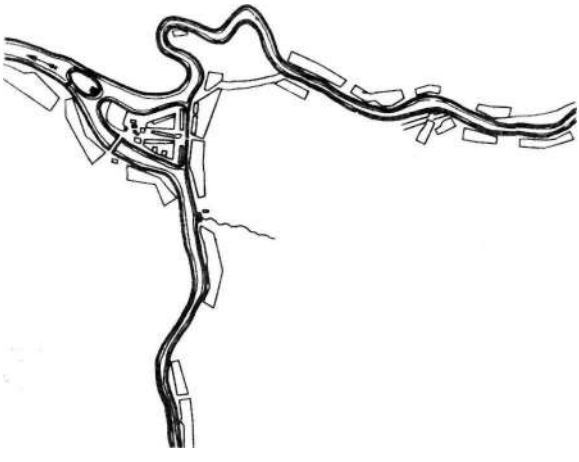
[1] ЦГАДА, ф.1260,л.1 об.

ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 1, 1593. Приказные дела старых лет. О Елецких казаках и стрельцах указы, рапорты, челобитные, росписи жалованию. Опубликовано частично Г.Н. Анпилоговым [30, с. 332] . Г.Н. Анпилогов датирует этот документ 1592 г. Мы считаем, что он был написан годом позднее, после завершения городского строительства.



Рисованный план города Олонца





Топографический план города Олонца

пожалуй денежным жалованием. Да мне ж, государь, давано как я город сделал по два рубли и по сукну".

На чистовом листе этой челобитной, переписанной дьяком, для подачи государю, имеется помета: "Дати ему четыре рубля, что город и острог делал, а володимирскому мастеру, что город сделал, дать три ^убля"[1] .

Не менее наглядно описывается выбор места под город и проверка воеводами чертежа и сметы, составленной в Разряде, при закладке города Царева-Борисова. В указе говорится, что воеводы, придя на место, должны еще раз по чертежу и росписи Чулкова и Михнева увязать пересеченный рельеф местности с крепостными укреплениями, стенами и башнями, проезжими местами, дорогами. Вот как это записано в документе 1600 г.: "А какъ на Донец и на устье оскольское к Бахтину колодезю придуть, окольничему и воеводам Богдану Яковлеву да Семену Олферову то место..., которое ... присмотрели головы Федоръ Чюлковъ да Истома Михнев по чертежу и по росписи измерить и ручьевъ и бугровъ рассмотрети и измерите сколь далече который ручей или бугоръ будет от города и как ими промышлять, раскапывать ли который

[1] ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 181, 182. Эта часть документа Г.Н. Анпилоговым [30] не была прочитана, поэтому автор ссылается на подлинник.

бугоръ или ручей мочно в городъ принята коим обычаем их в городе принять, изъ башни ль на низ или иная какая крепость делать. И сколько сажень городовой стены или рву к тому ручью или къ бугру и около того ручья или бугра делать. Да и врагов (оврагов — *Г.А.)* имъ на томъ месте рассмотреть и измерить. И которые враги в место не сошлись, и имъ то измерити, сколько саженъ межъ теми враги проезжего места и надобеть ли его перекопать или не надобает и которые враги пригодятца около города во рвов место" [32, с. 7—8] .

Выбирая место под город, воеводы должны были не только оценить его достоинства и недостатки с позиций обороны, но и улучшить в военном отношении существующий рельеф. Из документов видно, какое большое значение придавалось чертежу и росписи, сделанным служащими Разрядного приказа. Чертеж и роспись делались и на городовые укрепления; одновременно составлялась смета: "А на городъ и башни и на всякое городовое дело сметать им лесъ каковъ город делати по тому чертежу и по росписи" [32,с.8].

Как создавались города на новых землях, можно проследить на примере Козлова[1] . Город Козлов и Козловский уезд с прилегающими к нему Тамбовским уездом, городами Тамбовом и Нижним Ломовым были основаны Московским правительством в 1635—1637 гг. От них началась первая линия Белгородской засечной черты, заложенная в верховьях р. Воронеж [16] .

Документы Белгородского стола Разрядного приказа позволяют проследить ход строительства Козлова, проанализировать выдаваемые дворцом указы и их выполнение Разрядным приказом, а также служащими этого приказа — будущими воеводами города [85,с. 201] .

Перед возведением Козлова и Козловского уезда, согласно государеву указу был сделан опрос служилых людей, знакомых с топографией местности . Опрашиваемые служилые люди предложили строить новый город на Урляпове городище и дали под-

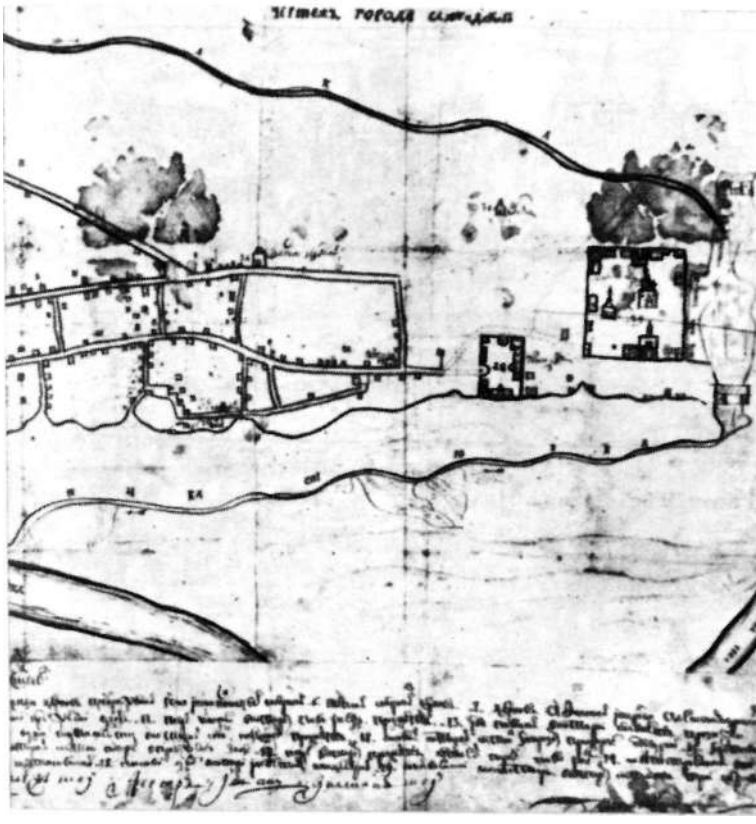
Метод возведения Козлова и документы, связанные с этим, частично опубликованы в XIX в. в "Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии". Многие из них были использованы В.П. Загоровским, но некоторые им не привлекались. См.: ЦГАДА, ф. 210, стлб. 210.

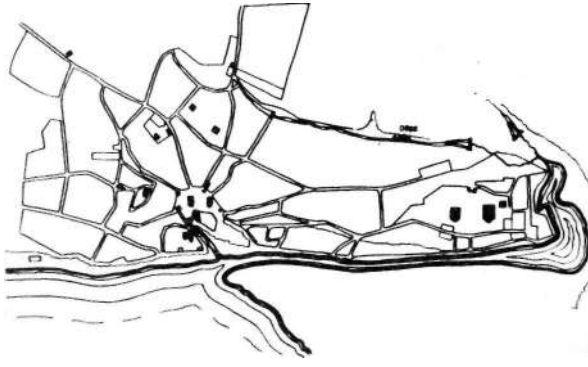
[2]ЦГАДА, ф. 210, стлб. 201, л. 3.

Топографический план города Слободска

робное описание всего района. Свое предложение они обосновали, во-первых, тем, что Урляпово городище давно находится в поле зрения русского правительства, во-вторых, возможностью экономического развития уезда: "Городище Урляпово меж Воронежа и Шацково выдалось в степь на реке на Лесномъ Воронеже на Крымской стороне. А против городища с Нагайской стороны впал Польной Воронеж. Стоит городище в лесных и в крепких местах. И уезду быти мочно и места ко всему пригожи". В своих ответах на вопросы Разрядного приказа служилые люди указали расстояние от Урляпова городища до других городов"[1] .

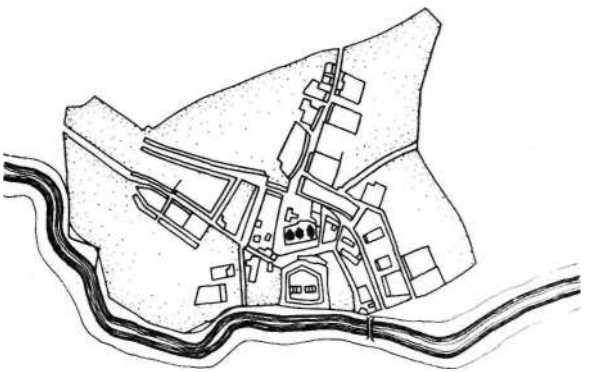
[1] ЦГАДА, ф. 210, лл. 6,3.





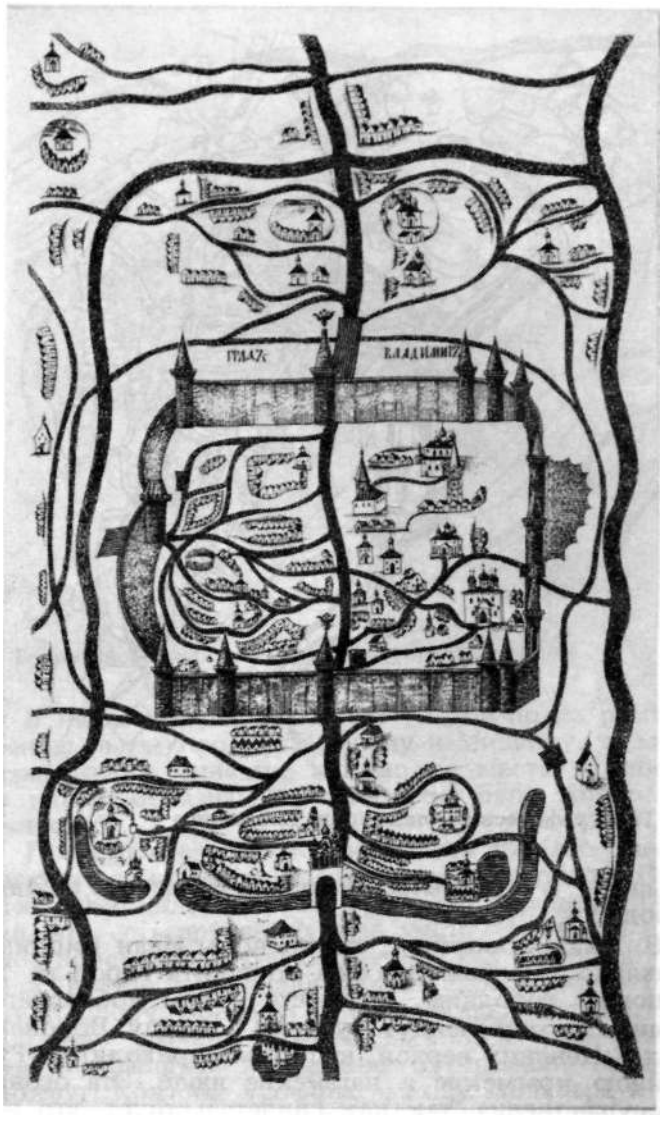
Рисованный план города Слободска

Рисованный план города Луха

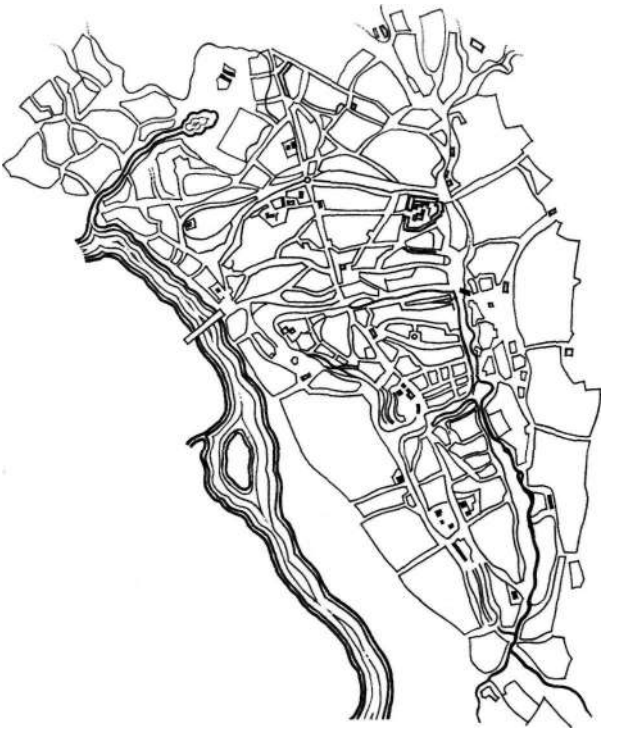


Топографический план города Луха

В Разрядном приказе, кроме того, были опрошены казаки из города Сапожка Савка Стрелков и Семен Лукьянов, которые подтвердили показания предыдущих служилых людей. Был подвергнут опросу и "кормовой сын боярский Владимир Копанов" из города Лебедяни. Собрав сведения об Урляповом городище, Разрядный приказ передал их на рассмотрение государю. 22 августа 1636 г. из дворца пришла



Рисованный план города Владимира



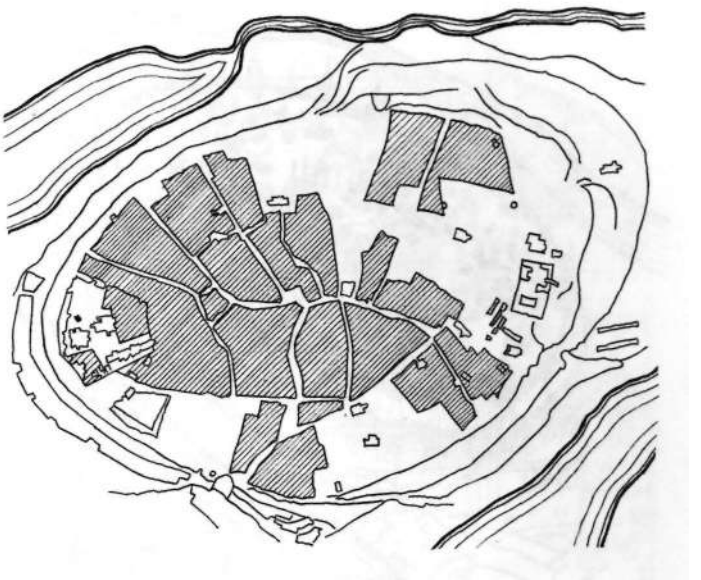
Топографический план города Владимира

"выпись" о строительстве города на месте Урляпова городища[1].

В указе говорится, что воеводы Иван Биркин и Михайло Спешнев должны поставить город на Урляповом городище, и вместе с тем добавляется, "или где они найдут нужным" между Воронежских и Ценских верхов, которыми приходят на Русь войною крымские и нагайские люди. Эта оговорка существенна, так как свидетельствует, что воеводам давалось право самим убедиться в правильности выбранного места, а в случае несогласия внести свои изменения[2].

[1] ЦГАДА, ф. 210, лл. 6, 7, 8, 9,12.

[2] Там же, л. 42.



Топографический план города Свияжска

В наказе предписывается: "А где по их рассмотрению быть городу им, Ивану и Михаилу, то место измерити и описати, каково то место крепостью и каким образцам на том месте быть городу или острогу".

При строительстве Козлова было принято решение отказаться от места, предписанного Разрядом. Спешнев и Биркин, придя на Урляпово городище, решили, что есть другое, лучшее место. Это было высокое плоскогорье, расположенное над поймой р. Лесной Воронеж, принадлежавшее крестьянину Семену Козлову. Воеводы со своими людьми пришли на Козлово урочище 7 октября 1635 г. Выбор этого места Спешнев и Биркин обосновали наличием вокруг Козлова урочища, между Польным и Лесным Воронежем, больших хороших угодий, на которых, после того как будут отведены под город пашни, можно будет пометить еще "немногими дачами тысячу человек и больше" сельского населения[1]. О своем решении изменить указанное им место закладки города они сейчас же написали

[1] ЦГАДА, ф.210, лл. 190-191.

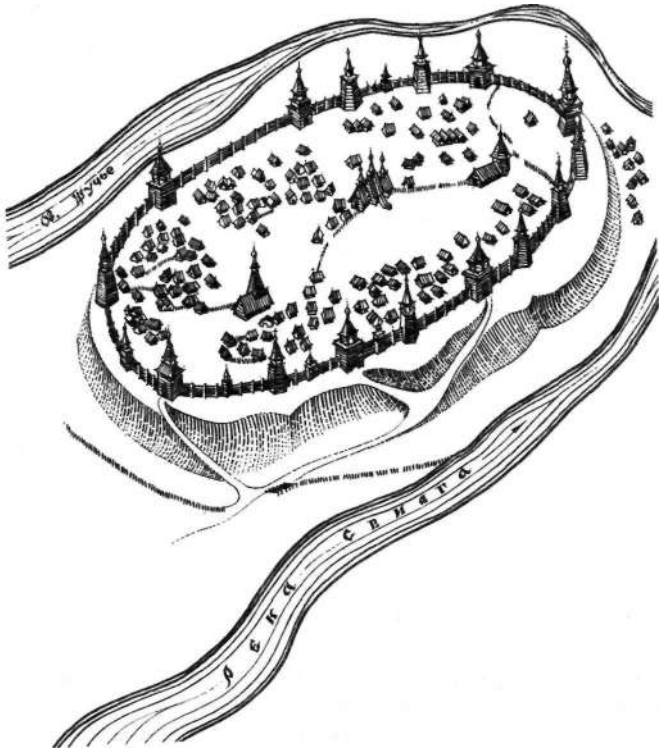


Схема пространственной системы города Свияжска

в Разрядный приказ. 29 октября будущим воеводам города Козлова пришла грамота, в которой Разрядный приказ утвердил избранное воеводами место для города вместо предлагавшегося ранее[1] .

Процесс строительства городов хорошо прослеживается на примере тех же городов. В строительстве Свияжска принимало участие большое число специалистов — зодчих, фортификаторов, инженеров, именовавшихся по должности дьяками, и воинов. Город, срубленный в верховьях Волги, затем был разобран и перевезен на Круглую гору [200, с. 113] . Среди строителей особенно выделялся дьяк Иван Григорьевич Выродков — изобретатель и строитель гуляй-городков, перед-

[1] ЦГАДА. ф. 210, л. 180.

"Царственный летописец". Миниатюра. Привезенный рубленный город ставят на верху горы

вижных крепостей на колесах. Все строительство города велось на государственные средства. "Запасы великие" для прокорма огромного войска посылаются из царской казны [152, с. 162] .

В летописи говорится: "город же, который сверху привезен, на половину тое горы стал, а другую половину воеводы и дети боярские своими людьми тотчас зделали" ...и "свершили город в четыре недели" [154, с. 164] . Очевидно, такая закалка города была делом выдающимся, поэтому "Царст-

Город Дорогобуж. Реконструкция древних укреплений

венный летописец" посвятил строительству Свияжска много лицевых страниц[1].

Писцовая книга Свияжска 1656—1567 гг.[2], видимо, вторая, так как писцовые книги составлялись сейчас же после завершения строительства города. Она свидетельствует, что Свияжск — это большой ремесленно-торговый город с мощными укреплениями вокруг центра и посада, с двумя монастырями — мужским и женским, сетью улиц, переулков, тупиков. Город спланирован и организован с перспективой на дальнейшее развитие. Пустые места, сознательно оставленные при межевании города незаселенными, затем по мере роста населения заселялись новыми жителями. Писцовая книга свидетельствует, что город был задуман, размежеван, спланирован и заселен сразу. Все составные части Свияжска — кремль, посад, слободы — закладывались одновременно. Между строительст-

ГИМ, Царственный летописец, ХУ1 в.

[2]ЦГАДА, ф. 1209, д. 432. В начале XX в. она была издана: Список с писцовой Межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина 1565—1567 гг. —Казань, 1909.

вом этих различных частей города не было временного разрыва. До нас дошли планы города, имевшие живописную, плавно ложащуюся на рельеф местности планировку. Его пространственный облик запечетлен на гравюрах начала XVIII в.

О том, что город, после продуманной увязки и составления сметы на все составляющие — уличную сеть, крепость, храмы, общественные здания, — обычно закладывался сразу, свидетельствует и сметная роспись Олонца составленная в 1669 г. Город в 1668 г. целиком выгорел и должен был быть заново отстроен. В сметной росписи давалось указание строить не только отдельные сооружения оборонного, светского и культового назначения, но и устроить просторные улицы шириной в 6, 5 и 4 сажени, идущие в разных направлениях. Строились улицы Московская и Пробойная. К ним примыкали "проезжие" улицы, подводившие к р. Олонец и городским воротам. Мегрегская улица вела к р. Мегреге и мегрегским воротам. Улицы восстанавливались*ло* прежней росписи 1666 г. После постройки города было велено "отписать городу образец и роспись строению и расходы" [161, с. 909, 910, 913, 934] .

Идентичная картина организации работ встает перед нами при чтении документов по Ельцу, которые раскрывают хорошо продуманные и устоявшиеся методы работы. Так, городового дела мастер Илья Катеринин, строивший Елец, писал: "И я, государь, город и острог сметил и под город место занял". Из дальнейшего описания следует, что при выезде на место были определены границы укрепленной части нового Ельца, которая должна быть огорожена тарасами — деревянными срубами, засыпанными землей, а между ними встанут башни[1] . Упоминается Данковская дорога, которая пойдет от ворот города с тем же названием[2]. Вокруг города должен был быть выкопан ров[3], за ним начиналась территория острога, т.е. посада, который также должен был быть огорожен деревянными стенами и башнями. Эта территория точно была определена при выезде на место. За острожными стенами был сделан второй ров и поставлены надолбы. Судя по записи, острог занимал почти всю территорию, на которой город располагался и в XIX в. Стены его, как это

[1] ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 1, 1593, лл. 24, 163.
[2] ЦГАДА, ф.1209,ед. хр. 137, л. 30.
[3] ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 1, л. 24.

помечено на плане 1769 г., переходили на левый берег р. Елец. В документе записано: "И от городской стены вниз по Сосне до острожной башни, которая на Аргамачьей горе, острог не поставлен"[1]. Однако позднее он был достроен.

О том, что острог и город имели концентричную планировку, свидетельствует челобитная государю, написанная воеводой Ельца А.Д. Звенигородским на Ивана Мясного в 1593 г., после завершения работ по возведению города. Для того, чтобы попасть в город, нужно было сначала пройти через острог. В связи в этим Звенигородский пишет: "Иван живет в остроге, а я, государь, холоп твой сижу в городе будто в осаде"[2].

Из документов следует, что одновременно были построены и заселены слободы, а в слободах были поставлены маленькие осадные городки — "острожки". Они видны на топографическом плане, снятом после пожара 1769 г.[3]

Развитие города шло значительно быстрее, чем предполагалось, и тогда в план вносились поправки. Так было со слободою за р. Сосной. Жители ее пишут: "Велел ты, государь, нам холопам своим селитца на житье и мы холопи твои государевы на Ельце поселились за рекою за Сосною за Лутовым болотом". Они говорят о военном, оборонительном значении этой слободы и просят сделать около нее крепость: "А з загорода, государь, тое Слободу из пушек затинных и мелкого ружья очистити можно, а велели, государь нам селитися тут твои государевы воеводы для того, что та слобода всему городу крепость ... вели, государь, нам тое слободу и достроижить и учинити крепость всем городом Ельцом. А в острогу, государь, нам места не дали". После этого воеводы Ельца получили указ: "И нам бы их пожаловати около слободы острог поставить"'*.

Выяснить вопрос о том, каков был первоначальный замысел Ельца, определить его размеры и топографию помогают и елецкие писцовые и переписные книги XVII в. Их сохранилось той: "Книга переписная князя Федора Борятинского 154 (1648) году..., на Ельце городе и за городом посацких и тягло-

[1] ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 1, л. 116.
[2] Там же, л. 248.
[3] ЦГИА СССР, ф. 1293, оп. 168, ед. хр. 8, 1769.
* ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 144, 146.

вых людей"[1] ; "Список с переписной книги посацких людей в городе и в загородных слободах и поместьях и вотчиных селах, деревень и дворов в станах: Елецком, Воргольском, Засосенском, Гусляновском, переписи досмотра Василия Ивановича Сухотина и подьячего Алексея Острикова 7186 (1678) году"[2]; "Елец. Книга писцовая письма и межевания Тихона Камынина 199-200 и 201 годов (1691—1693), часть 1 и 2"[3]. Особенно ценна писцовая книга 1691—1693 гг., переписчики которой ссылаются на писцовую книгу 1628 г., до нас не дошедшую.

Елец не единственный город, который до сегодняшнего дня сохранил свою планировочную структуру. Такое же положение можно проследить и в Вязьме[4].

Одновременно с крепостными стенами в Ельце закладывались два храма: Вознесенский собор и Успенская церковь на посаде. В указанной государевой грамоте И.Н. Мясному о раздаче хлебного жалования дается распоряжение о выдаче хлебного жалования Вознесенскому попу, дьякону, пономарю, проскурнице. Задолго до окончания строительства крепостных укреплений города храмы были построены и в них шла служба. Одновременно с ними был заложен Троицкий мужской монастырь. Игумену и братии также выдавалось государево хлебное жалование[5]. Кроме хлебного, духовенству выдавалось и денежное жалование[6]. По государеву указу задолго до окончания строительства города из Тулы в Елец были привезены церковные колокола, книги, иконы, возведены иконостасы[7].

Храмам в городе и за городом одновременно с закладкой города выделялись огромные земельные наделы. В 1628 г. после Смутного времени, когда Елец сильно пострадал, была составлена новая писцовая книга, в которую были занесены все отведенные под храмы земли. В писцовой книге 1691—1693 гг. записано: "Всего на Ельце на посаде

'ЦГАДА, ф. 1209, ед. хр. 135.

[2] Там же, ед. хр.8830.

[3] Тамже, ед.хр. 137.

[4] ЦГАДА, ф. 137. Вязьма, д. 1, 1627, лл. 1—37. Эта писцовая книга составлялась по книге 1596 г. Василия Волынского, л. 32.

[5] ЦГАДА, ф.141,оп. 1, ед.хр. 1,л. 148,149.

[6] Там же, лл. 104,105.

[7] Там же. л. 183.

и в городе и за городом в слободах 17 церквей, в том числе два монастыря. А под церквами пашни пахотные церковные добрые земли старые писцовые и новые дачи 410 четей в поле, а в дву потомуж"[1].

Из четырех храмов в городе, пяти в остроге на посаде, одного в слободе за р. Сосной и трех церквей за р. Ельцом только Казанская церковь (в XIX в. именовавшаяся Сретенской) получила земли по межеванию Тихона Камынина в 1691—1693 гг. Остальные земли отводились по первой писцовой книге 1593 г., и только уточнялись в 1628 г.

Город новый Елец, заложенный в 1592 г., рос очень быстро. Отведенных ему по писцовым книгам 1593—1594 гг. земель в 1628 г. уже не стало хватать. В 1653 г. посадские люди Ельца написали царю челобитную с просьбой о даче им новых дополнительных земель. Просьба была удовлетворена. К середине XVII в. Елец стал центром металлообработки. По подсчетам В.М. Важинского в 1653 г. в нем на 14 горнах работало 43 кузнеца [46, с. 105] .

Развитие города и его рост предусматривались правительством. Так, когда строитель города Иван Мясной подал челобитную государю с просьбой уменьшить размеры города, он получил категорический отказ: "Немочно Ивану города и острога убавити, с которого места пригож, чтоб в осадное время в городе и в остроге сидети было безстрашно"[2].

То, что в XVI в. строительство города было делом государственным и подконтрольным, видно из того же документа. Иван Мясной решил ускорить строительство крепости путем насильственной задержки в Ельце приехавших к своим родственникам за хлебом епифанских казаков. Епифань в то время, так же, как и Елец, вновь закладывалась и строилась. Епифанские казаки Федор Терехов и его товарищи написали челобитную царю. Из дворца последовал Ивану Мясному указ: "Казаки приезжали (из Епифани) к племянникам и для хлебу, а ты их даешь на поруки и велишь город делати ... и то ты делаешь не гораздо: мы городы новые устраиваем, а ты пустотишь"[3].

[1]ЦГАДА, ф. 1209, ед. хр. 137, л. 23.

*ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 1, л. 246.
[3]Там же, л. 77.

Город строили плотники, присланные по государеву указу из разных городов, и местное население — "посоха", нанимавшаяся, за деньги. "Посоха" нанималась по 'развытке", идущей из приказов. Нанимали и "охочих людей". На период строительства в городе создавалась сторожевая охрана, организуемая из приказа на государевы деньги. Строителям и охранникам хлебное и денежное жалование выдавалось из государевой казны. В центре города строилась житница, куда из центральных областей страны привозили хлеб. Житницами и деньгами на строительство ведал И.Н. Мясной. От Мясного приказ требовал полной отчетности[1] .

19 февраля 1593 г., когда строительство города уже заканчивалось, был прислан государев указ и наградные деньги всем, кто участвовал в строительстве. В указе говорилось, что послали с Григорием Мясным "елецким жилецким детям боярским 160 человекам по полтине человеку, да казакам и стрельцам и пушкарям и затинщикам и плотникам и кузнецу всего 844 человекам по 10 алтын человеку"[2] .

Для строительства Церева-Борисова Борис Годунов в 1600 г. дал наказ воеводам города Богдану Яковлевичу Вельскому и Семену Романовичу Алферову прислать строителей и охранные войска в Ливны. От воевод требовалось, чтобы они, приехав в Ливны, по спискам пересмотрели "детей боярских" и велели бы им брать запасы "на все лето и на осень и до зимы". А которым лицем по росписи с ними зимовать и темъ велеть имать запасы и на зиму и на лето. А стрельцомъ и казакомъ и литве и немцомъ и черкесомъ и днепропетровскимъ казакомъ и всякимъ людемъ велеть имать с собой запасы на поле по росписи какъ которымъ людямъ в росписи написано". Мы видим, что состав строителей был строго определен. Такие же четкие указания давались воеводам о контроле за лошадьми, за оружием войска и за боеприпасами [32, с. 5] . Правительство подробно расписывало, как организовать поход до места строительства, что везти в судах, кому идти с конной ратью берегом, как располагаться на месте. "Придя на место город обложить по чертежу и по росписи каковы им чертеж и роспись даны. И велети плотникомъ городъ рубити и делати

'ЦГАДА.ф. 141, лл. 147—151.
Тамже.лл. 105,106.

не на спех, а делать имъ городъ образцомъ какъ пригоже то государь царь и великий князь Борис Федоровичь всея Руси положиль на окольничихъ и воеводе на Богдане Яковлевиче. А башни делать круглые или четвероугольные смотря по месту какъ государеву делу прибыльнее и крепче и прочнее". Давалось указание, из каких частей должны состоять городские укрепления: "... а делати имъ городъ изъ загородью въ две стены а меж бои техъ стенъ была сажень косая да третья стена делати внутри" [32, с. 6].

Предусматривалась и зашита против пожаров и гниения древесины: "... а делати имъ городь такъ чтобы ево глиною обмазать мочно". От воевод требовался постоянный присмотр за ходом работ и особенно за строительством колодцев и тайников: "... а самимъ имъ у городового дела быть неотступно день и ночь беспрестанно чтооъ имъ прося у бога милости городъ заделати крепко вскоре да и тайникъ имъ въ городе зделать присмотря место к озеру или к реке и в городе сделать колодезь. Если колодезь в городе сделать нельзя, что сделать подкоп". Вместе с воеводами для строительства крепостных укреплений были посланы и подсобные рабочие "служивой пушкарь и подкопщик Поспелъ Неклюдовъ да немчин Юшко Аммонъ". Кроме того, "к городовому делу послан с ними городовой мастер Михаила Кирдешовъ". Давалась подробная роспись, где и как устраивать рвы, куда девать выкопанную землю. По своему усмотрению, "где пригоже", воевода должен построить храмы Троицы и Бориса и Глеба [32, с. 9].

Воеводы города должны были отписать государю, можно ли вблизи города иметь пашню и покосы и какова там земля: "и какие леса и сколь далече лесъ большой и можно ль около города будет пашня и покосы ... и на сколько верстъ по смете пашенные земли и покосовъ и иныхъ какихъ угодей рекъ и лесовъ". Город сразу закладывался как сельскохозяйственный [32, с. 9].

В архивах сохранилась роспись города Царева-Борисова[1]. В ней говорится: "Какъ въ 107 (1599) году Богдан Вельский да Семен Олферьев Борисов город поставили и они Борисову городу прис-

[1] ЦГАДА, ф. 210. Белгородского стола столбцы, стлб. 1, л. 76, 1599. Этот документ был частично опубликован Д.И. Багалеем [32, с. 1—131.

лали чертеж и тот чертеж в Розряде сыскан. А по тому чертежу Борисов поставлен оыл у реки Оскола на горе на устие Белтина колодези ... И всего по чертежу в Борисове в городовой стене 3 башен с вороты 6 башен глухих да 127 городен а меж ворот и башен по стенам 379 сажен"[1].

Воеводы Царева-Борисова послали в 1600 г. в Разряд только описание крепостных укреплений города. Однако более поздние сведения, полученные от жителей города в 1625 г., после серьезных повреждений, нанесенных татарами, дают полную картину состояния Царева-Борисова: "А по скаске цареградскихъ жильцов белгородсково протопопа Парфена да валучан Фролка Савина да Поминка Котельникова Царев-Борисов город поставлен оыл на реке на Осколе на усть Бахтина колодезя, а город был рубленой сосновой а в нем было 2-ое ворота выездные да 7 башен. А башни рублены в 8 стен. А городовая стена рублена в 2 стены вверх было городовые стены въ 4 сажени".

В описи дается интересное описание конструкций земляного вала: "А крепости около города вал земляной от огородные стены 4 сажени. В вышину тот вал был 2 сажен. И ныне тот вал не во многихъ местех цел а делан тот вал ставлены столбы и те столбы были проушены и в проушены кладены бревенья. А бревенья изрешечено и досками утверждено". "А с сторон оыл учинен плетень и колья и подпорами дубовыми утвержден. А сверх того тот вал окладен дерном. А дернъ резали полугом. И по тому валу поставлены были башни такие же как вал делан и бои в оашнях и по валу были учинены. И в пожару у тово валу столбы и бревенья выгорели и от тово тот вал попортился. А около това валу оыл ров в глубину 3 сажени а поперег 4 сажени а был тот ров от валу с 2 сажени".

Состояние города и его укреплений, после разрушения его татарами, в 1625 г. проверялось Волконским. "А окольничий князь Григорей Волконский сказал что в 133 (1625) году посыпан от него с Волуйки к станице к Узюму Кургану новосилец Ждан Дементьев с товарищи и оыли они на Борисове городище и сказали ему что ров которой был около посаду и около города и ныне глубокъ и / цель весь"[2].

[1] Там же, лл. 76,77.

[2] Там, же, лл. 77—80.

Сразу же были заложены слободы стрелецкие, казачьи и пушкарские. "А около слобод был острог стоячей на 2 версты а приведен был тот острог к реке к Осколу против города с обеих сторон а зделан былъ таков острог великъ для того что в Борисове было на годовой службе много ратных людей и дворы себе ратные люди ставили сами. А как ратным людем перемена придетъ и они те дворы свои продавали ратным людем которые на их места на службу придут"[1].

Город хорошо снабжался водой, что достигалось с помощью искусственного канала: "Да в остроге ж меж города была перекопъ из реки из Оскола шла вода в озеро, которое озеро под городом. А из озера вода шла в колодезь в Бахтин и ныне та перекопъ поросла ивняком и вода нейдет. А как почистить и вода из Оскола пойдет по прежнему. А учинена та перекопъ для того чтоб в приход воинских людей в остроге людем безводным не быть"[2]. При осмотре города в 1625 г. этот искусственный канал действовал.

Оборонительные укрепления ставились не только в городе, но и за городом для охраны людей, работающих в полях: "А около поля были надолбы ставлены в 3 кобылины для бережения пахарей и конских и животных стад а были надолбы от города въ 7 верстахъ"[3]. Описывались и места, где брали лес для строительства.

Рассмотрим теперь специфику строительства города Козлова. Для обеспечения закладки и возведения нового города и его жилищ Разрядный приказ испрашивал царского указа по следующим вопросам: 1) сколько ратников и из каких городов и по скольку из каждого города должны быть высланы для охраны строителей города; 2) какими делать крепостные укрепления — "город делать рубленый или острог" (т. е. стоящий тын); 3) какими людьми делать город и сколько нужно для этого человек; 4) нужны ли острожному и городовому делу плотники и кузнецы, находящиеся на государевой службе и "посоха" — местные жители, из каких городов их брать и сколько человек; 5) в какие города посылать грамоты с приглашением вольных людей на житье в новый город на Урляповом городище?

[1] ЦГАДА, ф. 210, лл. 80, 81.
Там же, л. 81.
[3] Там же, л. 82.

Последний вопрос касался выплаты подъемных (селитебных) денег новым жителям Урляпова городища: "которые охочие люди придут на житье на Урляпово городище на селитьбу и на дворовое строение, государева жалования им давать ли и почему давать? И из которых городов деньги взять и с каких доходов?"[1] .

Первый царский указ касался организации военной охраны строителей нового города. Для этого выделялись из разных городов 600 стрельцов и казаков с пищалями, при этом охранное войско посылалось только на шесть недель, после чего стрельцы и казаки возвращались домой[2]. Охрана стройки версталась из множества городов. Из Москвы с воеводами нового города Иваном и Михаилом посланы были Петр Красников и Путило Бочков с пищалями, ядрами, зельем, свинцом. В новый город велено было прибыть "из Переяславля Рязанского с сотником стрельцов 50 человек; с Михайлова казаков с сотником 50 же человек; ис Пронска казаков 50 человек; ис Рясково детей боярских 60 человек да слободских полковых казаков 50 человек; из Донкова казаков 30 человек; из Сапожка казаков 50 человек; с Воронежа детей боярских и поместных 40 человек да беламестных и слободских атаманов 50 человек, да полковых казаков 80 человек; с Лебедяни казаков 50 человек; с Ельца казаков 20 человек; из Шацкова казаков 50 человек"[3].

Из разных городов высылаются и строители: два плотника из Переяславля, два плотника из Михайлова, по три плотника из Пронска и Ряжска. Из Переяславля-Рязанского, Ельца и Ливен высылаются три кузнеца[4].

Место в городе под жилье и крепостные укрепления готовилось одновременно. Иван и Михаил должны были построить в городе, в первую очередь, зелейную казну — дубовый погреб, выкопать колодцы и сделать тайники. Затем им давалось задание построить в новом городе храм во имя Покрова Пречистой Богородицы с приделом Георгия или Димитрия, украсить его образами, привезти служителей[5].

'ЦГАДА.ф.гЮ, стлб. 201, лл. 10,11, 12,13.
[2] Там же, лл. 22, 23.
[3] Там же, лл. 66—70.
^ Там же, лл. 71, 72.
Там же, лл.82, 83, 84.

На воевод вновь строящегося города ложилась забота об обеспечении землей не только горожан, но и жителей всего уезда. Воеводы должны были определить, "что к тому городу будет пашни и лугов и лесу и всяких угодий", а также "сколько уездных людей у того города устроить мочно, и далеко ли от того города и в которых местах и у каких крепостей". Мы видим, что сначала определялось место города, а затем места сельских поселений. Для того, чтобы правильно организовать уезд, строительство сел и деревень, воеводы должны были выявить и дать сведения: "блиско нового города какие поместные и вотчинные земли есть и сколько и чьих земель вотчинных и поместных, или оброчных, откупных рыбных ловель и медвежьих ухожей и всяких оброчных мест"[1], имевших владельцев до того, как здесь начали основывать новый уезд.

Наказ требовал, чтобы город строился по смете составленной Биркиным и Спешневым по чертежу и росписи и присланной ими в Разряд. Одновременно они должны были после завершения строительства сделать городовой чертеж и написать книгу, в который им надлежит точно описать местоположение города, расстояние до других городов, наличие рек, озер, холмов и т.д. Писцовую книгу и городовой чертеж они обязаны были прислать в Разрядный приказ к думным дьякам Ивану Гаврилову и Григорю Ларионову[2].

Итог всем работам по укреплению Козлова и Козловского уезда мы находим в дозорных записях Разрядного приказа, в "росписи городам, которые ведомы в Разряде", составленной в 1678 г. [82, с. 299].

Чин закладки города позволяет утверждать, что на определенной для города территории в первую очередь расчерчивали крепостные стены и освящали их основание. Затем определялись места храмов и государственных построек. Нарезка участков под селитьбу внутри укрепленного города делалась раньше, чем на посадах и в слободах. Вместе с тем она производилась после того, как определялась трассировка крепостных укреплений города, места храмов и государственных учреждений. Это хорошо

[1] ЦГАДА, ф. 210, стлб. 201, лл. 78—79.

[2] Там же, л. 97.

прослеживается на примере строительства Новобогородицкого и Сергиевского городов на р. Самаре, левом притоке Днепра. И.С. Мазепа в своем донесении от 5 июля 1688 г. писал: "И в городе (Новобогородицке. — *Г.А.)* соверша городовое дело имеют построить церковь и дворы, а ныне начали строить на хлебные запасы анбары"[1]

В том же году к городу, у которого "по выводам было сделано четырнадцать роскатов пушечных", пристроили крепостные укрепления вокруг будущего посада. В документах записано: "Около Ново Богородицкого города где быть посаду по размеру полковника Вилима Фан Зелена зделана валовая крепость а у той крепости семнадцать выводов, а около той валовой крепости ров выкопан шириною от поля пол трети глубиною полторы сажени от реки Самары шириной полторы сажени глубиною тож число на проездах рвы мощены и укреплены ... мосты надолбами". Мы видим, что территория "где быть посаду", огорожена мощной крепостью. "По мере той земляной крепости и с выводы ... 1641 сажень"[2]. Затем по указу думного дворянина и воеводы города Григория Ивановича Касагова строятся 50 изб, в городовых выводах четыре сарая для хлебных запасов, кроме того, войска Мазепы построили для хлебных запасов "семь дворов и на них строения шесть изб с сеньми в том числе две светлицы, девять сараев плетневых", другие полки также вели строительство жилых построек.

Подводя итог. своим трудам, воеводы города Леонтий Романович Неплюев "с товарищи" пишут, что с общего совета с И.С. Мазепой и В.В. Голициным они с 1 августа "по 23 число нынешнего 196 (1688) году в Новобогородском построили ... силами ратных людей 1 двор воеводцкий, 7 дворов гетмана Ивана Степановича и генерального старшины и полковников 260 изб с сеньми, в том числе 1 приказная да воеводских 3 избы 2 погреба да ледник рубленой ... по городу выводов 17 роскатов пушечных 17 сараев плетневых, в том числе 3 сарая рубленых из байдачных досок. Около Ново

ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, оп. 1, ед. хр. 113, л. 4.

[2] Там же, оп. 1, ед. хр. 86, 1688, лл. 3, 10.

Богородицкого где быть посаду учинена воловая крепость"[1].

Однако практика показала, что земляные валы не были достаточно надежным укреплением, и татары их разоряли. Поэтому в Новобогородицком и Сергиевском городах государевым указом приказывается около верхних и нижних городов сверху земляных валов поставить остроги: "Верхний Ново Богородицкий 800 сажень, нижний 1700 сажень, Сергиевский верхний 376 сажень, нижний 600 сажень". Население просило "чтоб великие государи пожаловали их для их бедности под Сергиевским кругом города и ново поселенной слободы их учинить острог", что и было сделано[2]. Из приведнного документа видно, что крепость вокруг слободы могла быть сделана и после того, как само поселение было спланировано и заселено.

Следует отметить еще один аспект возведения новых государевых городов — подведение к ним дорог и подъездов. Ранее в исторической науке существовало мнение, что новые города строились на уже проложенных дорогах, которые, входя в план города, якобы даже определяли систему его планировки. В деле о постройке Царева-Борисова имеется документ, из которого видно, что в выборе места под город основным критерием было наличие рек и озер, а не дорог. В каждом городе обязательно делались ворота, выходившие к воде, — Водосвятские. Связи между городами как водными, так и сухопутными путями продумывались детально и обстоятельно и учитывались при закладке города[3]. В городах делались ворота, от которых прокладывались дороги в направлении соседних городов.

Межевание городских земель под застройку. Документы, касающиеся строительства городов, содержат сведения о том, как шло межевание городских земель. Город Челны на реке Каме, в месте впадения в нее речки Челны, был возведен в 1651 г. В первую очередь была воздвигнута рубленая крепость. В ней были построены монастырь с церковью,

[1]ЦГАДА, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 86, лл. 2, 6, 8, 9, 10.

[2]ЦГАДА, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 11, 1694, лл. 201, 202, 210, 216, 219, 221.

[3]ЦГАДА, ф. 210, оп. 1, ед. хр. 1, Белгородского стола столбцы, стлб. 1, лл. 1—42. Дело частично опубликовано Д.И. Багалеем [33, с. 1—4].

келья старца, изба хлебная, погреб с надпогребицею, дубовый погреб с государевой денежной и пороховой казной, амбар для пушек. Небольшие размеры крепости не давали возможности разместить всех жителей внутри нее. Поэтому землю для поселения служилых людей отмеривали около крепости: "А около города Челнов подле городовой стены от речки Челны и до реки Камы, отмерено на площадь от города до у саду, где быть служилых конных казаков дворам от Камы до Челны речки з дву сторон города по тридцати сажен ... под дворы и под огороды вдоль по тридцати сажен, а поперег по десяти сажен человеку"[1]. Организованный отвод земель и сознательное межевание города здесь очевидно.

В 1646 г. около Воронежа на р. Усмани по государеву указу воронежцем Савелием Ивановичем Хомицким и присланными к нему детьми боярскими был заложен город Орлов [33, с. 39—41]. В Строельной книге, посланной в Разряд, составленной после завершения города, СИ. Хомицкий писал о том, как он нарезал и раздавал дворовые места жителям: "Дворовые места под гумна и подъ огороды разводилъ по государеву указу детямъ боярскимъ драгунские службы 220-ти человекомъ по обе стороны Орлова городка от деревни Выголова ... по реке по Усмани на татарскихъ перелазахъ Орлова городка Богоявленскимъ соборным дву попамъ да дьяку ... да пушкарямъ ..." "А разводилъ имъ дворовые места подъ гумна и под огороды дворъ поперечина по 10-ти саженъ и в длину по 30 саженъ и те ихъ дворовые усадьбы хто подле кого живетъ и сколько у кого на дворе хоромъ и то все налицо въ сихъ книгахъ написано ниже сего" [33, с. 40].

Далее подробно описывается рядовая застройка части города у реки Усмани на татарских перелазах: "А изъ Орлова городка едучи правой стороною от деревни Выголово устроены дворы в две рядъ у реки Усмани на татарскихъ перелазахъ. А от города попа Васильев двор отгороженъ гумно и огородь тыном а на дворе хоромы изба новая сосновая 4-хъ сажень с локтемъ да клеть конющная да банька". Так описываются все дворы города.

Распределение городской земли между жителями путем нарезки ее воеводами хорошо прослеживается по Строельной книге города Усерда, зало-

[1] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 156, лл. 156, 157.

женного в 1637—1638 гг. стольником и воеводой И.И. Бутурлиным и СП. Норбековым [33, с. 22—27] . После описания храмов и городских укреплений рассказывается об осадных дворах внутри города, лавках и амбарах "полских усердцких жилецких стрельцов и пушкарей", которым в городе выделили участки под осадные дворы. Так 229 казакам выделено "вдоль по 5 сажени, поперегъ по полу четверти сажени человеку. Стрельцам 27 человекомъ вдоль по 4 сажени поперегъ по 3 сажени человеку" [33, с. 23] .

В Строельной книге говорится, что вновь прибывшим 25 человекам "селитца осадными дворы с теми же стрельцы и с казаки и с пушкари рядомъ". За городом "вниз по реке Сосне и усть реки Усерду" казачья слобода, в которой выделены земли под церковь "вдоль 30 сажен, поперегъ 20 сажен, а у церкви поп приходной, а земли ему давано подъ дворъ вдоль 10 сажен, поперегъ 8 сажен". Кроме осадных дворов в городе казакам выдается земля под дворовую усадьбу в слободе. Здесь дворовые участки по размеру больше — "вдоль 15 сажен, поперегъ по 8 сажен" [33, с. 23, 24].

То, что земля в городе размеряется, межуется и организованно выдается, видно из дальнейшего текста этого документа. Воевода Иван Иванович Бутурлин и Савва Потапович Норбеков пишут, что "отмерено под дворовые усадьбы земель пятидесятником и десятником и рядовым казакам 500 человеком и на своих дворовых усадьбах пятидесятники ... с рядовыми казаки дворами поселились". Далее говорится, что также размеряются и заселяются земли за городом в слободах. Следовательно, весь город (как центр внутри крепости, так и слободы) планировался и размерялся одинаково.

Кроме осадных дворов и крепости, дворовых участков в слободах жителям отмерялись большие земельные угодья за городом под пашню, покосы, выгоны. Размеры участков регламентировались так же, как и в городе, принадлежностью жителя к тому или иному сословию. В Строельной книге У сер да записано: "... дана пашня и сенные покосы и всякие угодья пятидесятникомъ по сороку чети, десятникомъ по 30 чети, рядовымъ казакомъ по 20-ти чети человеку в поле, а в дву потомуж ... да въ техъ же поляхъ къ церкви страстотерпца Христова Геор-

гия попу пашни и сенных покосов 20 чети в поле и в дву потомуж" [33, с. 24] .

Приблизительно так же отмерялись земельные наделы под пашню и покосы и жителям города Козлова: "Пятидесятникам по 40 четей, десятникам по 30 четей, рядовым по 20 чети. Стрельцам пешим — пятидесятникам по 10 чети, десятникам по 9 чети, рядовым по 8 чети человеком в поле, а дву потомуж и всякими угодьями их устроить ... против пашен да и сторожевых казаков и пушкарем и затинщиком и плотником и кузнецом и городовых воротники им в новом городе устроить"[1] .

Большое число дел об отводе в Уфе земельных участков жителям под дворы и огороды сохранилось в фонде Уфимской приказной избы[2] . При уфимском воеводе был специальный дьяк, который ведал межеванием городских земель и выдачей участков жителям.

О том, что в городе никто самовольно, "без государеву указу", не мог прирезать себе землю или произвести перепланировку, говорит одно дело по Уфе. Конный стрелец Федор и Яков Арзамасцев бьют челом по поводу, того, что Яков, живя в Уфе со своим сыном, не получил от государя дворового места, а купил его сам, но оно мало. Далее он жалуется, что по государеву указу "от того дворишка моего ныне ... взято и отгорожено за острогъ", чем еще больше затесняется его двор. Из документов видно, что у жителя города могли отобрать даже купленную им землю, если она нужна городу.

Стрелец просит увеличить его участок за счет прирезки к нему небольшого переулка, идущего рядом с его двором: "Наперед сего той переулкомъ бывал проезд к жилым домам и к башне. А ныне государь, дворов и башен в том месте не стало, учинились те места за острогом пусты, и проезду тем переулкомъ никуда нет". На обороте листа имеется ответ на челобитную: "Смотреть и описать"[3].

'ЦГАДА, ф. 210, стлб. 201,1637, лл. 95, 96, 96 об. Термин "в дву потомуж" свидетельствуют о трехпольной обработке земли в тот период.

ЦГАДА, ф. 1173, Уфимская приказная изба, оп. 1, ед. хр. 502,511,537-544,600.

ЦГАДА, ф. 1173, Уфимская приказная изба, оп. 1, ед. хр. 599. л. 1, 1 об.

То, что переулок был сделан для прохода к дворам, которых нынче нет, свидетельствует о том, что трассировался он по определенному замыслу. Прежде чем отдать землю жителю города, ее тщательно обмеряли и записывали[1].

0 том, что города обмерялись и чертежи составлялись на основании обмеров, свидетельствуют труды СУ. Ремезова, перестраивавшего Тобольск. Ремезов был не только практиком. Ему принадлежит ряд исторических и теоретических трудов. В 1701 г. он со своими сыновьями написал книгу, в которой раскрыл методы работы по возведению каменного Тобольска, постройки его крепостных укреплений, храмов, по планировке и застройке жилых районов города[2].

СУ. Ремезов со своим сыном Леонтием детально обмеряли Тобольск[3]. Они ездили по уезду, собирали материалы для составления точной карты. Своеобразием чертежей этого периода было то, что размеры на них на проставлялись, а вносились в отдельную пояснительную записку. 18 сентября 1697 г. чертеж был отправлен в Москву, где получил высокую оценку.

Пояснительная записка к этому чертежу помещена на л. 20 "Служебной чертежной книги". Она названа "Чертеж Тобольска резмерян под каменное строение". На этом листе описываются все будущие ' здания города; определяется необходимое количество материала, мастеров и рабочей силы, организация работ. Ремезов указывает размеры улиц, площадей, значительных зданий города (храмов, крепостных башен), расстояния между ними, промеры укрепленной части Тобольска (т. е. города, посада на горе и подгорного посада). На л. 25 (оборот) дается пояснение к плану Тобольска, называются части города. Отдельно помещен чертеж перекрестков и площадей. К этому чертежу приложен пояснительный лист, на'котором указаны размеры всех торговых площадей, уличных перекрестков, мостов: "Чертеж по указу, размер хресцам (перекресткам) и бальчикам, лист 22"[4].

[1] ЦГАДА, ф. 1173, Уфимская приказная изба, оп. 1, ед. хр. 599, л. 2.

[2] Ремезов СУ. Служебная чертежная книга, л. 28. Подлинник хранится в ППБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

[3] Там же, л. 2.

[4] Ремезов СУ. Служебная чертежная книга, л. 24 об.

"Чертеж посаду размер по указу под валовое строение лист 19" и пояснительная записка к нему[1] свидетельствует о том, что живописная, свободная планировка города тщательно размерялась. СУ. Ремезов, реконструируя старый город, учитывал его прежний облик и сохранял свободную планировку. Этот метод существенно отличается от градостроительных методов XVII в., когда свободные по планировке, живописные города перепланировывались в соответствии с регулярной системой, древняя свободная трассировка улиц в проектах не учитывалась, на нее накладывалась геометрическая сетка улиц и площадей. Ремезовым был составлен чертеж инженерного укрепления города с пояснительной запиской[2].

Из предисловия к "Служебной чертежной книге" становится очевидным, что в своей работе Ремезов опирался на труды предшественников. Он пишет: "Тобольскому дворянину Семену Ульяновичу Ремезову с детьми дано в Сибирском приказе описать с привезных 23-х городовых сибирских картин"[3], т. е. сделать копии с чертежей. Работы Ремезова во многом дополняют скудные сведения, имеющиеся в летописях и других документах о методах возведения городов, и еще раз свидетельствует о том, что города строились по определенному замыслу; видимо, и инженерные вопросы при их закладке тщательно продумывались.

Вышеприведенные документы показывают, что межевание городских территорий производилось на основании их тщательного измерения. Городские земли под застройку в новых городах, а также за городом под пашню, выгоны для скота и покосы выдавались по разработанным нормам, "смотря по людям", т. е. в зависимости от классовой принадлежности человека.

Заселение вновь построенного города можно рассмотреть на примере Ельца. Для его заселения из разных городов "по верстанию" набиралась привилегированная часть населения, которая записывалась в особые книги. Она обеспечивалась "поместным верстанием и государевым жалованием", т. е. землей и деньгами. Воеводам Ельца был дан

[1] Ремезов СУ. Служебная чертежная книга, л. 10.
[2] Там же, л. 56.
[3] Там же, л. 1.

государев указ поверстать "на житье" 200 детей боярских из других городов. Города, из которых набирались жители в новый город, при этом не оголялись, так как надлежало брать молодых людей из больших семей: "от отцов — детей, от братии — братьев, от дядь — племянников". Елецким воеводам удалось набрать из разных городов только 164 детей боярских. Государю они послали сообщение о ходе "верстания"[1].

Одновременно шло заселение городов низшими сословиями: казаками, крестьянами, стрельцами, среди которых были и мастеровые люди.

По государевым указам для заселения новых городов и неосвоенных земель разрешалось людям выходить из крепостной зависимости, а это вызывало большой приток населения в города. Но не всем удавалось переселиться в новый город. Указ имел очень большие ограничения, и Приказ сыскных дел возвращал часть крепостных на старое место. Кроме того, государю из Ельца шли жалобы, что боярские дети самовольно "имают" своих крепостных, ушедших в казаки, "и сажают их по твоим государевым городам и тюрьмам. И пожалуй нас, холопей твоих, дай свою государеву грамоту на Елец к воеводам и не вели, государь, нас отдавать с Ельца детям боярским"[2].

Для привлечения в город населения государством выделялись селитебные деньги. Донские атаманы Михаил Антонов и Русинка Дробышев заявили в своей челобитной, что для того, чтобы казаков поселить в новом городе Ельце, необходимо дать им "государеву приборную грамоту" и пожаловать "жалованием денежным и хлебным и селитебными деньгами". "А без селитебных, государь, денег, — пишут они, — нам холопам твоим, прибрати казаков и без хлеба невозможно"[3]. Из этой челобитной видно, что одновременно с "верстанием" и записью в новые города государство должно было выплачивать казакам "подъемные суммы" в виде хлебного и денежного жалования.

Расселение жителей в городе проводилось воеводами. С августа 1592 г. руководителям строительства Ельца дается государева указная грамота о том, как расселить детей боярских: "земли им отмерит

[1] ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 1,1593, лл. 55, 63 64

[2] Там же, л. 23.

[3] Там же, л. 146.

велети по их окладам по Сосне реке (т. е. в городе — *Г.А.)* и за Сосною рекою" (т. е. са городом).

Жители строили дома на выделенных им участках сами. Кроме того, они должны были устраивать свою жизнь в новом городе так, чтобы в дальнейшем не нуждаться в государственном денежном и хлебном жаловании, обрабатывая пашни и огороды. Город, в представлении государственных властей, должен быть самоокупаемым. В Москве этому вопросу уделяли большое внимание, что видно из грамоты, присланной в Елец, о расселении "детей боярских": "И велети им себе пашни распахивать и устраиваться. А на посылки их ныне и в проезжие станицы и на сторожею не посылать. А городовое дело им делати не велети покаместа они дворы себе непостроятца"[1].

Практика постройки домов каждым новым жителем во вновь строящемся городе прослеживается и по другим документам. Об этом пишут в своей челобитной Юшка Малявин: "А как де почали устраивати новый город Елец, и он же Юшко, написался на Елец на житье в дети боярские и город и острог делал и двор себе на Ельце поставил"[2].

На примере строительства Ельца видно, что в городах Русского государства одновременно велось государственное и частное .строительство. Кроме жилых зданий , частное строительство распространялось и на храмы, но всякое частное строительство в этот период регламентировалось государством.

Материалы сибирских городов, например Нарыма, дают ту же картину их заселения: "... а под дворы места велеть служилым людям отводить, смотря по простору, чтоб никто в обиде не был. А буде в остроге всеми жилецкими дворами за теснотою устроитца немочно, и тебе б, господине, велеть служилым и всяким людям дворы себе ставить за острогом, где кому пригоже, слободами" [132, т. II, №2801.

Организованно заселялись и города Украины после воссоединения ее с Россией. Это хорошо видно на примере Новобогородицка и Сергиевска. Жители их обратились к царю с просьбой увеличить население городов, так как при малолюдстве и постоянных набегах татар защищать город некому. Они

[1] Там же, л. 61.

[2] Там же, л. 129.

жаловались, что атаманы городов не выполняют государев указ "в Новом Богородицком и Сергиевском призьюать на житье из Малороссийские города охочих людей, и строитца домами ... и атаманы на житье тех людей в Ново Богородицкое и Сергиевское не пущают а в малолюдстве до тех городов жить невозможно чтоб тех охочих людей пропускать для поселения в Самарских городах без задерживания"[1].

В ответ на эту челобитную последовал новый государев указ: "А велено поселитца в Новом Богородицком 1000 семьям, а в Сергиевском 300 семьям. А ныне в тех городах в Новобогородицком 266 семей, а в Сергиевском 163 семьи"[2].

Строительство частновладельческих городов. Государственные методы возведения городов стали единственной формой постройки городов только во второй половине ХУП в., после введения в жизнь в 1649 г. Соборного уложения, а до этого существовали города, построенные и частными лицами. Эти города изучены мало.

Интересно проследить постройку частновладельческого города Шестакова, расположенного в 70 км от древнего Хлынова (Вятки). Город и по сегодняшний день сохранил" остатки нескольких рядов крепостных валов и поздний каменный собор на месте первоначального деревянного. До постройки города здесь по грамоте Ивана ГУ была создана слобода. В грамоте 1546 г. великий князь предписывал слобожанам "копите на меня на великого князя слободу", т. е. организовывать поселение, жители которого, прожив 5—10 лет без всяких податей, разбогатев, затем станут платить налоги, что будет давать ему доход [4, № 210, с. 199].

В 1546 г. шестаковцы рассказывают в челобитной историю возникновения своего го рода-слободы. "Займучи деньги", приходцы поставили себе город Шестаков, без которого в то время на Вятке нельзя было прожить, и ставя городок "одолжали". Слобода-город Шестаков образовался из деревень и починков, принадлежавших Верхне-Слободскому городку. Затем она получила самостоятельную льготную грамоту. Наместник города Слободского отнял у шестаковцев их грамоту и пытался подчинить их своему управлению. Шестаковцы вновь

[1] ЦГАДА, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 11, 1694, л. 214.
[2] Там же, лл. 214—216.

обратились к Ивану 1У с просьбой снова дать им жалованную грамоту. Эта грамота была им дана. Город-Слобода Шестаков находится в 25 км от города Слободского и существует в настоящее время под названием села Шестаково. Шестаков не получил при Екатерине II статуса города и был переименован в село.

Ряд частновладельческих городов был поставлен Строгановыми [47, с. 110] . На базе соляных варниц был построен город Сольвычегодск, рядом с солеварнями город Тотьма. В Предуралье, на Каме Строгановы заложили Кай-городок, Усолье, Орлов-городок. Они участвовали в постройке Тюмени. Правительство требовало от Строгановых соблюдения ритуала при закладке городов, и для этого им было разрешено иметь свое духовенство[1] .

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТ В СТАРЫХ ГОРОДАХ. РЕКОНСТРУКЦИЯ СУЩЕСТВУЮЩИХ ГОРОДОВ

Перепланировка улиц в уже существующих городах хорошо прослеживается по документам Ладоги конца ХУ — начала ХУ1 в. [167, с. 14] и Новгорода, что описано в Никоновской летописи под 1531г. [152, с. 60].

В ХУП в. была реконструирована Старая Русса. В 1626—1631 гг. была восстановлена старорусская крепость и поднимался вопрос о перенесении ее и жилых районов на новое место. В ЦГАДА сохранились документы об этом строительстве[2], в которых определяется взаимосвязь города с селом и деревнями, приписанными к нему для укрытия во время прихода неприятеля, и отчетливо прослеживается значение города как центра обороны и хозяйственной жизни уезда. Поэтому в создании крепостного ограждения территории, достаточной для того, чтобы на ней могло укрыться от неприятеля все окрестное население, участвует весь уезд, а не только жители города.

В грамоте государя Михаила Федоровича, подписанной дьяком Биамом Болотиным 13 марта 1630 г., записано: "В Старую Русу воеводе нашему Кириллу Осиповичу Супоневу, да подьячему Ивану

[1] Л О Института истории АН СССР. Архив, ф. Строгановых, ед. хр. 8, лл. 1, 2.

[2] ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 32, 1629-1631.

Конанову указали есмя в Старой Русе зделати острог .. а лес на острожное всякое дело готовить старорусским посацким людем и околоруских погостов и сумерские волости и старополя и дворцовых сел крестьянским и всяким сошным людем. А для того острожного делу послан с Москвы Федор Лызлов. И как к вам ся наша грамота придет, а Федор Лызлов в Старую Русу приедет и вы ему Федору дали б роспись за своими руками сколько ныне в Старой Русе на посаде и в околоруских погостах и в сумерской волости и в старополье в живущем сошного письму, да емуж Федору дали б естя для письмы подъячего ... и для россылки россылыщиков сколько человек пригоже"[1] . На обороте листа сделана помета: "Смотреть чтобы Федор хорошо работал, копал ров, смотрел за посацкими людьми".

Таким образом, мы видим, что в Старую Руссу был послан градоделатель, на которого возлагалась организация строительного дела. Воевода города Супонев и подьячий Лялин обязаны были во всем ему помогать и в то же время за ним присматривать.

Вопрос о том, где ставить острог — на старом или на новом месте, должны были решать жители города вместе с градостроителями[2].

Жители города к решению этого вопроса привлекаются потому, что если они захотят поставить город на новом месте, то переносить свои дворы должны сами.

Прибыв в Старую Руссу, Лызлов в своей отписке пишет о том, как он начал выполнять государево дело, и спрашивает разверстку на людей и на лес. Очень долго обсуждался вопрос о том, где ставить крепость — на старом или на новом месте, какой должна она быть: рубленая или стоячий тын. Выяснилось, что для постройки рубленой крепости "тарасами" необходимы специалисты — государевы плотники. Завязывается переписка с Новгородской четью о присылке плотников. Между Приказом и Лызловым идет постоянная переписка по всем вопросам организации строительства, Лызлов все свои действия согласовывает с Разрядным приказом[3].

'ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, ед. хр, 32, 1629-1631, лл. 61, 61 об., 62.

[2] Там же, лл. 55, 55 об., 56 об.

[3] Там же, лл. 102—108, 124—128.

В процессе переписки выясняется еще один любопытный факт. Всякое государственное строительство должно было вестись по установленным государством мерам длины. Для этого из Разрядного приказа городу была выдана "железная казенная сажень чем город мерить", которая хранилась у воеводы. Из-за того, что воевода Супонев своевременно не выдал Лызлову сажень, а запер ее в казенной съезжей избе, тот не сумел к назначенному сроку заложить новый город[1].

Из-за отсутствия дополнительных ассигнований и плотников Лызлов вынужден был отказаться от закладки города на новом месте "около каменных храмов". Он не мог сделать стены города рубленными, а поставил стоячий тын, увеличив площадь старого острога. Крепость оставалась на "старой подошве".

Лызлов вел все проектные работы, организовывал работы и строительство крепости. Все это он делал с небольшим, выделенным ему штатом помощников из 3—5 чел.[2]. В марте 1631 г. реконструкция крепости приближалась к концу. Строительство длилось приблизительно полтора года, так как проектирование началось 11 сентября 1629 г.[3].

По документам видно, что Федору Лызлову и жителям Старой Руссы правительство предоставило некоторую свободу в определении размеров крепости и числа башен. Более того, Лызлову было дано указание в новом остроге увеличить их число против старого острожного места. Далее ему был дан наказ: "А как Федор тот староруский острог поставит и совсем устроит и сколько будет тот староруский острог мерою и сколь велики башни и много ль будет ворот и всяких крепостей и сколько мерою будет ров и вдоль и поперек, и сколько сажень будет поставлено надолб и сколько какова лесу в остроге и во всякие крепости пойдет и по тому всему, велено сделать роспись подлинная"*. Таким образом, существовала не только проектная документация, но и исполнительная отчетная документация, которую градостроитель обязан был сдавать в приказ.

[1] ЦГАДА, ф. 141, т. 1, ед. хр. 32, 1629—1631, л. 124, 165.

[2] Там же; л. 144; 145.

[3] Там же, л. 197.

[4] Там же, л. 60.

На протяжении всего периода перестойки из Приказа шли указы, заставлявшие Лызлова вести строительство согласно принятому в приказе решению. Болтин многократно писал Лызлову, что он должен действовать только согласно тем наказам, которые ему высылаются, и постоянно писать о ходе дела[1]. В ряде случаев в указах содержится прямая угроза: "... Острожное дело будет не сделано, тебе за ту поноровку, а в наших делах непослушание быть от нас в опале и крестьянам в наказании"[2].

Ход строительства новой деревянной крепости в Старой Руссе на месте старой, небольшой по размерам и сгнившей, раскрывает методы государственного строительства в существующих городах. Здесь мы видим ту же систему, что и при строительстве новых городов, с той лишь разницей, что рабочая сила не привозится из других городов. К работам привлекались жители самого города, а также близлежащих сел, деревень и монастырей.

Сохранились материалы о замене старых, уже сгнивших крепостей, новыми. Так по государеву указу все старые крепостные укрепления города Дорогобужа[3], "сгнившие и развалившиеся", воеводы города обмеряли, потом, подготовив новый материал, разбирали старую крепость и возводили новую, повторяя архитектурные формы и первоначальные размеры. В этой работе участвовало все население сел и деревень, приписанных к городу, подобно тому, как это делалось в Старой Руссе. Все работы шли под неослабным контролем Приказа. Приказ следил даже за тем, чтобы старые бревна, еще пригодные для топки печей, были проданы. Он требовал от воевод роспись о том. за какую сумму и кому проданы старые тарасы и башни.

[1] ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 32, 1629-1631, ял. 189, 196.
[2] Там же, л. 203.

ЦГАДА, ф. 145. Приказ княжества Смоленского, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 1—30. Приемная книга бревен и теса с крестьянских и бобыльских дворов Дорогобужского уезда на городовое строение Дорогобужа, 1687 г.; там же, лл. 31—50; ЦГАДА, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 8, 1686, лл. 1—22 и 23—30. Книги доимочных денег, бревен и теса с крестьянских и бобыльских дворов Дорогобужского уезда на городовое строение Дорогобужа; ЦГАДА, ф. 145, оп. 1, ед. хр.5, 1686, лл. 1—15. Расходная книга денег на Дорогобужское городовое строение.

Этот документ позволяет предполагать, что архитектурные формы деревянных построек сохранялись от глубокой древности. Дерево, будучи материалом нестойким, подверженным гниению и горению, быстро погибало. Вместе с тем на примере Дорогобужа мы видим, что при замене сгнивших бревен на новые сохранялся прежний архитектурный облик сооружения.

Рассмотрим этапы строительства каменных укреплений Тобольска. В начале XVIII в. Г.Ф. Миллер выписал из документов Сибирского приказа семь указов Петра I (1697—1706) о строительстве каменного Тобольска[1]. Первый указ адресовался "ближним нашим стольникам воеводам Андрею Федоровичу Нарышкину с товарищи", а последующие — новым воеводам города — Михаилу Яковлевичу и Петру Михайловичу Черкасским, дьякам Ивану Обрюткину и Афанасию Герасимову. Во втором указе говорится, что "отписку и смету и чертежи ... подавать в Сибирском приказе ... думному нашему дьяку Андрею Андреевичу Виниусу с товарищи"[2]. Во втором указе, повторяющем первый, говорится: "по нашему великого государя указу написано вам в наказе велено в Тобольску город меньшой и в соборную церковь Вознесения господня, и приказную палату, и каменные анбары, и воеводской и гостиной двор, и около житного двора стену построить каменную для всякого случая и пожару"[3].

В этом указе говорится, что деньги на строительство брать из таможенных денег в Верхотурье и Тобольске. Большое внимание уделено вопросу удешевления строительства. Предлагается использовать "уездных и городских всяких чинов людей" не очень их обременять ("без всякой тягости"), но безденежно возить все нужные материалы. Все строительство организовать так, чтобы государю было прибыльно "и в деле способнее и людям сносно, и не в тягость большую".

С какого объекта и где начинать строительство, указ предлагал решить самим воеводам. Но уже до начала строительства руководители города обя-

[1] Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, ед. хр. 13, 1699—1706, § 48—54, лл. 132—142 об. На этот документ обращает внимание А.И. Андреев [28, с. 108].

[2] Там же, л. 133 об.

[3] Там же, лл. 132 об., 133.

заны были заниматься заготовкой строительных материалов: "А ныне велеть и камень, и песок, и сваи, и известь возить и кирпичю и камени готовить и выжигать ево гораздо, чтоб в деле был прочен, и класть в таких' местах, чтобы от воды и от всякого случая ему порухи никакой не было, и где бы к делу удобнее и ближе те запасы лежали".

Сами правители должны были "осмотря места где которому строению быть велеть написать чертеж и учинить смету". Кроме того, им вменялось в обязанность "к тому строению подмастерей ... выбрать, людей самых знающих, которые ... делали б самым прочным и крепким мастерством".

Правительственный указ предписывает тобольским воеводам обеспечить охрану большого города-посада путем постройки под горой башни: "по чертежу что потребно сделать под горою против Софейского извозу большую и крепкую (трех- или четырехэтажную) проезжую башню о трех или о четырех мостах, для постановки пушечного снаряду для сбережения посаду". К этой оашне от меньшего города предлагалось провести каменные стены и в них сделать два колодца, потому, что в городе ключевой воды и колодца нет. Кроме того, для охраны всего города предлагалось на поле поставить башни.

Особо в указе выделяется вопрос о доставке в Тобольск прутового железа для вязки, которое возилось от Москвы до Соликамска водным путем. Воевода города просил сообщить в Сибирский приказ количество и сортамент железа, нужного для строительства[1].

Первого августа 1698 г. правители города Тобольска высылают в Сибирский приказ смету, которую делал тамбовский подмастерье Г. Тютин. По его смете для осуществления всех задуманных в Тобольске построек "надобно 44255 рублев, 4 алтына, пол пяты деньги". Кроме того, для осуществления государева указа воеводы Тобольска просят прислать им из Москвы подмастерий и денежную казну "чем строить", а также выдать подмастерьям, каменщикам и работным людям "корму".

В ответ на просьбу воевод Сибирский приказ 8 сентября 1698 г. сообщает, что дан указ готовить к тому строению нужные материалы и обеспечить

[1] Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, ед. хр. 13, 1699—1706, § 48-54, лл. 133, 133 об.

строительство людьми из Тобольского, Тюменского, Туринского и Пелымского городов, "всякого чина и уездными людьми и ямщиками исподволь"[1], с тем, "чтобы казне не было бы большого расхода".

Третий указ Петра I предупреждал, что нужных по смете Тютина денег в казне нет. Поэтому предлагалось вести строительство "исподволь", "ценою небольшою". Для максимальной экономии бутовый и другой камень, необходимый для изготовления извести, предлагалось ломать и возить крестьянам, которые должны были сплавлять его "под Тобольск весною в полую воду на плотах и на судах, чтобы на мелях не было остановки".

Из Сибирского приказа разъясняют, как надо жечь и перевозить связующие материалы: "А жечь известь на месте или под городом, где пристойнее, тем же или иным лесом, как бы стало дешевле". Далее следует предупреждение, что известь на стругах при перевозке водой от дождей промокает и загорается, от чего загораются и струги[2]. Сваи предлагалось делать из лиственницы, а для этого разрешалось рубить лес по рекам, "там, где его больше". О том, как делать сваи, в Тобольск посылался приказ и образец на бумаге.

Детальные указания давались и об изготовлении кирпича. Готовый кирпич приказывалось ставить "вокруг ящиков с известью, чтобы ... удобнее и ближе к строению, и то деревянных изб дале было". Приказ уведомлял воевод, что железо, нужное для кирпичной кладки, из Москвы послано. Для улучшения кирпичного дела предлагалось послать в Верхотурье двух или трех мастеров-кирпичников и двух хороших кузнецов[3].

Не совсем обычно в Тобольске был организован и набор рабочей силы. Работы по изготовлению кирпича предписывается вести "ссыльным людям, которые будут присланы из Москвы в Тобольск по зимнему пути в нанешнем в 207 (1698) году". Ссыльным предписывается определенная норма выработки: "и велеть всякому человеку делать камень по 30 кирпичей или больше, чтоб леностью не огу-

[1] Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, ед. хр. 13, 1699—1706, § 48—54, л. 133 об.

[2] Там же, л. 134.

[3] Там же, л. 135, 137.

рялись и даром хлеба и деньги не брали"[1] . Для обучения ссыльных рекомендуется поставить "детей боярских добрых" и кирпичников-специалистов: "чтоб глину на кирпич уминали гораздо, а обжигальщики обжигали гораздо, чтоб в деле не развалиться и от мочи и от дождей каменному строению никакой порухи не было"[2] .В летнее время ссыльные должны были делать кирпич, а в зимнее — заниматься каменной ломкой невдалеке от города или рубкой леса. К строительному делу привлекаются гуляки, которые в Тобольск явятся "под образом нищеты", пьяницы из кабаков и все тобольские тюремные сидельцы, кроме убийц.

Перевозку строительных материалов предполагалось осуществлять всем городом и уездом. Рекомендовалось организовать все строительство каменного города по образцу деревянного, подобно тому как это делалось всем миром после пожара. В указе говорилось, что население должно понимать, что, заменяя деревянный город каменным, оно будет избавлено в дальнейшем от пожаров и, когда строительство "в совершенство приведется, с них никогда на такое городовое строение ни подвод, ни денег и никаких поборов не спросят"[3].

18 августа 1698 г. воеводы Тобольска направили в Сибирский приказ роспись и чертеж города. Роспись была "сделана по скаске каменных дел подмастерья, который был ранее прислан с Москвы и был у строений Софийского собора". Чертеж был прислан с тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым, который выполнял этот чертеж. Чертеж, роспись и смета давали ясное представление о том, где должны быть построены соборная церковь, приказная палата и воеводский двор, хлебные житницы, гостиный двор, какого размера должны были быть крепостные стены, сколько проезжих и глухих башен должен иметь город, где будут расположены башни и ворота. Давалась сметная роспись на все необходимые строительные материалы[4] .

Из Сибирского приказа было прислано указание: "к тому каменному строению приставить

[1] Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, ед. хр. 13, 1699—1706, § 48-54, л. 134.

[2] Там же, лл. 134, 134 об.

[3] Тамже, л. 135.

[4] Там же, л. 136.

тобольского сына боярского Семена Ремезова". [72] . Это назначение Сибирский приказ объяснил тем, что Ремезову "всякие чертежи делать за обычай, и как сваи бить, и как глину разминать, и на гору камень, известь, воду и иные припасы втаскивать". Далее сообщалось, что он во всем сведущ, так как "о том ему на Москве в Сибирском приказе пространно и довольно сказано, а мельничные колеса например ему на Москве показали, и для всяких нужных записок он грамоте умеет"[1].

Сибирский приказ корректирует присланный чертеж. Он дает указание сделать "меньшой город" уже и длиннее. Это объясняется необходимостью построить стены и башни как можно дальше от жилых мест, где осыпается гора. При этом Сибирский приказ считается с мнением своего представителя в Тобольске — СУ. Ремезова[2].

Из приказа спрашивают, можно ли укрепить горный берег Иртыша, на котором стоит новый город Тобольск, длинными сваями и погружением около размываемого места старых худых судов, набитых камнем, а верх горы — вкопанными бревнами[3]. Если это возможно по мнению тобольских строителей, то предлагается так и сделать. Кроме того, для поднятия строительных материалов на гору рекомендовалось установить в нескольких местах ворота с тем, чтобы "крепкими канатами таскать вверх кирпич, известь, песок, камень, бревна, воду, всякие к тому делу нужные потребы в бочках или ларях по доскам". Детально объяснялась вся конструкция подъемной системы: "а к тому до верху изравня б место по которому тем ларям на колесах ниских ходить, чтоб путь изравняв, выкопать на всякой три сажени в гору обрубки по сажени крепкого дерева, и к тем концам прибивать большими гвоздями те доски. И по тем доскам, теми воротами ис под горы всякие тягости вытаскивать"[4]. В приказе говорилось, что это много дешевле, чем возить материал на гору на подводах.

* Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, ед. хр. 13, 1699-1706, § 48-54, лп. 136-136 об.

[2] Там же, л. 136 об.

[3] Напротив горного берега Иртыша впадал его приток Тобол, который размывал грунт. Все попытки укрепить горный берег оканчивались неудачей. В ХУШ в. устье Тобола было отведено на 2 км ниже города.

"Архив АН СССР,ф. 21, оп. 4, ед. хр. 13, лл. 136 об., 137.

Государственная организация строительства привлекла к строительству города все население, в том числе и духовенство. Митрополиту Игнатию Сибирскому и Тобольскому было дано указание поставить на строительство подводы, подобно тому, как это делал прежний митрополит Павел при строительстве Софийского собора[1].

Четвертый указ от 21 мая 1698 г. сообщает, что "с Москвы ис Сибирского приказу в Сибирь и Тобольск на городовое каменное строение с верхотурскими детьми боярскими десятью головами послано полторы тысячи пуд железа связного со ухи и засовы"[2]. Сообщается качество и сортамент железа.

Хорошее знание технологии возведения каменных зданий, осмысленный подход к каждому сооружению виден в пятом указе о том, как класть железо в кладку зданий. Так, приказ требует, чтобы в зданиях без сводов связей не клали, а только делали наугольники. Далее даются рекомендации по укладке фундаментов: "По углам класть каменья большие с четверо угольное, а не круглое, также и бутить каменем угольчатым твердым а не круглым же, чтоб по всякой мере зделать то каменное дело самым твердым и крепким мастерством, со всяким усердием". Указ требует от весх строителей большой тщательности в работе: "чтоб не только каменщики, но и подмастерья и приставщики свое крайнее радение в том показали и за то им нашего великого государя милостью и жалованием, как то дело свершится обнадежить"[3].

В шестом и седьмом указах от 7 апреля 1699 г. и от 19 августа 1699 г. раскрывается до мелочей продуманная организация подготовительных работ: заготовка извести, заготовление кирпича и других материалов. Четко расставляются люди: митрополичьи крестьяне, горожане различных городов, уездные жители. Для различных групп населения определяется выработка в день, оплата в виде хлебного и денежного жалования[4].

Материалы о строительстве каменного Тобольска дают основание заключить, что приказы не только

[1] Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, ед. хр. 13, лл. 137,137 об.
[2] Там же, л. 137 об.
[3] Там же, л. 138.
[4] Там же, лл. 140 об., 141.

были детально осведомлены обо всем, что делалось на месте, но и фактически руководили работами, постоянно их контролируя.

ПЕРЕНОС ГОРОДОВ НА НОВОЕ МЕСТО

Перенос городов на новое место был в Русском государстве XVI—XVII вв. довольно обычным явлением. В архивах сохранились материалы переноса на новое место города Нарыма, построенного на реке Оби в 1596 г. [132, т. II, с. 436—441] . В то же время возникал вопрос и о переносе Кетского острога. Эти указы относятся в 1611—1613 гг. Но поскольку Нарым в этот период перенесен не был, то дедо это продолжало обсуждаться и в 1630 г. [132, т. II, с. 279, 280] .

В 1611 г. тобольский воевода Иван Катырев-Ростовский сообщает воеводе города Нарыма Мирону Хлопову о государевой грамоте, в которой нарымскому воеводе велено поставить в городе храм Покрова Богородицы с приделом. В то же время Катыреву известно, что поставить храм в городе негде, так как территория его размыта весенними паводками. Иван Катырев предлагает перенести Нарымский и Кетский остроги "которые стали не у места" на Кетское устье на Раздору на Оби. Он сообщает: "А место угоже и крепко, и рыбно, и пашенька невелика есть, и лугов много; а где стоять городу, и то место высоко, большая вода не поймает". В своем распоряжении он пишет: "И велено вам сослався с Федором Волынским, да с Иваном Благово (воеводы г. Сургута. — *Гл.),* да з Григорием Елизаровым, того места на Кецком устье, на Раздоре, послать досмотреть и на чертеже начертить" [132, т. II, с. 436] .

Отписку Катырев заканчивает распоряжением нарымскому воеводе: "И как вы, сослався з Григорьем Елизаровым, пойдете на Кетское устье для городового ставленья, и ты б отписал в Сургут к Федору Волынскому да к Ивану Благово, чтоб они для городового ставления людей прислали, сколько человек пригоже, чтоб город и всякие городовые крепости поделать вскоре. А как город поставите, и городовые крепости совсем укрепите, и храм поставите, и вы б Нарымский и Кетский острог разорили. И тому городу и городовым всяким крепостям, и пашенным землям и всяким угодьям роспись и чертеж прислал в Тобольск". Три

важнейших компонента города определяются сразу: собственно город, его крепостные сооружения, храмы; городские земли; угодья жителей. Документы 1611 г. говорят, что должен быть сделан чертеж "новому городу и городовым всяким крепостям, и пашенным землям, и всяким угодьям" [132, т. I, с. 437].

В указе о переносе Нарыма на новое место, написанном в 1630 г., дано еще более подробное разъяснение: "да в котором месте вверх или вниз по Оби место, где острог поставить и посад устроить отыщешь и тебе тому месту велети чертеж начертить, как будет и посад, и какие крепости и по какую сторону Оби реки" [132, т. II, с. 370].

Из документов 1630 г. выясняется, что для перенесения Нарыма на новое место "нужно обыскать место, где бы поставить острог, чтоб у Оби на берегу или по самой нуже в полуверсте к речкам или с Конским протоком для судовой пристани и к селитьбе было угоже и в крепком месте, чтоб было впредь постоятельно". Кроме того, целесообразность переноса города на новое место должна быть подтверждена населением. Это вызывалось не столько заботой о том, чтобы людям было удобно жить, сколько тем, что служилые и жилецкие люди в городе должны были сами ставит себе дворы [132, т. II, с. 370, 371].

Нарым в разные периоды своей истории был в подчинении более крупных сибирских городов — Тобольска и Томска. Поэтому государевы указы он получал через воевйд этих городов. Из приказа было дано распоряжение, где всякие дома в городе следует ставить. Служилых людей предлагалось разместить в городе и слободах [132, т. II, с. 371] .

Перенос города Темникова был вызван большим пожаром. После пожара и полного разрушения города в 1667 г. из Темникова начало уходить население. Первыми ушли татары и их мурзы[1] . Они уехали из города на Дзрбывшевскую гору и подали челобитную царю с просьбой построить около их нового поселенья городские укрепления. Поскольку ответа на их челобитную не последовало, то в 1672 г. они вновь обратились с просьбой о постройке нового города "на польской стороне на Дербышевской горе потому что город Темников стал за водами и

[1] ГАДА, ф. 1167, Темниковская приказная изба, оп. 1,ед. хр.2104,1673,лл. 1,2.

за грязьми". "А по нашему холопей твоих челобитью велеть город построить на польской стороне на Дербышевской горе и послать горододельца, а твоя великого государя грамота и градоделец в Темников не присланы и город не построен. А нам холопем твоим без града быть не мочно и для осадного времени быть негде и запасы возить некуда"[1].

Начало дела о переносе Темникова на новое место утрачено. До нас дошли письма царю, написанные всем населением города[2], из которых выясняется, что воевода Василий Челищев в свое время писал государю (видимо, в ответ на его вопрос о состоянии старого города Темникова и необходимости постройки его на новом месте). Челищев предлагал строить город не на Дербышевской горе, а на Исинк-Ивской. Жители города пишут: "... и в прошлых государь годах по твоему великого государя указу был на том городовом месте дворянин Федор Ловчиков и то городовое место на Исинк-Ивской горе очертил и чертеж тому государеву месту ныне на Москве в приказе Казанского дворца". Далее жители жалуются, что "на тот Федоров чертеж Ловчикова городовой лес был вывезен и тот лес погнил нерадением воевод"[3]. Челобитчики просят запретить вырубать Темниковский заповедный лес, который входит в засечную черту от "Шацкого до Танбова и до Козлова" и защищает город*.

12 июня 1674 г. в приказной избе в Темникове воеводе Михаилу Кирилловичу Потулову и подьячему Полуехту Валалееву протопоп соборной Спасской церкви Парфеньев, попы Нестор и Семион и дьякон Яков четко высказали свое мнение о достоинствах и недостатках обоих предлагаемых мест под строительство нового города Темникова. Духовенство Темникова высоко оценило новое место под город: "... то новое место во всем будет лутче и прочнее и крепче старого городового места ... С одной стороны под стеною будет Мокша река а с другой стороны озеро а з третью сторону тиновое болото топкое Ржавец изо Ржавца проточина в Мокшу реку только с одну четвертую сторону в город въезд и выезд будет от посаду и место ровное

[1] ЦГАДА, ф. 1167, Темниковская приказная изба, оп. 1, ед. хр. 2104, 1673, л. 5.
[2] Там же, лл. 7—11.
[3] Там же, л. 3.
[4] Тамже,оп.1,ед.хр.2104,1673,л. 1.

и в осадное время будет крепко и водое нескудно". Эти же люди сказали, что место на Исинк-Ивской горе хорошо и для снабжения города водой.

Вместе с тем жители Темникова неодобрительно высказывались о Дербышевской горе, которую они считают непригодной для постройки на ней города: "потому что то место не крепко и безводно и без угоже река Мокша от этого места отдалена только озерко и то небольшое да то делечеж". Кроме того, Дербышевская гора оказывается расположенной за засекой. Они отмечают, что на Дербышевской горе пытались селиться люди, но ушли[1].

РОЛЬ ВОЕВОД И СПЕЦИАЛИСТОВ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ГОРОДОВ

Еще исследователи XIX в. отмечали, что в городах XVГ—XVП вв. воеводы были правомочными наместниками царя. И. Андриевский показал широкую деятельность воевод по управлению всей жизнью города [29, с. 35—106] . Б. Чичерин на основании письменных источников проследил строительную деятельность воевод по возведению крепостей. Однако их роль в создании всего сложного городского организма осталась вне поля его зрения [194, с. 114-123] .

Мы попытались проследить деятельность воевод и их помощников в процессе создания нового города в целом, на протяжении всего периода строительства — от закладки города до его заселения. Это хорошо видно на примере Царева-Борисова, Ельца, Козлова, Воронежа и других городов. Здесь воеводы осуществляли руководство не только строительством крепостей, но и планировкой города, созданием церквей, государственных учреждений, организацией жилой застройки, межеванием территории внутри города и принадлежащих городу пахотных, выгонных и покосных земель.

Воеводы должны были не только определить, каким и где быть городу или острогу, но и четко представить себе планировку и пространственный облик города. В их обязанность входило город "на чертеже начертить" и дать роспись[2].

[1] ГАДА.ф. 1167,оп. 1,ед.хр. 2104, 1673,л. 12.

[2] ЦГАДА, ф. 210. Белгородского стола столбцы, стлб. 201, лл.76,77.

Документы позволяют выявить тех воевод, которые были на хорошем счету у правительства, в приказах им доверяли, с их мнением считались и прибегали к их советам. Так, после двукратного перенесения с места на место Тамбова ко времени его закладки в 1636 г. из Шацка был вызван воевода Роман Бобарыкин, который получил приказ поставить город в степи на реке Студенец. Он сам выбрал место под город и его заложил. Правительство полностью ему доверяло [93, с. 14] . Воеводам Ивану Биркину и Михаилу Спешневу разрешено было при строительстве Козлова изменить место закладки города.

Вместе с тем были и такие воеводы, которым строительство городов не доверялось. Специальным указом Петра I в Тобольск для руководства каменным строительством был назначен Семен Ульянович Ремезов. Воеводам Тобольска Михаилу Яковлевичу и Петру Михайловичу Черкасским доверялась только заготовка строительных материалов[1] . Для переноса города Темникова из Москвы был прислан Федор Ловчиков, который осмотрел место под новый город и делал его чертеж[2]. Местным темниковским воеводам эти работы не поручались. Так же было в отношении строительства города Царева-Борисова на р. Оскол [32, с. 5,13].

Ремонтом городских укреплений также должны были заниматься воеводы. Псковскому воеводе в 1647 г. было велено осмотреть в Пскове каменный город, башни и стены, и если есть где худые места, сделать смету, сколько нужно материала. Роспись он должен был прислать в Разрядный приказ в Новгородскую четь. Только самые небольшие разрушенные места он мог вычинивать сам [194, с. 117]. В таком же положении были воеводы Казани, Новосиля, Орла [5, т. 1У,№ 216, т. У,№ 52]. Когда из Москвы приходило разрешение на строительство, воеводы составляли смету, сообщали о стоимости строительства в Москву, но сами смету не утверждали, а после завершения строительства отсылали отчет в тот приказ, который ведал данным городом.

Воевода обладал огромными правами, но на него возлагались и большие обязанности. Это ярко отра-

[1] Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, ед. хр. 13, 1699-1706, лл.136,136 об.

[2] ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед. хр. 2104,1673, л. 3.

жено в наказе царя Алексея Михайловича боярину и воеводе Киева Василию Борисовичу Шереметеву, посланному ему 21 июля 1658 г. [7, с. 191] . Воевода города должен был выполнять все государственные указы, вместе с тем от него требовалась инициатива, умение творчески решать поставленные перед ним задачи. Все свои действия ему следовало согласовывать с государем и приказом.

Вопрос о том, где воеводы могли получать образование, необходимое для руководства строительными работами, до сих пор не выяснен. Можно высказать предположение, что при приказах были специальные школы. Единственный пока документ, подтверждающий эту гипотезу, — дело о строительстве каменного Тобольска. Из этого документа выясняется, что руководитель работ СУ. Ремезов, назначенный указом Петра Г, специально вызывался в Москву в Сибирский приказ, где получил все нужные сведения и навыки по организации и проведению работ[1].

Воеводами крупных городов назначались только бояре, окольничие и другие знатные люди. Иностранцы и люди незнатного происхождения на такой пост не допускались. На этот факт обратил внимание А.И. Яковлев [209, 1—3]. Это положение хорошо прослеживается по истории строительства Смоленской крепости. В летописи ХУ1 — первой половины ХУП в. строители города Смоленска четко разделяются на руководителей и "деловцов". Руководят работами по возведению городов люди знатного происхождения [2].

В помощь воеводам придавались войска, а также исполнители: строители, узкие специалисты — градостроители, зодчие, фортификаторы, чертежники, художники, подьячие и рассыльные. При строительстве крепостных укреплений большую роль играли фортификаторы различных специальностей: градодельцы, подкопщики и др. В ХУ1 в. при Иване 1У много городов построил градоделец Иван Григорьевич Выродков [150, с. 163] . На строительстве южных городов работали Илья Катеринин [30, 367-368], Михайло Кердышев [32, с. 8] и др.

[1] рхив АН СССР. ф. г оп. 14, ед. хр. 13, л. 136.

[2] Отдел рукописей ГБ имени В.И. Ленина. Музейное собрание рукописей, № 611, лл. 596 об., 597 (1596-1597 гг.). Частично опубликовано О.А. Яковлевой [210, с. 620].

Техническим руководителем строительства Козловского земляного вала был градоделец Иван Андреев. На Яблоновских укреплениях, кроме Ивана Андреева, работали также подмастерья валового дела Марк Губа и Афанасий Бритва [84, с. 89, 96, 100]. При строительстве Царева-Борисова подкопщиками работали Поспел Неклюдов и "немчин" Юшко Аммон [32, т. 1, с. 8] . В 1679 г. государевым указом должность градодельца была упразднена и городовое дело поручено было одним воеводам [151,с.219].

Деятельность воевод и их помощников можно легко проследить на примере строительства крепостных укреплений Киева в ХУП в., который состоял из пяти самостоятельных, соединенных между собой воротами городов. Четыре из них — города Владимира, Ярослава, Изъяслава (Михайловский) и Печерский — располагались на высоком гористом берегу Днепра, а пятый — Подол — в низине у подножия горы, непосредственно у вод Днепра, в месте впадения в него реки Почайны.

Пришедшие в Киев 27 февраля 1654 г. русские войска, возглавляемые воеводами боярином и князем Федором Семеновичем Куракиным и князем Федором Федоровичем Волконским, выбрали под свое местожительство Верхний Киев. На воевод возлагались дипломатические функции, всесторонняя забота о сохранении русских служилых людей, охрана населения Киева. Особо подробно оговаривалась необходимость постоянно думать о строительстве крепостей [8, с. 362].

Ко времени прихода русских войск в Киев крепостные укрепления верхнего города сгнили и развалились. Русские войска под руководством воевод приступили к их восстановлению. Уже 31 марта 1654 г. воеводы докладывали царю о завершении ими работ по восстановлению острога Владимира [8, с. 408].

Вновь найденные документы позволяют показать работу воевод по коренной перестройке укреплений Киева во второй половине ХУП в. [26, с. 61] . Деревянные малогабаритные укрепления, которые не могли удовлетворить всем требованиям безопастности жителей и устоять против мощной артиллерии, подвозимой к городу войсками Польши и Турции, заменяются земляными укреплениями, близкими к западноевропейским прототипам. Широкие валы, широкие раскаты, так назы-

ваемый земляной бой сверху валов позволяли, в свою очередь, и русским начать применять такую же военную технику. Подобного типа крепостные сооружения начали воздвигаться взамен старых на Белгородской засечной черте и в Ростове Великом, а также во вновь строящихся городах со второй половины ХУП в.

Полностью перестроенная крепость представлена на чертеже Киева (1695 г), который приписывается Ивану Ушакову. Для проведения этих работ московское правительство назначает на должности воевод крупных специалистов градостроительства. 13 февраля 1673 г. в Киев с новыми войсками прибывает Юрий Петрович Трубецкой и начинает его перестройку. В 1674 г. русскими специалистами по государеву указу делаются обмер и опись работ по реконструкции укреплений Киева. Работы возглавляет стольник Аврам Иванович Свиязев[1] .

Уже в августе 1673 г. Трубецкой готовит чертеж для полной реконструкции города. В ЦГАДА обнаружены два отрывка (между ними утрачены один или два листа) росписи к чертежу, названной "Азбучная роспись"[2]. Кроме того сохранилась роспись к проектной части чертежа[3].

В 1675 г. Ю.П. Трубецкого сменил воевода Алексей Андреевич Голицын. Приняв город, он вновь провел его обмеры, которые выполнял Николай Фон-Зелен, и на основании их велел сделать чертежи[4]. Следует отметить, что при рекострукции киевских укреплений во второй половине ХУП в. воеводы сменялись каждые два-три года.

В связи с тем, что в войнах, которые вела Россия, противник широко применял западноевропейское огнестрельное оружие, русское правительство вынуждено было привлекать иноземных специалистов для строительства оборонительных сооружений. Первые фортификаторы приглашались еще в ХУГ в., а в ХУП в., после Смутного времени, их стало больше. Совместная работа иностранных

[1] ЦГАДА, ф. 229, оп. 3, ед. хр. 45, 1654, лл. 1-4 об.

[2] ЦГАДА, ф. 137, оп. 2, ед. хр. 70, лл. 1—16, декабрь 1673 г. Это начало "Азбучной росписи", чистовая часть; ЦГАДА, ф. 229, оп. 5, ед. хр. 77, лл. 1—14, сентябрь 1673 г. Конец "Азбучной росписи", черновая часть.

[3] ЦГАДА, ф. 124, оп. 5, ед. хр. 25, 1673, лл. 1-37.

[4] ЦГАДА, ф. 229, оп. 5, ед. хр. 93, л. 60.

и русских специалистов хорошо видна на примере строительства Иван-города (Себежа), заложенного в 1535 г. Город закладывал воевода Иван Батурин, а крепостные стены возводил Петрок Фрязин [5, с. 202] . Такое же разделение обязанностей по строительству нового города, когда организацией всех работ руководили воеводы, а в помощь им придавались иностранные специалисты по строительству крепостей, наблюдаются и при строительстве других городов.

Большие работы при участии иностранцев проводились на Белгородской засечной черте. В 1636 г. Ян Корнелиус работал по созданию укреплений Козлова и Яблонова [16, с. 9] . В ЦГАДА сохранились чертежи, сделанные им для строительства крепостей этих городов. 26 мая 1647 г. для второй очереди строительства вала Белгородской засечной черты на Новооскольском направлении из Москвы для технического руководства валовым делом приехал французкий инженер Давид Николь. В 1650 г. "градоделец" Давид Николь был послан в Белгород [84, с. 88,125,137] .

В связи с широким привлечением иностранных специалистов на русскую службу во второй половине ХУП в. создается Иноземный приказ, который ведал выдачей денег иностранцам, находившимся на русской службе, а также в связи с их крещением в православную веру[1] . Так, в Иноземском приказе имеется дело "О выдаче 100 рублей новоВыезжему полуполковнику за въезд 12 июля Чарлу Ваесту и Володимиру Ваесту за крещение его в православную веру"[2].

Если иностранец не хотел принимать православие, ему уменьшали подъемные. В государевых наказах воеводам давался приказ зорко следить за такими иностранцами. Так, воевода Киева Михаил Андреевич Голицын пишет царю, что 5 сентября 1678 г. "пришел в Киев из Чигирина начальной человек немчин а в Киеве в Приказной избе ... сказал что он капитан гранатного дела мастер Христофор Симонис а по твоему великого государя указы был он на твоей великого государя службе в Чигирине у твоего великого государя гранатного дела и был де он

[1] ЦГАДА, ф. 396, Оружейная палата, оп. 5, ед. хр. 5317, стлб. 439.

Там же, ед. хр. 5484, стлб. 440. лл. 1—3.

в осаде в Чигирине и ранен". Голицын просит разрешения взять его на службу в Киев. На обороте листа имеется ответ: "Велеть того иноземца расспросить накрепко для чего онъ ис полков пришел в Киев и писать в приказ Малые России. А до указу великого государя в Киеве ни у каких дел быть ему не велеть"[1].

Иностранцы внедряли новую систему оборонительных укреплений — земляные крепости, которые, однако, не повлияли на планировочную структуру городов, оставшуюся вплоть до второй половины XVIII в., за небольшим исключением нерегулярной, лишенной геометризма.

Значительное число иностранцев было привлечено к реконструкции деревянных, малогабаритных и ветхих укреплений Киева и замене их на земляные. Данные об этом имеются в переписке воеводы Киева М.А. Голицына с правительством. В ней указывается, что полковник Н. Фон-Зелен-отец и майор В. Фон-Зелен-сын, работавшие в Киеве в качестве инженеров по реконструкции укреплений, направляются в Переяславль, а на их место назначается "драгунского строя генерал маеор Петр Гордон" [27, с. 59].

П. Гордон — крупный инженер-фортификатор, родился в Шотландии. Попав в плен в 1661 г., он обрел в России вторую родину. Гордон сделал многое для организации обороны и строительства укреплений, в основном южнорусских городов.

По указанию царя Гордон сделал роспись, "что к охранению града Киева ратных людей и всяких иных ратных и подкопных припасов надобно". Эту роспись он подал в Малороссийский приказ 27 ноября 1678 г.[2]. Данный документ вводится в научный оборот впервые. Он чрезвычайно важен для понимания того, какую роль сыграл Гордон в сооружении новых укреплений Киева. Будучи хорошо знаком с западноевропейским оружием и необходимыми для защиты от него фортификационными сооружениями, он соответствующим образом ориентировал руководителей строительства оборонительных укреплений города.

В своей росписи Гордон назвал имена тех иностранных специалистов, которых необходимо прив-

[1] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, оп. 1, ед. хр. 19, лл.,4, 4 об., 5.

[2] Там же, лл. 21—26.

лечь к строительству оборонительных укреплений Киева. Эта просьба Гордона была удовлетворена. В Киеве начали работать полковник Александр Левистон, Вилим Гюльд, капитан Петр Космос, Франц Лефорт, поручик Иван Бернер, прапорщик Павел Бернер, Микита Крыст, огнестрельного дела полковник Яков Старк, подкопного дела полковник Юрий Лим, инженерного дела полковник Франц Вит, позднее включается в работу градостроители Николай, Вилим и Арнет Фон-Зелен[1]. Вилим Фон-Зелен участвовал в 1688 г. в строительстве укреплений Ново-Богородицка на р. Самаре, притоке Днепра[2]. В 1692 г. крепостные стены Ново-Богородицка приходят в ветхость, и воевода города Федор Бредихин обращается к царю с просьбой выслать для их ремонта Вилима Фон-Зелена[3]. 13 мая 1694 г. за подписью Емельяна Украинцева Бредихину была направлена царская грамота: как только Вилим Фон-Зелен починит Ново-Богородицк, так отпустить его в Белгород[4].

Вплоть до недавнего времени в Киеве сохранялись валы около верхних городов, идущих от Печерского города до р. Лыбеди. Их строил Франц Вит. Видимо, он же делал и чертеж этих укреплений, сохранившийся в ЦГАДА. Более 20 лет с П. Гордоном работал по реконструкции киевских укреплений Александр Левистон[6].

ГЛАВА У. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ РУССКИХ ГОРОДОВ ХУ1-ХУП ВЕКОВ

ОБРАЗЦЫ И ОБРАЗЫ ГОРОДОВ

Для того, чтобы раскрыть художественный облик города, неоходимо рассматривать всю совокупность факторов, формирующих город. Эти факторы определяются, в первую очередь, функциональными задачами города (включая экономические, социологические, экологические и демографические сторо-

ЦГАДА, ф. 210, оп. 6—з. Росписные списки Киева, ед. хр. 2(1680), 48(1682), 51(1689), 49(1684), 52(1685), 55(1687),47(1683),60(1695),53(1696), 64(1700).

ЦГАДА, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 86, 1688, л. 3.

^ЦГАДА, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 11, 1694, л. 261.

Тамже.л. 271.

[5] ЦГАДА, ф. 192, оп. 1, ед. хр. 12.

[6]ЦГАДА, ф. 210, оп б^з, ед.хр. 49, 1684, лл. 130-137 об.

ны его жизни), а также и идеологическими воззрениями людей данной исторической эпохи.

Образ русского города ХУ1—ХУП вв., увязанный с его функциональной стороной, отражает государственную идеологию и национальные традиции своего времени. С учетом положений Закона градского, Чина закладки городов и других законоположений должны были быть разработаны государственные каноны, которые обязаны были выполнять строители, формируя пространственный облик городов и их планировочную структуру.

На основании документов о строительстве Царева-Борисова, Козлова, Усерда можно предполагать, что в Х1У—ХУП вв. существовали образцы городов, известные Разрядному приказу и воеводам.

Упоминавшемуся уже строителю города Царева-Борисова Богдану Яковлевичу Вельскому в 1600 г. был дан государев указ: "И не велети плотникам город рубить и делать наспех, а делати им город **образцом,** как пригоже, то государь царь и великий князь Борис Федорович всея Руси положил на окольничем и воевода на Богдане Яковлевиче". Воевода города Усерда, окончив строительство города, писал: "А образец и мера городу послано государю". Воеводам города Козлова Ивану Васильевичу Биркину и Михаилу Ивановичу Спешневу в 1635 г. был дан подобный же указ: "А делать им город образцом как пригоже" [32, с. 8; 33, с. 22]' .

Слово "образец" в русской строительной и градостроительной практике применялось широко и имело различие •< значение. Для раскрытия смысла этого слова много сделал Н.Н. Воронин [56, с. 76, 77; 22, с. 66; 112, с. 26] . Так, при строительстве новых зданий образцами служили здания, построенные ранее. Часто образец нового здания складывался из фрагментов нескольких различных сооружений. Образцами назывались и модели, изготовленные из дерева или другого материала. Из контекста градостроительных записей не всегда бывает ясно, что определяет слово "образец" — только крепость или город целиком.

Изучая города и их документы, мы пришли к выводу, что существовали образцы на весь город, которые, возможно, имели и другое название. Так, по одному принципу были построены города Кар-

[1] ЦГАДА, Разрядный приказ, ф. 210. Белгородского стола столбцы, стлб. 210,л. 81,1636.

Устюг Великий. Набережная. Гравюра XIX в.

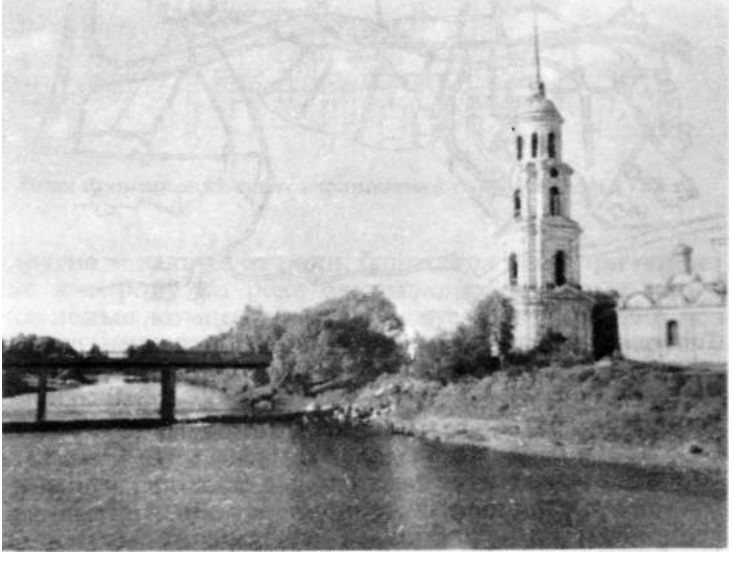
Устюг Великий. Вид на Дымковскую слободу

Устюг Великий. Общий вид

Гороховец. Ансамбль на набережной

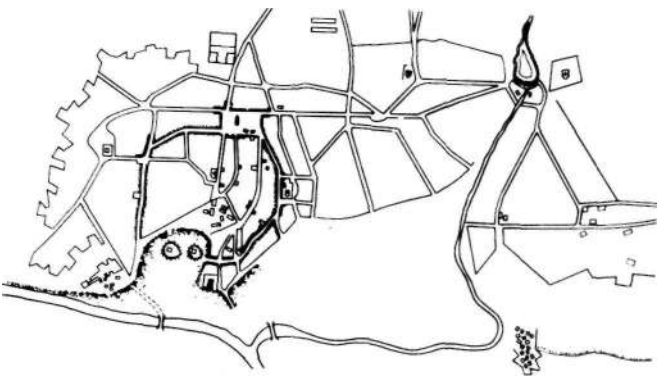
Гороховец. Главная площадь

Вязьма. Общий вид



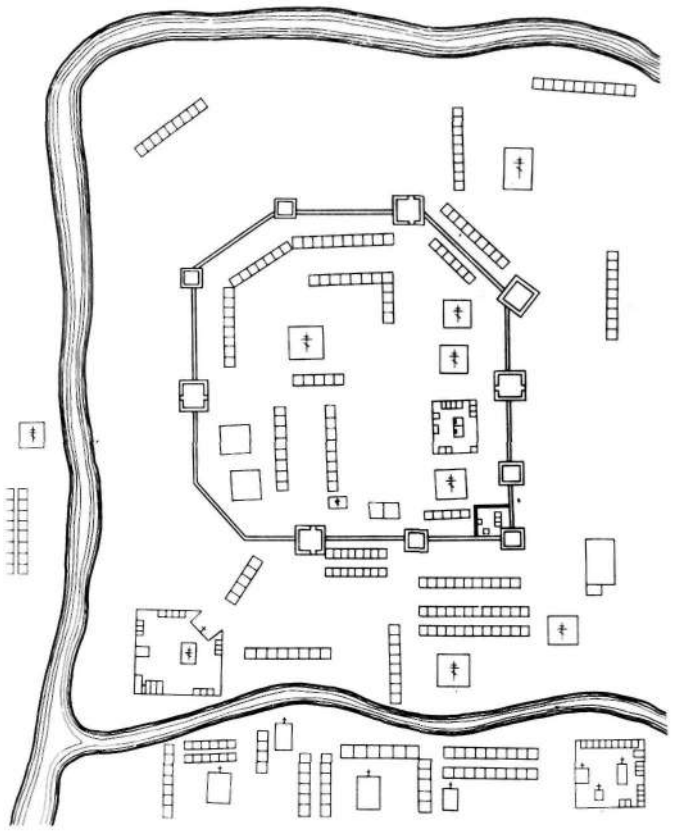
Старая Русса. Мост через р. Перерытицу и городской собор

Город Елец. Собор, построенный в центре находившейся здесь крепости



Топографический план города Ельца 1769 г.

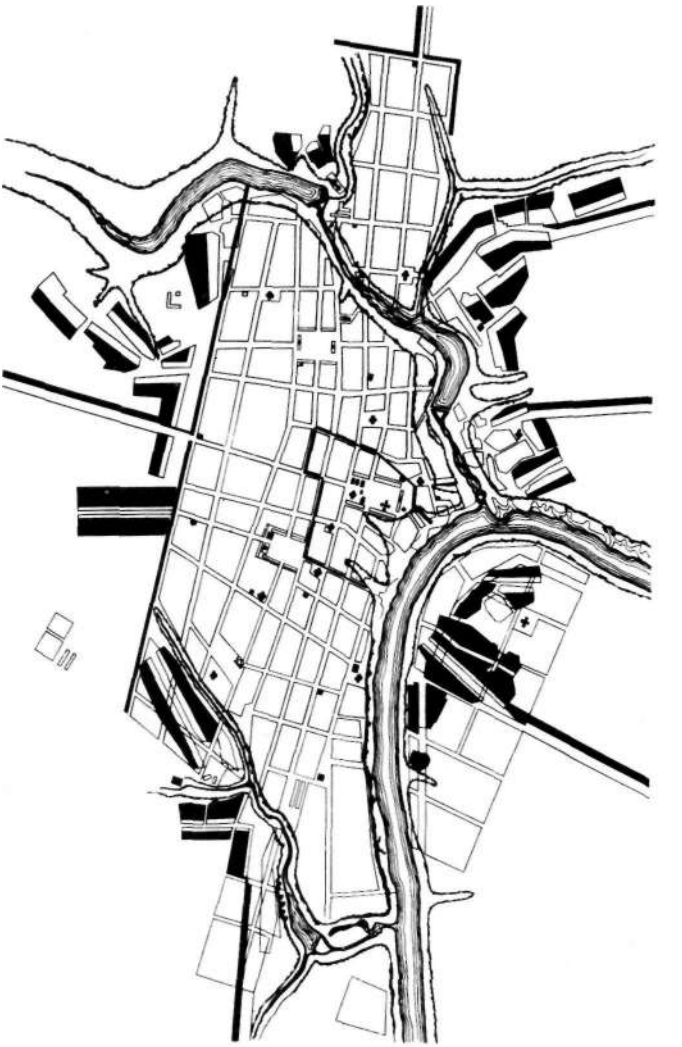
гополь на р. Онеге, Великий Устюг на р. Сухоне, Гороховец на р. Клязьме, Тотьма на р. Сухоне. Эти города, возведенные различными воеводами, имеют один композиционный принцип. На одной стороне — монастырь или слобода, а на другой сам город. По берегу создавались группы площадей с ансамблями храмов. Одни площади располагались ближе,



План функционального зонирования города Ельца 1722 г.

другие — дальше от реки, благодаря чему при подъезде к городу по реке открывались сложные многоплановые композиции доминант. Этот принцип позволял включать реку в пространственную структуру города и использовать ее как транспортную артерию. Включение природных элементов в застройку обогощало всю систему.

Другой образец композиции прослеживается на примере городов, заложенных в середине XVI в. - Свияжска и Волхова. В этих городах, расположенных на склонах гор, главные храмы были построены в центре. Город с двух сторон фланкировался мужским и женским монастырями. Силуэт города



План города Ельца начала XIX в.

получал трехчастную композицию своих доминант, которые дополнялись природными элементами — горой, реками и т.д.

Примером третьего композиционного решения могут служить города Елец, Орел, Вологда, Вязьма. Город располагался на мысу, в месте впадения

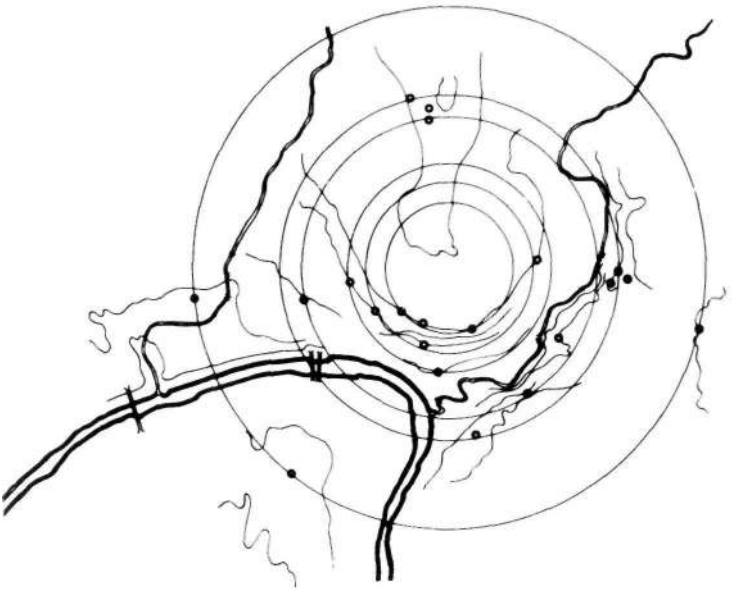


Схема расположения доминант города Ельца

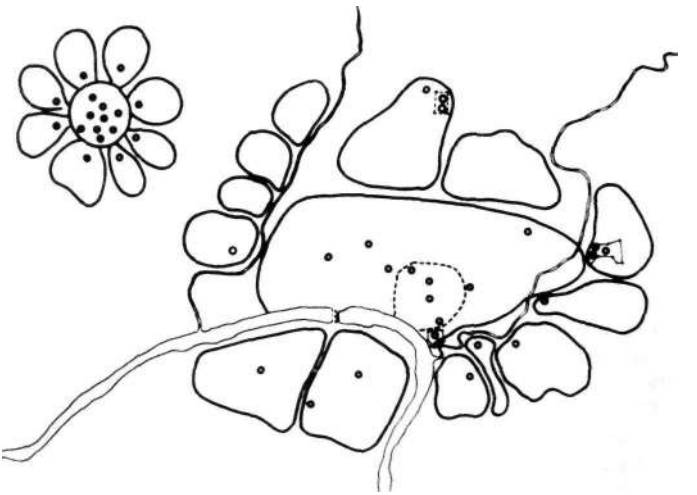
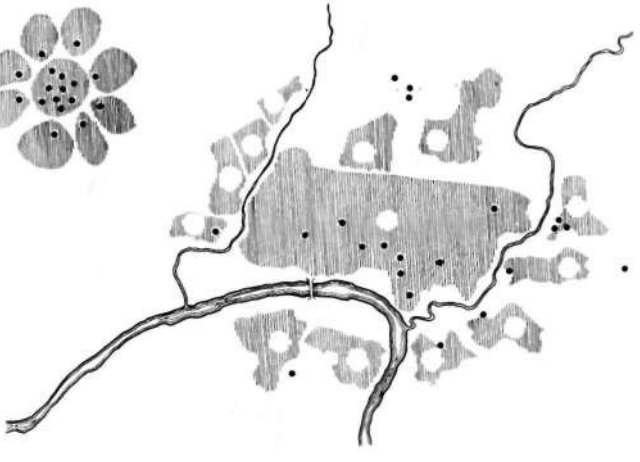


Схема организации города Ельца XУ1—XУП вв.



Планировочная структура города Ельца в XГX чале XX в.

малой реки в большую, на берегах обеих рек. На мысовой части строилась крепость, к ней примыкал посад, слободы. Таким образом, центром всего городского поселения становилось место слияния рек. По брустверу высоких речных берегов возводились храмы. Как правило, их ставили ниже вершины горы и на одной горизонтали. Это создавало впечатление, что они тесно связаны с землей, как бы вырастают из нее.

Эти наблюдения привели нас к убеждению, что своеобразие средневековых городов вряд ли правильно определять одной их планировочной структурой. Основой образа средневековых городов была объемно-пространственная модель, построенная на определенном модуле [20, с. 198] . Облик города формировался благодаря применению единого заданного размера — модуля, которому подчинялась вся пропорциональная взаимосвязь в пространственной системе города. Все размеры в городе были кратны модулю. Мы здесь сталкиваемся с тектоническим методом проектирования и строительства городов, когда различные объемы городской застройки, его архитектура, дающая на рельефе определенную светотеневую палитру, становятся главными в формировании его образа. При проектировании города первичной была его объемно-прост-

ранственная система, а план был вторичен. Три компонента, составляющие образ города — рельеф местности, доминанты, рядовая уличная застройка — находятся в этих городах в определенной гармонической и математической связи, что хорошо видно на гравюрах и в самих городах. Поэтому вернее такие города называть пространственно-модульными, а не свободными по планировке. Силуэты этих городов были самобытными, сохраняли национальные традиции, отражали функциональные особенности каждого города.

ИЗМЕНЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЛИКА ГОРОДОВ К НАЧАЛУ XVIII ВЕКА

На протяжении столетий древнерусские города, естественно, претерпевали изменения в плинировке и объемно-пространственной структуре. Изменялись также жилая и общественная застройка, что затрудняет выявление образца, который лежал в основе градостроительного замысла.

Перед исследователем художественного строя нерегулярных городов встает задача определить первоначальный градостроительный замысел города, степень его сохранности, изменения, происшедшие с течением времени. Многие стороны этого сложного процесса могут быть выяснены на основании письменных источников, но многое глубоко скрыто и требует серьезных изысканий на материале самих городов.

Неотъемлемой и главной частью города XVI—XVII вв. была крепость. Она должна была предоставлять горожанам и жителям близлежащих деревень надежное укрытие в случае нападения неприятеля. Назначение крепости определяло ее местоположение, размеры в плане и высоту, а это, в свою очередь, формировало художественный облик города.

Город строился у реки или озера и имел тайные ходы к воде. Это второе необходимое требование к расположению города, которое всегда обязательно выполнялось и неизменно отражалось на его облике. Город должен был иметь вокруг себя пахотные и выгонные земли, достаточные для пропитания всего населения. Об этом заботились так же, как и о территории самого города. В связи с этим предусматривалось, каким будет вид на городской ансамбль с больших дистанций.

Город должен был также иметь дикие, не обжитые территории, на которых можно было заниматься рыбной ловлей, бортничеством, охотой и другими промыслами. Эти куски нетронутой природы — дремучие леса и топи — специально сохранялись не только в промысловых целях, но и как дополнительное средство защиты от внезапного нападения. Человек бережно относился к природе, которая кормила и охраняла его, изменял природу незначительно, развивая в ней то, что было ему необходимо. Поэтому он умело вписывал свои города в природу, лишь иногда корректируя ее в целях улучшения обороны.

На юге и на востоке, на Украине и в Сибири города были неоднородными по составу населения. Основную массу составляли русские, но в этих городах поселялись и коренные жители края. Это не могло не сказаться на структуре города. Обычно местное население селилось около основного ядра города слободами, в которых могли быть свои укрепления.

В Сибири чаще всего в конце XVI и в XVII в. строили небольшие деревянные крепости квадратной или прямоугольной формы в плане. Внутри и около них разбивались свободные по планировке города. На юге и в средней полосе уже в начале XVII в. по чисто функциональным соображениям начали строить замляные крепости с роскатами вместо башен, что существенно изменило художественный облик города. Так в XVII в. были перестроены крепости Ростова Великого, Киева. В новых городах Украины и Белгородской засечной черты делались такие же крепости.

Облик городов к концу XVII — началу XVIII в. существенно изменился благодаря тому, что крепости пришли в ветхость, а восстанавливать их в прежних формах уже не было нужды. В первые годы XVIII в. по заданию правительства приказы на основании имевшихся у них сведений от воевод должны были дать сводку о состоянии крепостных укреплений. Из этих сводок выяснилось, что многие из крепостей, особенно деревянных, сгнили и развалились.

Эти сведения из Ближней канцелярии были присланы в Оружейную палату, в фондах которых они составляют несколько книг, содержащих данные о состоянии крепостей Новгородского, Устюжинского, Владимирского, Галицкого и других прихо-

дов[1] . В этих книгах имеются сведения о состоянии крепостей Великого Новгорода, Старой Руссы, Олонца, Двины (т.е. Архангельска), Вятки с пригородами, Кунгура, Арзамаса, Вологды, Кай-городка, Каргополя, Яранска, Мезени, Тотьмы, Чердыни, Устюжны, Кольского острога. Крепостные укрепления других городов описываются с большими или меньшими подробностями[2].

Из писцовой книги 1626 г., текст которой цитируется в ведомости 1701 г, видно, в какую ветхость к этому времени пришли укрепления Великого Новгорода: "Башня каменная от Бориса и Глеба четвероугольная покрыта тесом а в ней двои двери деревянные проходные мосты намощены бревнами внутре в длину четырех саженъ а поперег трех саженъ без четверти з загородные стены на дву стенах щели сверх подошви над проходными дверьми что ходят на стену щэль сверхе до середнева мосту для укрепления положены связи брусяные"[3].

Выясняется, что к каменным стенам приделывают деревянные части: "роскат деревяной приделан к каменной стене на столбах в длину пол четверти сажени, а поперег тож, переклад и мостъ гнилъ". Некоторые проезжие башни оказались замурованными: "Башня Володимирская четвероугольная ... а под нею были проезжие ворота и те ворота при немцах зарублены тарасом и засыпаны хрящем а на стенах у той башни з загородные стороны щели большие сверху до подошвы от угла кирпичю осыпалось с саженъ". "На Софейской стороне вниз по берегу Волхова реки был земляной вал, а ныне по тому мести вала нет'"*. Затем дается подробное описание окольного города.

Та же картина в Пскове: "Да от Псковы реки вырвало на тридцати саженях и порченые места заделаны тарасы и хрящем насыпаны". В Среднем каменном городе заперты Власьевские Плоские и Бурковские ворота. В Большом городе на полонище заперты Кумынины и Луцкие ворота. В Большом окольном городе из одиннадцати ворот ходят только в четыре, а остальные заперты"[5].

[1] ЦГАДА, Оружейная палата, ф. 396, оп. 3, ед. хр. 9, 1701.

[2] Там же, ед. хр. 23, 26, 54, 56, 75 и др.

Там же, ед. хр. 9, л. 6.

[A] Там же, лл. 2 об., 5, 5 об., 8 об., 9—19.

[5] Там же, л. 38, 38 об., 40.

В Гдове "отводная башня и ворота перед Псковскими воротами, на которой здесь был роскат ... в приход немецкого короля Свейского забиты из снаряду и ныне засыпаны землею". Градостроители, не уничтожая башен, пристраивают деревянные роскаты к ним, что необходимо было для установки крупнокалиберных пушек. А это, в свою очередь, меняет облик города, что особенно хорошо видно на крепостных укреплениях Опочки . Так же закладываются камнем и засыпаются ворота Изборской крепости[2]. От этого меняется трассировка улиц и подходы к городу.

Вместе с тем были города, в которых крепости не ветшали. В хорошем состоянии оказались крепостные стены Нижнего Новгорода и деревянного острога около верхнего посада.

Внешний вид крепостных укреплений (ныне исчезнувших и часто не зафиксированных рисунками) Старой Руссы, Олонца, Архангельска (Двины), Вятки, Арзамаса, Вологды, Кай-городка, Каргополя, Яранска, Мезени, Кольского острога, Кандалакши, Соловецкого монастыря, Устюга Великого, Соли Вычегодской, Тотьмы, Чаранды, Устюжны Железнопольской[3] и других городов можно представить при чтении сводок Ближайшей канцелярии о состоянии крепостных укреплений. Таким образом, можно хотя бы мысленно восстановить в целом образы городов, в которых крепостные укрепления были одной из главных составных частей пространственной системы. Крепость в видоизмененном архитектурном облике до конца XУП в. продолжает оставаться главной доминантой городского организма \

В городе преобразуются и другие доминанты. Деревянные храмы заменяются каменными, хотя их места, определенные при закладке города, остаются, как правило, неизменными. Чин церковных наделов, о котором было рассказано в гл. ТУ, в

[1] ЦГАДА, ф. 396, оп. 3, ед. хр. 9, лл. 40 об., 45.
[2] Там же, лл. 43—44 об.
[3] Там же, лл. 77—220 об.

Подробное описание состояния крепостных укреплений дается в "Росписи городам, которые в Разряде". Описано 126 городов, говорится о том, кто является воеводой, сколько человек мужского пола, способных оборонять город, проживает в нем. Указывается классовый состав населения [82, с. 2991.

XVI—XVII вв. неизменно соблюдался во всех городах.

Дошедшая до нас застройка городов XVI—XVII вв. претерпела в XVIII и XIX вв. значительные изменения. Организованная правительством в 1763 г. Комиссия каменного строения Петербурга, Москвы и других городов[1] изыскивала средства для того, чтобы везде, где только можно, заменить деревянное строительство каменным. Однако провести тотальную реконструкцию городов не удавалось. В результате нехватки средств и материалов правительство вынуждено было соглашаться на деревянную застройку, затруднявшую внедрение в жизнь тех новых художественных принципов, которые со времен Петра I стали выразителями государственных идей, вкусов и эстетических воззрений. Эти принципы в XVIII в. выражались в короткой формуле: "красота регулярства".

Усадебная застройка, характерная для русского градостроительства XVI—XVII вв., при которой главное здание располагалось в глубине участка, а вдоль улицы шли заборы, была несовместима с новыми эстетическими воззрениями XVIII в. Функционально она перестала отвечать тем новым задачам, которые должны были выполнять города с связи с развитием торговли и промышленности.

Новый принцип застройки улиц "сплошною фасадою" хорошо координировался с прямыми улицами, переулками, регулярными площадями. Он позволил перейти на новые формы расселения в городах, при которой его жители разделялись не по знатности, а по наличию у них капитала. Капитализация города несла с собой существенно новые эстетические принципы его застройки, однако недооценивать устойчивость традиционных черт было бы неверно.

Частная застройка строго регламентировалась государством. Участки выделялись каждому жителю "смотря по лицам" (согласно его классовой принадлежности). Внутри участков жители могли ставить надворные постройки по своему усмотрению, однако набор этих построек, их размеры и высота контролировались. Сошлемся на один из документов начала XVII в. (1633 г.), который регламентировал частную застройку Москвы и

[1] ЦГАДА, ф. 1356. Карты и планы городов.

одновременно определял переход от деревянной застройки к каменной. В нем речь идет о людях, у которых в Китай-городе и в Белом городе погорели дворы: "И тем людем стольником и стряпчим и дворянам московским и приказным людем и жильцом и дворянам и детям боярским из городов, и дворовым людем и гостем и торговым всяким людем на своих местах ставить хоромы, горницы невысокие с сеньми и повалуши на одних подклетех. А иные люди всяких чинов и торговые всякие люди ставили бы избы плоские без подклетов и против клети ниские. А высокие б хоромы, горницы и против них повалуши з большими развалы ... никто не ставил"[1] .

Указы того же времени показывают, что самовольная застройка улиц города не допускалась и строго контролировалась государством. Вот как выглядит указ по застройке Москвы после пожара 1633 г.: "Блаженной памяти при государе, царе и великом князе Федоре Ивановиче всея Руси учинены были улицы и переулки большие и от городской стены дворы ставлены были далеко. А после московского разорения тех улиц и переулков принели многих всяких людей и к городовой стене и около церквей поставлены дворы блиско, а описав и измерив велели о том о всем доложить государем. А до своего государя указу всяким людем от улиц хором городьбы ставить не велеть" [14, с. 94, 95] .

Указ от 9 октября 1688 г. запрещал строить трехэтажные деревянные здания, а над каменными палатами надстраивать деревянные терема[2] . В памяти, написанной 3 октября 1688г., говорится, что "велено стольникам и стряпчим и дворянамъ московскимъ и жильцам и всяких чиновъ людемъ московскимъ жителемъ у ково из них на дворехъ их есть палатное строение и на тех палатахъ деревянное строение и чердаки высокие и то все сломать имъ нынеж вскоре неотложно да им же вышеописаннымъ всяких чинов людемъ московскимъ жителемъ впредь на дворехъ своихъ хоромного строения о трехъ жильяхъ не строить"[3].

ЦГАДА. Разрядный приказ, ф. 210. Приказный стол, д. № 195, лл. 11, 12.

ЦГАДА, ф. 210. Разрядный приказ. Приказного стола столбцы, стлб.1116,лл.116,117

[3]ЦГАДА, ф. 210. Приказный стол, д. № 195, л. 18.

Замена деревянной застройки каменной повлияла на изменение облика городов. Однако эти изменения не нарушили главного и основного в художественной системе средневековых русских городов: взаимосвязь застройки с природой, храмов между собой и с застройкой. Сохранился модуль города, что ясно чувствуется в размерах кварталов, размерах застройки, в расстояниях между сооружениями, что так характерно для русских городов.

Во второй половине XVIII в. по указу Екатерины большое число русских городов после пожара получило регулярную систему планировки. В течение столетия с середины XVIII в. вплоть до середины XIX в. работали многочисленные комиссии Генерального межевания. В результате этого все древнерусские города были обмерены геодезическим способом. Съемка повсеместно зафиксировала свободную планировку, которая затем по новым проектам, составленным местными губернскими землемерами и столичными правительственными учреждениями, должна была заменяться на регулярную. Однако не все города были реконструированы, не все получили регулярную планировку, но многие потеряли свой первоначальный архитектурный облик.

ЕЛЕЦ - ПРИМЕР ГОРОДА СО СВОБОДНОЙ ПЛАНИРОВКОЙ

В 70-х годах совместно с группой специалистов была разработана историко-градостроительная подоснова города Ельца[1], включенного в список 115 городов, охраняемых государством. Ландшафтная инвентаризация Ельца, расчет модульной системы и другие материалы легли в основу проекта охранных зон, на основании которого была проведена корректировка генерального плана и составлена проект детальной планировки центра и проект застройки.

Были выявлены художественные закономерности и архитектурная схема Ельца, заложенные в 1591—1592 годах его строителями — воеводами Иваном

[1] От Гипрогора работу вели Г.Л. Красильников, В.А. Челнокова, СР. Крутицкая, от ЦНИИТИА Т.П. Клокова, П.Е. Клоков, Л.В. Кучинский, А.А. Пилецкий, Г.В. Алферова (руководитель работ).

Мясным, Андреем Звенигородским и градостроителем Ильей Катерининым.

Елец — уникальный город, дающий яркий пример города, возведенного на основе всесторонне продуманной системы, которую можно, по-видимому, назвать экологической.

Впервые задачи экологии городов были четко очерчены акад. Д.С. Лихачевым [128; 129] . Эта новая отрасль науки ставит своей целью изучить древнюю градостроительную культуру под особым углом зрения: увязать с географией места, вскрыть ее истоки, проанализировать эстетические ценности. Все это должно делаться не для любования стариной и ее высокими художественными достижениями, а ради выявления в ней того "живого", что, пройдя через века, осталось жизненно важным для современного человека и во имя сохранения этого "живого".

История закладки и строительства города Ельца в XУ1 в. была прослежена в четвертой главе книги в связи с рассмотрением технической стороны организации строительства "государевых" городов. Однако русское градостроительство не только отвечало практическим целям, но одновременно было и видом искусства, художественным осмыслением ландшафта. Каждое произведение искусства имеет свой внутренний строй, формирующий его художественный образ. Отдельные сооружения города могут и не быть причислены к произведениям искусства. Но те творения архитектурно-строительной деятельности человека, которые опираются на естественные природные образы и включаются сами в мир окружающей природы, подлежат изучению как произведения высокого искусства. Художественный принцип, замысел, мастерство градостроителей имеют непреходящую ценность. Выявить ее можно только на конкретных примерах, в противном случае дело ограничивается декларациями любви к традиции.

Елец, несмотря на замену в нем деревянной застройки каменной в XIX в. и спрямление ряда улиц, сохранил свою художественную цельность, органическую связь с ландшафтом. В его пространственном облике не утеряна градостроительная система, по которой возводился город в XУ1 в. Изучая Елец, можно представить основы организации городов, построенных по пространственно-

модульной системе, где свободная нерегулярная планировка была средством осуществления задуманной композиции архитектурных объемов, расположенных в географической среде, активно используемой для организации контактов между застройкой и рельефом местности. Это позволяло создавать красивые перспективы и живописные панорамы города.

Составление рисованных, объемно-пространственных чертежей, как говорилось выше, было обязательным условием при возведении средневековых городов. Такие чертежи исчезают в середине XVIII в., как только пространственно-модульный метод возведения городов заменяется регулярным. Этот процесс гораздо глубже, чем простая замена одной системы другой; изменяется все градостроительное мышление. Объемно-пространственный метод постройки города, при котором продумывалась постоянная его связь со средой, в XVIII в. сменяется методом создания, в первую очередь, планировочных конструкций; проектирование "от места" сменяется проектированием "с листа".

Древние градостроительные принципы удержались в Ельце благодаря уважительному отношению к ним проектировщиков XIX в., по-видимому, сознательно сохранявших планировочную систему города при его реконструкции. Это хорошо прослеживается на двух планах Ельца, хранящихся в ЦГИА СССР[1]. План Ельца (№ 8) фиксирует снятую планировочную структуру города. План реконструкции города (№ 9) делается на этой нерегулярной подоснове путем наклейки сверху проектных предложений по спрямлению существующих искривленных улиц. При этом сохраняются масштабные соотношения всей застройки.

В художественном образе Ельца четко читаются три фактора, составляющие его объемную структуру: ландшафт местности, доминанты, рядовая жилая и общественная застройка.

Пространственные закономерности города удобно изучать по методу ландшафтной инвентаризации, предложенному Л.М. Тверским. В апреле-мае 1978 г. по заранее продуманному плану было отснято 424 кадра. Они были обобщены в систему таблиц, которые позволяют представить себе одновременно планировочную и пространственную систему го-

[1] ЦГИА СССР, ф. 1293, оп. 158, ед. хр. 8, 9.

рода. Кроме того, нами самостоятельно изучалась связь доминант с природой и застройкой и в Ельце и в других городах XУ1—XУП вв.

Город Елец расположен на крутом изгибе р. Быстрой Сосны при впадении а нее р. Ельца. Сосна делит его на две части, различные по характеру ландшафта. Левый берег высокий, круто спускающийся к Сосне. На самой изогнутой точке реки берег отвесно обрывается к воде. Это известняковая скала называется "Печуры". Она была неотъемлемой частью городского ландшафта, умело включенного в композицию города и "обыгранного" древними градостроителями. Правый берег Быстрой Сосны низкий, затопляемый в паводок.

Высокая левобережная часть Сосны затем уходит ровным плато на запад. Это плато имеет естественный небольшой уклон к реке. С юга и с севера оно ограничено глубокими оврагами двух рек: с юга — Лучека, с севера — Ельца. Река Лучек теперь превратилась в ручей, текущий весной по дну оврага и пересыхающий летом. Река Елец также стала небольшой речкой, лежащей на дне глубоких живописных оврагов, поросших ярко-зеленой травой и покрытых мелколесьем. Крутые высокие склоны берегов свидетельствуют о том, что р. Елец была некогда мощной[1] . Левый берег Ельца, так же, как и р. Сосны, имеет глубокие овраги, по дну которых в нее впадали ручьи, ныне высохшие.

Крепость и часть посада города, выстроенного в 1591—1592 гг.[2] , были заложены на высоком плато

Елец уже к XIX в. столь сильно обмелел, что был переименован в Ельчик. На всех картах XIX в. он именуется Ельчик, на картах XУЛ1 в. — Елец. Нынешнее название реки — Ельчик.

Новый город Елец 1592 г., заложенный и выстроенный по указу царя Федора Иоанновича, градостроители расположили на новом месте. Древний город Елец XII в. был обнаружен автором совместно с председателем Елецкого отделения ВООПИК В.А. Климовым и сотрудником местного краеведческого музея Н.И. Лиль на левом берегцу Ельца между оврагами. Напротив древнего Ельца XII в. лежат остатки еще какой-то крепости, которую жители называют Татарский Затон. На наличие древних городищ вокруг Ельца указывают и архивные документы (см.: ЦГАДА, ф. 2109, ед. хр. 26. Разрядный приказ. Белгородского стола книги. Отказная книга, составленная строителем Ельца Иваном Никитичем Мясным в 1594 г.).

над Сосной между реками Лучек и Елец. Посад проходил через р. Елец и располагался на обоих ее берегах. Слободы шли за крепостными укреплениями посада на левом и правом берегах Сосны и Ельца. На низком берегу Сосны также располагаясь часть города, его слободы.

Центр композиции Ельца организован природным ландшафтом — местом слияния рек Сосны и Ельца. Все земли, занятые под город, связаны единой градостроительной мыслью, единым принципом включения города в ландшафт местности. Существенную роль в колорите города играют высокие берега реки. Часть из них представляет собой обнаженные выходы скальных пород, а часть — густо поросла зеленью. Это сознательно выбранное градостроителями место получило затем архитуктурно-художественное завершение в системе доминант, тонко увязанных с природным ландшафтом.

Изучение доминант и окружающей их застройки в Ельце позволяет глубоко проникнуть в сущность пространственно-модульной системы построения, которая давала городу возможность роста, не нарушая художественного облика, поскольку его развитие учитывалось еще при закладке.

Согласно писцовой книге Ельца 1691 г., "на посаде и в городе, и за городом в слободах" было 17 церквей, в том числе два монастыря, мужской и женский. Около трех храмов находились богадельни. В конце XУП в. в городе был построен еще один храм[1].

Проверяя способ расстановки доминант на местности, удалось убедиться, что они органически связаны со сложным рельефом берегов рек, на которых стоит город. В том, что при расстановке доминант на выбранном под Елец месте, согласно градостроительному замыслу, был применен математический расчет, убеждает нас анализ мест, на которых стоят высотные постройки, а также увязка высотных зданий с окружающей застройкой. В связи с тем, что место древних башен крепости неизвестно, можно провести анализ расположения на холмах и в низинах только храмов.

При сопоставлении схемы Ельца XУ1—XУП вв. и структуры города в конце XIX — начале XX в. выясняется, что расположение доминант почти не

[1]ЦГАДА, ф. 1209, ед. хр. 137, 1691, лл. 23, 30-31; ед. хр. 145, лл. 36 об. — 49 об.

изменилось. На самой высокой части холма не левом берегу р. Сосны на отметке 165 стоят три доминанты. Также три доминанты поставлены на отметке 155. Еще три — на отметке 140. Эта же система с небольшим отклонением идет до низин по берегам рек Сосны и Ельца. Доминанты компонуются группами по две — три на определенных горизонталях, окружая, как ожерельем, центр города — место слияния рек Сосны и Ельца. Лучковский храм XX в., органически включившись в эту систему, не разрушил художественный облик города. Стабильность расстановки храмов-доминант на протяжении 300 лет свидетельствует о бережном отношении последующих поколений к изначальной структуре средневекового города.

Исследуя взаимосвязь доминант с рядовой и общественной застройкой (что можно сделать только на крупномасштабном плане), мы также обнаруживаем определенную закономерность. Хотя почти вся застройка Ельца относится к XIX в., она, несомненно, несет в себе элементы градостроительных традиций XУ1—XУП вв., о которых говорят письменные источники, цитируемые ранее. Исследуемый план свидетельствует о том, что и в XIX в. сохранялись маломерные кварталы, небольшие дома, между которыми существовали разрывы — прозоры. Доминанты в определенном ритме зрительно "собирают" застройку, подчиняя ее себе. На одних улицах дома стоят с большими расстояниями между ними, на других — плотнее. И в плане, и в объемном решении стороны улиц, как правило, застроены независимо одна от другой. Для того, чтобы проследить, что в этой композиционной системе сохранилось от XУ1 в. и что привнесено в последующие периоды жизни Ельца, нужна еще длительная работа. Но уже сейчас можно считать, что в Ельце сохранен принцип постройки городов по нерегулярной системе XУГ—XУП вв.

Несмотря на замену деревянных зданий каменными, масштаб городской застройки сохранился. Замена деревянных храмов каменными повлекла за собой некоторое увеличение их размеров. То же, видимо, произошло и с застройкой. В центральных частях города этажность домов больше, больше размеры в плане, но изначальный принцип расстановки зданий на местности сохранен. Большие участки при домах со значительными разрывами между постройками сохранили, как в древности,

город "прозрачным". В Ельце, как и во всех других средневековых городах, в разрывах между домами и над ними видишь все окружающее — купола дальних и ближних церквей, плавные изгибы реки, заливные луга. Так в Ельце единство городского и природного ландшафта обеспечило его неповторимость, несмотря на обыденность самих сооружений.

На основе этих двух компонентов — доминанты и застройка — слагался художественный облик города, который воспринимался человеком, двигавшимся по улицам, набережным, переулкам, тупикам и площадям города, как ряд постоянно сменяющихся картин.

Виды города можно разделить на панорамные (длительного созерцания), охватывающие большие пространства, включая отрезки улиц, видимые в перспективе, и "кадры" быстрого восприятия, возникающие на близком расстоянии, в разрывах между домами или над ними.

Перед пешеходом, идущем по городу по низкому (правому) берегу р. Сосны, открывается главная и наиболее объемная панорама, включающая большую часть территории города. Перед ним поднимаются холмы, полого ниспадающие к югу и к северу. Эти холмы членятся поймой р. Ельца. На севере на трех холмах, по южным их склонам, спускающимся к левому берегу реки Ельца, размещаются (с момента основания города) Черная, Аргамачья и Ламская слободы. Задуманный градостроителем ритм жилой застройки создал и здесь нерегулярную планировку. Городские кварталы лежат у подножья двух храмов, возвышающихся над ними. Внизу, в пойме р. Ельца на границе застройки Черной слободы, также стоял храм с высокой колокольней. На левом берегу Ельца можно было видеть восемь доминант, утопающих в зелени садов. Хотя сейчас две вертикали утрачены, это не мешает человеку, идущему по Ельцу, чувствовать общий ритм города. Над всеми высотными точками главенствует мощный собор, построенный в первой половине XIX в. по проекту архит. К.А. Тона. Он дает сильный вертикальный акцент, от которого в ритмической последовательности в обе стороны расходятся другие каменные доминанты. Собор Тона заменил древний Воскресенский собор и значительно превысил его по размерам. Увеличение главной доминанты, видимо, было вызвано желанием четко определить центр города, тем более, что уже в

ХУШ в. изчезла его крепость. Градостроители явно стремились сохранить изначальные пропорциональные взаимосязи между доминантами города. Поскольку древние церкви были меньших размеров, чем построенные на их месте каменные, небоходимо было увеличить и собор, композиционно объединяющий их.

Переходя в восточную часть города, пешеход видит иную панораму. Отсюда он может окинуть взором весь город от южных до северных границ. Почти на всем протяжении видна ровная полоса земли с приютившимися на ней одноэтажными домиками, утопающими в зелени, над которыми поднимаются четыре вертикали, различные по своим объемам, очертаниям и высоте[1].

При подходе к Ельцу с севера и северо-востока видно, что центральная часть города отделена от его слобод оврагом, по дну которого протекает р. Елец. В обе стороны раскрываются живописные берега реки, то спускающиеся к ней пологими склонами, покрытыми травой и кустарником, то почти отвесно обрывающиеся в воду. Левый берег образует три высоких холма, круто спускающиеся к реке. На этих холмах, по южным склонам, с запада на восток последовательно разместились слободы: Александровская, Черная, Дамская, Аргамачья, между двумя первыми расположен ансамбль женского монастыря. И по сегодняшний день все слободы застроены одноэтажными индивидуальными домами с садами.

Идя по окраине Ельца, видно, как резко большой овраг, по которому протекает р. Елец, отделяет основную территорию города от его слобод. Геометрическая планировка ХУШ в., казалось бы, должна была усилить разделение города на самостоятельные части. Однако этого не случилось. Строители и проектировщики города, использовав с большим искусством все природные условия, не только не разъединили, а наоборот, взаимоувязали и объединили обе части, соподчинив их объемно-планировочные композиции друг другу.

Большое число картин города, сменяющих одна другую, возникающих при движении пешехода по улицам Ельца, позволяют установить, что

[1] Эту панораму можно видеть на фотографиях 1960-х годов. Позднее значительная часть этого поля была застроена индивидуальными домами с участками.

планировка и объемно-пространственное решение основной части городской территории и территории слобод композиционно увязаны и составляют единый городской ансамбль.

Уже с дальних походов к концам улиц ясно читается градостроительный замысел размещения слобод и монастыря в системе города. С конца улиц, выходящих на бровку крутого оврага, перед пешеходом раскрываются эффектные панорамы северной и северо-восточной частей города.

В художественной системе города не все точки равнозначны. Наиболее убедительны видовые точки с улицы Ленина (бывш. Манежной), с которых еще задолго до подхода к бровке в перспективе точно по оси улицы можно видеть колокольню монастыря.

Таким образом, трассировка улиц и местоположение монастыря в городе были глубоко продуманы, осуществлялись согласно определенному градостроительному замыслу. Монастырь находится далеко от центра города, за его границами, и тем не менее планировка центральной части городской территории композиционно увязана с ансамблем монастыря, расположеннного на противоположном берегу Ельца. Знаменский монастырь играет большую роль в организации пространственной системы почти всех улиц города. Место, избранное под монастырь, — Каменная гора — было высоко оценено градостроителями XУ1 в., которые умело и тонко включили его в общий ансамбль города.

Западная монастырская стена, . возвышающаяся над скальным обрывом, служит его архитектурным завершением. Высокая надвратная колокольня, примыкающие к ней стены с угловыми башнями — таков архитектурный ансамбль западной стены монастыря, на который открывается вид с городской территории.

Значительны видовые точки с улицы Маяковского (Старооскольской). Главная ось Черной слободы — Старомосковская улица (дорога) проходит по крутому холму в створе с улицей центральной части города (ул. Маяковского). Створ этих улиц отмечен особым градостроительным ансамблем, включающим: легкий небольшой мост через Елец, церковь Сергея Радонежского, поставленную у самого моста (ее колокольня утрачена), и поднимающуюся круто вверх Старомосковскую улицу (дорогу). Этот ансамбль служит градообразующим

звеном между центральной частью города и Черной слободой. Одноэтажная, с прозорами, застройка холмов в слободах не разрушает художественную композицию города.

Положение слобод в генеральном плане города, их планировочная и объемно-пространственная композиция четко связаны с трехмерной системой всего города, особенно его центральной части. С каждой улицы открываются свои неповторимые виды на слободы. В северной, северо-восточной и восточной частях города в конце 12 улиц раскрываются три холма с монастырями и слободами Александровской, Черной, Ламской, Аргамачьей. Все видовые точки располагаются на левом берегу Ельца и частично на левом берегу Сосны, на бровке северной центральной городской черты застройки.

На северном конце Комсомольской улицы (Малой дворянской) открывается вид на часть монастырских стен с колокольней, построенных на склоне высокого холма, который белокаменными выходами скальных напластований известняка, поросших кустарников, обрывается к р. Елец. От монастыря к западу открываются свободные от застройки холмы и овраги, переходящие в зеленые массивы на равнине. Колокольня монастыря доминирует над местностью, своим вертикальным объемом подчеркивая широту и простор холмистого рельефа, и дает масштаб окружающим значительным холмам. Положение Комсомольской улицы и ее направление умело увязаны с природой и ансамблем монастыря.

Следующая к центру города улица Горького (Рождественская) определила своим концом видовую точку, с которой открывается вид на западную часть монастыря.

С улицы Ленина (Манежной), идущей восточнее и ближе к реке Сосне, ансамбль монастыря раскрывается во всей протяженности. С видовой точки обозревается панорама, охватывающая монастырский ансамбль с примыкающими к нему с запада и востока слободами и природным окружением. Отсюда видна вся градостроительная значимость этого ансамбля, его связь со слободами, структура застройки, доминанты, которые поддерживают и усиливают его главную роль во всей архитектурно-пространственной композиции этой части города. По крутому спуску от монастыря к р. Елец идет белокаменная многоярусная лест-

ница, своей архитектурой органически связанная со скалистым холмом, на котором расположен монастырь. Небольшой, малоприметный мост через Елец связывает в этом месте левый берег реки с основной территорией города. Так решена визуально и функционально градостроительная задача связи двух частей города.

С северного конца улицы Советской (Успенской) открывается панорама монастыря и окружающего ландшафта, а также часть территории Черной слободы.

Улица Мира (Торговая) своим концом выходит на бровку, круто спускающуюся к реке Елец. Резкий поворот улицы у самой бровки ориентирован на ансамбль церкви и колокольни Сергия Радонежского. Застройка улицы при движении по ней человека то скрывает этот ансамбль, то вновь открывает его в прозорах между домами. Вместе с тем с улицы Мира открывается вид на всю Черную слободу — один из важнейших градостроительных узлов города, — по которой проходил большак на Москву — Старомосковская улица.

Октябрьская (Соборная) улица имеет мелкие кварталы, видимо, они определяли планировочную единицу города, его модуль. Эта улица пролегла между улицами Мира и Маяковского. С видовой точки на ее северном конце открывается широкий вид на все три холма на левом берегу р. Елец. Это тихая улица, уютно и композиционно организованная, сейчас не имеет транспортного значения.

Градостроительно связанные с центральной частью высокие слободские церкви, поставленные ниже вершин холмов, подчеркнуто соподчинены ландшафту и выявляют органическую градостроительную связь его с застройкой. В результате градостроители добиваются композиционной целостности центральной части города и окружающих его слобод. Мы зримо убеждаемся в том, что центр города имеет часто поставленные доминанты, в то время как на окраинах, в слободах, они значительно разрежены (в каждой слободе построено по одному храму). Ландшафтная инвентаризация подтвердила ранее высказанное нами предположение о близости планировки и композиции города Ельца к розетке или цветку.

Улица Кузнечная, проходящая по бровке левого берега р. Сосны, заканчивалась так называемой Миллионной горой. Эта Миллионная гора визуаль-

но фиксировала границу слобод. Здесь особенно четко видна грубая градостроительная ошибка, допущенная современными строителями: двухэтажный жилой дом нарушает видовую перспективу и тем самым ломает хорошо организованную древнюю систему визуальных связей города.

Застройка Ельца — это в основном одно-трехэтажная: дома деревянные, каменно-деревянные, кирпичные. Застройка города еще не исследована. Весьма возможно, что среди оштукатуренных кирпичных домов откроются постройки XVII в., во всяком случае в интерьере некоторых из них прослеживаются своды, хотя фасады потеряли древний облик. Все дома Ельца несут на себе отпечаток местного вкуса, местных традиций, но в основном относятся к XIX в. Видимо, есть и более ранние сооружения. Декоративное убранство елецких домов грубоватое по форме, лаконично. Эти скромные постройки хороших пропорций в совокупности делают город очень уютным.

Город со свободной планировкой, построенный в XVI в. по пространственно-модульной системе, был перепланирован как регулярный. Однако это было сделано с большим тактом по отношению в пространственной системе города: не нарушена величина кварталов, не изменены места доминант, не искажен усадебный характер застройки. Так были распланированы основная центральная часть города, территория Черной слободы и Засосны. Ламская и Аргамачья слободы сохранили пространственную систему и свободную планировку.

Создав жесткую планировку города — прямоугольные кварталы и прямые улицы, проектировщики XVII и XIX вв. в определенных местах (там, где это требовалось для сохранения пространственной системы, видовой панорамы и модуля города) делали излом или скривляли улицы.

ИЗ ОПЫТА СОСТАВЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПОДОСНОВЫ

Для выявления первоначального художественного облика древних городов необходим индивидуальный подход к каждому из них.

Неизученность средневекового русского градостроительства привела к тому, что в процессе реконструкции старинных городов не учитывались

художественные нормы и правила, по которым они строились.

С 1971 г. начали выходить из печати различные рекомендации по сохранению исторических городов. Русские города XVI—XVII вв. требуют специально организованной методики обследования и составления на ее основе документации, которая позволила бы сохранить художественный строй города при его реконструкции как целостного памятника градостроительства.

На что следует обращать внимание при изучении памятников градостроительства?

В первую очередь — на планировочную структуру города в целом; его градостроительную систему, которых на Руси было несколько. Они отличались одна от другой принципами увязки между собой оборонительных укреплений с улицами и площадями; взаимосвязи улиц, тупиков и площадей друг с другом; связи градостроительных компонентов, создаваемых человеком, с природным ланшафтом.

Во-вторых, на композиционную структуру города, наземные сооружения; систему доминант, отвечающую специфике планировки средневекового города, который формировался и закладывался не на базе горизонтальной, ортогональной планировки, а на базе визирной системы города.

В-третьих — на городскую среду, жилую и общественную застройку, составляющие фон для раскрытия художественной сущности доминант и их взаимосвязей.

В-четвертых, на комплексы архитектурных ансамблей и памятников архитектуры, расположенных обособленно.

Следует отметить, что из всей сложной системы древнерусского градостроительного искусства, только архитектурные памятники учитываются действующими правилами и нормами.

Для того, чтобы в процессе реконструкции сохранить древнерусские города как памятники градостроительства, необходима специально разработанная система изучения этих памятников, а также система проектирования, при которой произвол проектировщиков был бы сведен до минимума.

Предлагалось определить охранные зоны и зоны регулирования застройки, которые должны быть установлены до начала проектирования реконструкции города. Разработка охранных зон и зон регулирования застройки в практике реконструкции истори-

ческих городов не получила должного применения. Кроме того, охранные зоны, составленные на основании зон видимости на отдельные памятники, не могут быть надежной защитой для пространственной системы исторических городов. Их задача — сохранить лишь отдельные здания города, а не город целиком как памятник градостроительства. В этом недостаток данного метода, ибо охранные зоны отдельных памятников, как правило, стоящих на значительном расстоянии друг от друга, оставляют большие территории вне охраны и контроля. На этих территориях ведется современное выборочное строительство, которое искажает облик древних и средневековых городов и их художественные закономерности. Необходим метод, который позволил бы охранять не отдельные памятники и ансамбли, а город целиком. Такой метод для изучения пространственной системы города в натуре, его застройки (доминант, среды) и рельефа местности, а также составления историко-градостроительной подосновы на базе графических и письменных источников был предложен проф. Л.М. Тверским. Он назвал его "Метод ландшафтной инвентаризации городов". Тверской сам сосредоточил внимание на изучении пригородной зоны Ленинграда и Павловского парка. По городу он успел дать только теоретическое обоснование предлагаемого метода.

Сложность составления историко-градостроительной подосновы заключается в том, что необходимо исследовать все стороны многогранного городского организма и на основании полученной информации изготовлять проект реконструкции города.

Процесс изучения города распадается на две самостоятельные части:

I. Изучение письменных (архивных, печатных) и графических источников, знакомство с археологическими данными о территории, на которой расположен город.

II. Изучение города в натуре.

Историко-градостроительная подоснова складывается из изучения следующих памятников:

градостроительства;
архитектуры;
истории;
археологических;
ландшафтных.

Одно из первых мест в натурном обследовании города занимает ландшафтная инвентаризация. Она предусматривает фиксацию ряда видовых точек города для того, чтобы получить его объемно-пространственную характеристику.

Ландшафтная инвентаризация имеет несколько аспектов применения. С одной стороны, она служит историко-теоретическим целям, помогает изучению города, так как содержит информацию о его художественных закономерностях. С другой стороны, — она имеет чисто практическое применение для правильного ведения реконструкции города. Л.М. Тверской считал, что новая застройка в старом городе (выполненная без учета его видовых аспектов) может полностью его уничтожить, не сломав ни одного здания. Реконструкция города должна вестись на основе хорошо зафиксированной и изученной его пространственной системы.

Основная ценность метода ландшафтной инвентаризации, предложенного Л.М. Тверским, заключается в том, что он заставляет проектировщика искать ответ на поставленные перед ним задачи по реконструкции города и изменения его застройки в самом городе. Этот метод не допускает привнесения в сложившийся город новых композиционных приемов и сооружений, чуждых системе его планировки и застройки. Он требует от проектировщика определенной "градостроительной дисциплины", глубокого изучения самого города. До начала проектирования архитектор обязан выявить те художественные закономерности города, которые были предусмотрены при его закладке и затем сохранялись последующими поколениями.

Для составления ландшафтной инвентаризации города необходимы топографические крупномасштабные двухтысячные или пятитысячные планы. На этих планах должен быть показан не только сам город, но и местность примерно на 10 км вокруг него.

Работа по ландшафтной инвентаризации города производится следующим образом. Инвентаризаторы — группа специалистов (фотограф, историк архитектуры, градостроитель) — должны внимательно обойти весь город и отснять его, как внутри, так и снаружи, с дальных и близких точек, отмечая на плане, с какой точки сфотографирован каждый вид. С одной точки внутри города может быть сделано в разные стороны несколько снимков. От-

мечая точки на плане, необходимо показать стрелкой, в какую сторону был сделан снимок.

Фотоаппарат должен быть узкопленочным с фокусным расстоянием примерно около 50 — 60°. Фокусное расстояние должно быть точно определено до начала работы. Если известно фокусное расстояние фотоаппарата, то можно вычислить высоту сфотографированных зданий. Эта важно как для изучения города, так и для того, чтобы при реконструкции и замене одного здания другим не разрушать пространственной системы города.

Первые фотоотпечатки делаются контактом в двух экземплярах. На каждом снимке с видом города проставляется номер той точки на плане, с которой производилось фотографирование. Один экземпляр снимков оставляется как архив ландшафтной инвентаризации, другой — разрезается согласно улицам, переулкам, площадям и наклеивается на планшет с планом. Это первый этап работы. Виды города на фотографиях позволяют выявить состояние застройки, ландшафт местности, взаимосвязь доминант с другими компонентами. Идя по городу и фиксируя изменения во взаимосвязях всех компонентов, составляющих город и организующих его художественный облик, можно собрать фотоинформацию, полностью раскрывающую город как индивидуальное художественное целое. Попутно можно зафиксировать и все аномалии в пространственном облике города, возникшие в результате его перестроек в позднейшее время. Планшет с планом, на который наклеены виды города, позволяет видеть город в его единстве.

Для дальнейшей работы делаются отпечатки 9x12 на глянцевой бумаге. Отдельные виды с номером точки, с которой они отсняты, склеиваются по каждой улице в "гармошки", что позволяет наглядно представить себе композицию отдельных улиц и площадей.

В том случае, когда ландшафтная инвентаризация должна служить целям реконструкции города, каждый вид города обрабатывается индивидуально. По каждому из них историкам архитектуры и градостроителем должна быть дана рекомендация, какие изменения целесообразно производить в застройке, чтобы улучшить вид с данной точки, восстановить исторически верный городской масштаб. Следует определить, где можно, а где нель-

зя вести новое строительство, установить, каким по размеру и характеру должно быть это строительство. В композиции города архитектурные стили, по мнению Тверского, не играют определяющей роли. В городе здания разных стилей хорошо увязываются тогда, когда они имеют общий ритм, пропорциональные взаимоотношения, масштабность.

Проведение ландшафтной инвентаризации поможет архитектору раскрыть художественные закономерности города и его градообразующих элементов, проникнуть в тайны их эстетических основ, отойти от порочной системы реконструкции исторических городов только на основании ортогональной подосновы, не позволяющей проектировщику представить себе реальные взаимоотношения между существующей и будущей застройкой в их объемно-пространственном сочетании.

Ландшафтная инвентаризация позволяет также увязать между собой с эстетических позиций застройку с природой и рельефом местности. Она дает возможность проектировщику определить высоту отдельных зданий на различных рельефах, количество и характер зелени, включаемой в застройку.

Однако сведения о городе, полученные в результате ландшафтной инвентаризации, не дают возможности судить о степени ценности отдельных построек. В имеющиеся списки памятников архитектуры включены далеко не все здания, подлежащие сохранению в исторических городах. Значительное число построек, обезличенных поздними перестройками, остаются, как правило, невыявленными вплоть до их слома.

Каждый исторический город нуждается в детальном обследовании древних домов, независимо от того, взяты или нет они на государственный учет. Опытный глаз всегда отличит эти дома от поздних построек. Они, как правило, выступают за красную линию расширенной улицы или стоят глубоко внутри квартала. Вновь выявленные ценные здания должны быть обмерены, археологически обследованы и отмечены на историко-градостроительной подоснове. Они должны войти в число охраняемых государством зданий. Работы по выявлению древней застройки крайне кропотлива и требует значительного времени. Эта работы предусмотрены Законом об охране памятников культуры.

Индивидуальные здания должны быть обследованы с точки зрения сохранности их художественного облика и технического состояния. Сведения о техническом состоянии отдельных сооружений и районов городской застройки чрезвычайно важны для установления очередности реконструкции и определения характера этой реконструкции.

Таким образом, историко-градостроительная подоснова, составленная на основании всех данных, полученных в результате изучения источников и города в натуре, раскрывает историю возникновения города и изменения, которые он претерпел на протяжении ряда столетий; выявляет систему пространственных закономерностей застройки, взаимосвязь между доминантами, связь доминант со средой города; указывает направление, в котором должна вестить реконструкция города. Глубоко проработанная историко-градостроительная подоснова, раскрывающая художественные закономерности города и его функциональные стороны, позволяет новое строительство сочетать с историческими традициями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айналов Д.В. Детали палестинской архитектуры и топографии на памятниках христианского искусства // Оттиск из сообщений Императорского православного палестинского общества. — 1885, июль.

2. Айналов Д.В. Некоторые данные русских летописей о Палестине. — Б. м., б.г.

3. Айналов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства. — СПб., 1900.

4. Акты Археографической экспедиции. — Т. Г. — СПб., 1836.

5. Акты исторические. — Т. I. — СПб., 1841.

6. Акты Московского государства / Под ред. Д.Я. Самоквасова. - Т. Г—П. - СПб., 1894; т. III. - СПб., 1901.

7. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссией). - Т. ХУ. - СПб., 1888.

8. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссией), т. Х, СПб., 1878.

9. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическую экспедицию Императорской Академии наук, т. II, СПб., 1836.

10. Ал-Бируни, Абу-р-Рейхан, Ифрад-ал-макал фи амр алэалал — "Рассаил ал-Бируни". Хайдарабад, 1367 (1048).

ч. 2 // Труды в 6 частях математика из Хорезма ал-Бируни (937—1048).

11. Алпатов М.В. Всеобщая история искусств. — Т. 3. — Русское искусство с древнейших времен до начала XVИ века. — М.-Л., 1955.

12. Алпатов М.В. Этюды по истории русского искусства. — Т. I. Иконографическая традиция в художественном творчестве. — М., 1967.

13. Алпатов М.В. Этюды по истории русского искусства. - Т. 2. - М., 1967.

14. Алферова Г.В. А до государева указу городьбы ставити не велеть // Наука и жизнь, 1968, № 8.

15. Апферова Г.В. Византийские традиции в русском градостроительстве XV1—XVП веков // Византийский временник,!^? 43, 1982.

16. Алферова Г.В. Государственная система строительства городов и освоение новых земель в XVГ—XVП веках (на примере города Козлова и его уезда) // Архитектурное наследство, № 27. — М., 1979.

17. Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. — М., 1973.

18. Алферова Г.В. К вопросу о строительстве городов в Московском государстве в XVТ—XVП веках // Архитектурное наследство, № 28. — М., 1980.

19. Алферова Г.В. Кормчая книга и закон градский // Художник, 1971, № 7.

20. Алферова Г.В. Кормчая книга как ценнейший источник древнерусского градостроительного законодательства, ее влияние на развитие русских городов // Византийский временник,№ 35,1973.

21. Алферова Г.А. Математические основы русского градостроительства XV1—XVП веков: Естественно-научные знания в Древней Руси. — М., 1980.

22. Алферова Г.В. Организация строительства городов в Русском государстве в XV1—XVП веках // Вопросы истории. - 1977, № 7.

23. Алферова Г.В. Памятник русского зодчества в Кадашах. — М., 1974.

24. Алферова Г.В. Традиции русского града // Архитектура, приложение к "Строительной газете", № 24, 27 ноября 1977 г.

25. Алферова Г.В. Цветок шиповника — наш город // Знание — Сила, 1981, № 3.

26. Алферова Г.В., Харламов В.А. Крепостные укрепления Киева во второй половине XVП века // Вопросы истории, №7, 1979.

27. Алферова Г.В., Харламов В.А. Киев во второй половине XVП века. — Киев, 1982.

28. Андреев А.И. Очерки источниковедения Сибири. — Вып. I. — М.-Л., 1960.

29. Андриевский И. О наместниках, воеводах, губернаторах рассуждения магистра государственного права Ивана Андриевского. — Спб., 1864.

30. Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XV1 - начала XVП века. - М.-Л., 1967.

31. Арменопул Константин. Перевод ручной книги законов, или так называемое Шестикнижие, собранного отовсюду и сокращенного достопочтенным номофилаксом и судьею в Фесалонике с издания печатного в Венеции в 1766, Ч. Т и II, СПб., 1854.

32. Багалей Д.И. Материалы для истории и колонизации и быта степной охраны Московского государства (Харьковской, отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVT—XVП столетиях. — Т. 1. — Харьков, 1886.

33. Багалей Д.И. Материалы для истории и колонизации и быта ... — Т. Н. — Харьков, 1890.

34. Беляев М. Исторические сведения о Московской Замоскворецкого сорока Григория Неокесарийского при Полянке церкви. — М., 1894.

35. Бенеманский М. Закон градский. — М., 1917.

36. Бенешевич Б.Н. Древнеславянская Кормчая 14 титулов без толкований. — Т. Т. — СПб., 1906—1907.

37. Берында П. Лексикон. Киево-Печерская лавра, 1627 (переиздан в Киеве в 1961 г.).

38. Бонград-Левин Г.М. Древняя Индия. — М., 1969.

39. Брунов Н.И. Мастера древнерусского зодчества. — М., 1953.

40. Брунов Н.И. Московский Кремль. — М., 1948.

41. Брунов Н.И. История градостроительного искусства. — М., 1953, т. Т.

42. Брунов Н.И. История русской архитекторы. — М., 1956, изд. 2.

43. Буганов В.И. Переписка городового приказа с воеводами ливонских городов в 1574—1587 годах. Археографический ежегодник за 1964. — М., 1966.

44. Бунин А.В. История градостроительного искусства. — М., 1979.-т. Т.

45. Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым, Кетск до 1645 года. — Харьков, 1893.

46. Важинский В.М. Развитие рыночных связей в южнорусских уездах во 2-й половине XVП века // Ученые записки Кемеровского пединститута, 1963, № 5.

47. Введенский А.А. Дом Строгановых в XVT—XVП веках. — М., 1962.

48. Введенская А.В. К истории планировки русской деревни XVП века и первой половины XIX века // Труды Государственного исторического музея. — Вып. XУ. — М., 1941.

49. Вельтман А. Достопамятства Московского Кремля.— М., 1843.

50. Веселовский С Б. Дьяки и подъячии XУ—XVП веков. — М., 1975.

51. Воронин Н.Н. Древнерусские города. — М.—Л., 1945.

52. Воронин Н.Н. История культуры древней Руси. — М.-Л., 1948.

53. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XУ веков. - Т. Г. - М., 1961.

54. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси ..., — т. 2,М., 1962.

55. Воронин Н.Н. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. — Т. I. — М.—Л., 1949.

56. Воронин Н.Н. Очерки по истории русского зодчества ХУГ—ХУП веков. — М.—Л., 1934.

57. Воскобойникова СП. Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей ХУ—ХУП веков. — М.—Л., 1977.

58. Воскресенский А. Город Елец в настоящем и прошедшем. — Елец, 1911.

59. Гаряев Р.М. Вопросы реконструкции исторически сложившихся городов. — М., 1975.

60. Гаряев Р.М. К вопросу об ориентации русских церквей//Краткие сообщения славяно-русской археологии; Институт археологии АН СССР. - М., 1978, № 115.

61. Гаряев Р.М. Новгород. Старое и новое. К вопросу о преемственности градостроительных проблем//Архитектура СССР, № 3. —М., 1975.

62. Гаряев Р.М. Озеленение и благоустройство городов с ценными историко-архитектурными памятниками. — М., 1972.

63. Гаряев Р.М. Особенности постановки архитектурных доминант в русском градостроительстве//Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. — Вып. 1У. — М., 1976.

64. Гаряев Р.М. Суздаль. Малоизученные грани эстетики русского градостроительства//Архитектура СССР, № 3, 1978.

65. Гераклитов А.А. Филиграни ХУП века на бумаге рукописных и печатных документов русского производства. — М., 1963.

66. Герман И.Е. История московского законодательства от Соборного уложения до Генерального межевания (1649—1763). —СПб., 1893.

67. Герман И.Е. История русского межевания. — М., 1910, изд. 2-е.

68. Гоздаво-Голомбиевский А.Д. Описи чертежей, хранящихся в Разряде во половине ХУП века. Приложение: список 231 чертежа ХУП столетия до 1666 г. Описание дел и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. — Т. У1, Отдел II. — СПб., 1889.

69. Голубев СТ. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. — Т. 1. — Киев, 1883.

70. Города феодальной России/Сборник статей, посвященных памяти Н.В.Устюгова. — М., 1966.

71. Гольденберг Л.А. Русские картографы, составители первого чертежа/Шроблемы советского градостроительства, № 3. —М., 1952.

72. Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов. — М., 1965.

73. Городские поселения в России, т. 1—7. СПб., I860—1864.

74. Государственный архив России XУ1 столетия: Опыт реконструкции/Подготовил текст А.А.Зимин, под ред. Л.В.Черепнина. — Т. 1, М., 1978.

75. Готье Ю.В. Заметки по истории защиты южных границ Московского государства//Исторические известия. Вып. II. — М., 1917.

76. Градостроительство/Под ред. А.З.Шкварикова. — М., 1945.

77. Гурлянд В.П. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XУП века. — Ярославль, 1900.

78. Даль В. Толковый словарь. — Т. 1. — М., 1978.

79. Дитятин И.И. Городское самоуправление в России. — Ярославль,1875—1877.

80. Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. — Т. II. — Киев, 1901.

81. Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время шведской и польской служб от 1655 до 1661 года и во время его пребывания в России от 1661 до 1669 годов. Части 1 иП.,М., 1895.

82. Дополнения к актам историческим. — Т. IX. — СПб., 1875.

83. Древнерусские города. — Изд. 2-е. — М-, 1956.

84. Загоровский В.П. Белгородская черта. — Воронеж, 1969.

85. Загоровский В.П. Воронежский край с древнейших времен до конца XУП века. Документы и материалы по истории края. — Воронеж, 1976.

86. Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики об охране и использовании памятников истории и культуры. — М., 1979.

87. Заозерский Н.А. Номоканон Иоанна Постника в его редакциях грузинской, греческой, славянской. — М., 1902.

88. Зимин А.А. О сложении приказной системы // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. — Вып. 3. — М., 1954.

89. Зимин А.А. Состав русских городов XУТ века // Исторические записки. — Т. 52,—М,, 1955.

90. Зубов В.П., Петровский Ф.А. Архитектура античного мира. — М., 1940.

91. Иванов П.И. Опыт исторического исследования и межевания земель в России. — М., 1846.

92. История русской литературы. — Т. t. М. — Л., 1958.

93. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. — Вып. 7. — Тамбов, 1885.

94. Калачев Н.В. О значении Кормчей книги в системе древнерусского права. — М., 1850.

95. Караваева Е.М. Градостроительное развитие Суздаля. — М., 1966.

96. Карамзин Н.М. История государства Российского. — СПб., 1883. - 1885. Приложения к тт. Ш и ТУ.

97. Каргер М.К. Крепостные укрепления Свияжска. Известия общества археологии, истории и этнографии при Ка-

занском государственном университете имени В.И. Ульянова-Ленина. — Т. XXXГУ. - Вып. 3—4. — Казань, 1926.

98. Кизеветтер А.А. Из истории законодательства в России XУП—XIX веков. — Ростов-на-Дону, 1904.

99. Кириллов В.В. Зарождение русского регулярного градостроительства. Архитектурное наследство. М., 1960, № 12.

100. Кириллов В.В. Сибирский приказ и его роль в организованном строительстве городов на новых землях // Архитектурное наследство,№ 28, 1980.

101. Клепатский П.Г. Очерки по истории Киевской земли.—Т. Т. —Киев, 1912.

102. Клепиков С.А. Библиография печатных планов города Москвы XУ1—XУН веков.— М., 1956.

103. Книга Большому чертежу / Издана К.Н. Сербиной.— М., 1950.

104. Князин К.Ф. Русское градостроительное наследство.—М., 1972.

105. Комнина Анна. Алексиада. — М-, 1965.

106. Кондаков Н.В. Памятники христианского искусства на Афоне. — СПб., 1902.

107. Кондаков Н.В. История византийского искусства и иконографии по материалам греческих рукописей. — Одесса, 1876.

108. Кононов В.И. Памятники Воронежа и Воронежской области. — Воронеж, 1979.

109. Копылов А.Н.О дате основания Иркутска (1661 г.) // История СССР, 1960, № 5.

110. Кормчая. — М„ 1653.

111. Косточкин В.В. Государев мастер Федор Конь. — М., 1964.

112. Косточкин В.В. К вопросу о традиции и новаторстве в русском зодчестве XУ1—XУП веков // Архитектурное наследство, № 27. — М., 1979.

113. Косточкин В.В. О регулярной планировке в крепостной архитектуре Русского государства // Ежегодник Института истории искусств за 1957 г. — М., 1958.

114. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М., 1979.

115. Кочедамов В.И. Тобольск (как рос и строился город) . — Тюмень, 1963.

116. Кошелев В.И. Городок Орлов и его военная зона в XУП веке // Известия Воронежского государственного педагогического института (ВГПИ). — Воронеж, 1950, т. 12, вып. 1.

117. Кошелев В.И. По Белгородской черте. Козловский вал // Известия ВГПИ. — Воронеж, 1958. — Т. 26.

118. Кошелев В.И. Схема расположения сторож и укреплений в Воронежском крае в XУП веке // Из истории Воронежской области. — Воронеж, 1954.

119. Кудрявцев М.П., Красовский И.С. О топографической интерпретации рукописных планов древнерусских городов // Источники и методы исследования памятников градостроительства и архитектуры. — М., 1980.

120. Кудрявцев М.П. Методы изучения композиции древнерусских городов // Источники и методы исследования памятников градостроительства и архитектуры. — М., 1980.

121. Кудрявцев М.П., Кудрявцева Т.Н. Ландшафт в композиции древнерусского города// Архитектурное наследство, № 28.-М., 1980.

122. Лавров В.А. Древнерусское градостроительство. — М., 1978.

123. Лавров В.А. Национальные традиции русского градостроительства. — М., 1946.

124. Лазарев В.Н. Византийское и древнерусское искусство: Статьи и материалы. — М., 1978.

125. Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. — М., 1961.

126. Лихачев Д.С. Культура русского народа X—ХУП веков. — М— Л., 1961.

127. Лихачев Д.С. Человек и литература Древней Руси. — М., 1970.

128. Лихачев Д.С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства: Конец ХГУ — начало ХУ1в.-М., 1946.

129. Лихачев Д.С. Экология культуры // Москва, 1978, №7.

130. Мерило праведное по рукописи ГУ века / Издано под наблюдением и со вступительной статьей акд. М.Н. Тихомирова. — М., 1961.

131. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. — М., 1894.

132. Миллер Г.Ф. История Сибири. — М.~Л., 1937, т. Г; 1941, т. II.

133. Могила Петр. Евхологион альбо молитвослов или Требник. — Киев, 1646. — Т. 2.

134. Мокеев Г.Я. Типология древнерусских городов // Архитектурное наследство, № 25. — М., 1976.

135. Мокеев Г.Я. Планировка древнерусских городов и методика раскрытия ее системы // Источники и методы исследования и архитектуры. — М., 1980.

136. Неволин К.А. Полное собрание сочинений. — СПб., 1859. — Т. У1.

137. Никольский К. Обозрение богослужебных книг православной российской церкви по отношению к церковному уставу. — СПб., 1858.

138. Оглоблин Н.Н. К русской историографии. Герард Мюллер и его отношение к первоисточникам // Библиограф. № 1,8,9.-М., 1889. (5-й год издания).

13Э.ОглоблинН.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. Т. — М., 1895.

140. Описание дел и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. — М., 1884, т. ГУ; СПб., 1888, т. У; СПб., 1889, т. УГ.

141. Остроумов В.П., Чумаков В.В. Свияжск. История планировки и застройки. — Казань, 1971.

142. Осятинский А.И. Градостроительство Поволжья с древнейших времен до XX века. — Саратов, 1967.

143. Осятинский А.И. Строительство городов на Волге.— Саратов, 1965.

144. Очерки истории СССР: ХУП века. — М., 1965.

145. Павличенков В.И. Ансамбль Иосифо-Волоколамского монастыря // Архитектурное наследство, № 10. — М., 1958.

146. Переписные книги города Москвы, составленные в 1738—1742 годах с приложением переписной книги 1626 года. - Т. Г. - М., 1882.

147. Писцовые книги Московского государства. — СПб., 1875, ч. Т.

148. Подключников В. Планировка и застройка древнего Свияжска // Архитектура СССР, № 3. — М., 1943.

149. Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване 1У: Работы в Московском Кремле в 40— 70-х годах ХУГвека. — М., 1972.

150. Полное собрание законов Российской империи. — Т. 3.-СПб., 1830.

151. Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830, т. 2.

152. Полное собрание русских летописей. — Т. 13. — М., 1965.

153. Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. — Л., 1975.

154. Раппопорт П.А. Древние русские крепости. — М., 1965.

155.Регаме С.К., Иванов В.И. Применение математических методов для расчета зон регулирования этажности застройки // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. — Вып. JU. М., 1975.

156. Регаме С.К. Градостроительные вопросы охраны памятников на примере Горького и Вологды // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. — вып. ГУ. — М., 1979.

157. Розенкампф Г.А. Обозрение Кормчей книги в историческом виде. — М., 1829.

158. Розенкампф Г.А. О Кормчей книге. — СПб., 1827.

159. Рожков Н.А. Город и деревня Московской Руси. — Изд. 7-е.-Пг., 1923.

160. Розов Н.Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI века. //Slavia, 1963. — Вып. XXXII, ч. 2.

161. Русская историческая библиотека (РИБ). — Т. 8. СПб., 1884.

162. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. — М.¯Л., 1948.

163. Рыбаков Б.А. Русские карты Москвы ХУ—ХУ1 веков. — М., 1974.

164. Самоквасов Д.Я. Древние города России. Историко-юридическое исследование.— СПб., 1873.

165. Симонов Р.А. Естественно-научные знания. Математика // Очерки русской культуры ХУП века. — Часть 2-я.-М., 1979.

166. Сборник материалов по исторической топографии Киева и его окрестностей. Издание Комиссии для разбор-

ки древних актов при Киевском, Подольском и Волынском губернаторах. — Т. II. — Киев, 1874.

167. Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII века. — Т. Г. — Киев, 1917—1919.

168. Соколова Т.Н. К вопросу об исследовании композиционных качеств рядовой застройки // Принципы исследования композиции в современной архитектуре. — М., 1979.

169. Сопиков В.С. Опыт российской библиографии: Общий библиографический справочник, ч. У. — СПб., 1905.

170. Список с чертежей Сибирской земли изд. Г.И. Спасским. Московское общество истории и древностей российских (МОИДР). - кн. III. - М., 1849.

171. Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы: Материалы и исследования. — Т. Г. — М., 1960.

172. Сюзюмов М.Я. О трактате Юлиана Аскалонита / Сборник статей по истории древнего мира и средних веков: Античная древность и средние века // Ученые записки Уральского университета, вып. 38., ч. 1.— Свердловск, 1960.

173. Тверской Л.М. Русское градостроительство до конца XVII века: Планировка и застройка русских городов. — М.-Л., 1953.

174. Тихомиров М.Н. Древняя Москва (12—15) века. — М., 1947.

175. Тихомиров М.Н. Древняя Русь. — М., 1975.

176. Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. — М., 1969.

177. Тихомиров М.Н. Соборное уложение 1649 года. — М., 1961.

178. Тихомиров М.Н. Средневековая Россия на международных путях (XIУ—XУ века). — М., 1966.

179. Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIУ—XУвеке. - М. 1957.

180. Тихомиров М.Н. Россия в XУ1 столетии. — М., 1962.

181. Тихомиров М.Н. Русская культура X—XУШ веков. — М., 1968.

182. Тиц А.А. Два древнерусских проектных чертежа XVII века // Ежегодник истории искусств АН СССР за 1960. — М., 1961.

183. Тиц А.А. Загадки древнерусского чертежа. — М., 1978.

184. Тиц А.А. Из истории развития архитектурно-строительного чертежа в России// Изв. высших учеб. завед. МВ и СО СССР (строительство, архитектура). — № 7. — Новосибирск, 1958.

185. Тиц А.А. По окраинам земли Владимирской: Вязники, Мстера, Гороховец.— М., 1969.

186. Тиц А.А. Русское каменное жилое зодчество XVII века. — М., 1966.

187. Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. — М., 1957.

188. Устюгов Н.В. Центральное управление. Приказы / Очерки истории СССР. XVII век. — Вып. 3. — М., 1955.

189. Хрестоматия по древней русской литературе XT— ХУП веков / Сост. Н.К. Гудзий. — М., 1955.

190.Черепнин Л.В. Государственные архивы России ХУ1 столетия. — Т. I, II, Пl. — М., 1978.

191.Черепнин Л.В. Памятники русского права. — М., 1954.

192. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в ХУ1—ХУП веках. - М., 1978.

193. Чечулин Н.Д. Города Московского государства в ХУТ веке. - СПб., 1889.

194. Чичерин Б.Н. Областные учреждения в России в ХУП веке.— М., 1856.

195. Шильниковская В.П. Великий Устюг. — М., 1973.

196. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пермь, 1881—1889.

197. Шквариков А.В. Очерки истории планировки и застройки русских городов. — М., 1954.

198. Шквариков А.В. Планировка городов России в ХУШ и начале ХТХ века. — М., 1939.

199. Шквариков А.В. Русская архитектура. — М., 1940.

200. Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. — М., 1925.

201. Шумаков С.А. Экскурсия по истории Поместного приказа. — М., 1910.

202. Шумаков С.А. Древнерусские города. Историко-юридическое исследование. — СПб., 1873.

203. Щапов А.П. Собрание сочинений. — Т. I. — СПб., 1905.

204. Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси XI—XIII веков. — М., 1978.

205. Щапов Я.Н. Прохирон в восточнославянской письменности // Византийский временник, № 38, 1977.

206. Щенков А.С. Исследование связи планировочной структуры и эстетических качеств исторических городов // Источники и методы исследования памятников градостроительства и архитектуры. — М., 1980.

207. Щенков А.С. Опыт реконструкции плана Твери конца ХУП века // Архитектурное наследство, № 28. — М., 1980.

208. Щенкова О.П. Китай-город в структуре центра Москвы ХУП века. // Архитектурное наследство, № 29. — М., 1980.

209. Яковлев А. Засечная черта в Московском государстве в ХУП веке. - М., 1916.

210. Яковлева О.А. Материалы по истории русской техники в неопубликованной летописи первой четверти ХУП века // Известия АН СССР; Отделение технических наук. — Вып. 4. — М., 1951.

Список сокращений

ААН СССР	— Архив Академии наук СССР. Ленинград
АИ	— Акты иторические
АН СССР	- Академия наук СССР
АЮЗР	— Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России
БАН СССР	— Библиотека Академии наук СССР
ГИМ	— Государственный исторический музей
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории АН СССР
ОР ГБ СССР	— Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина
ОР ГПБ СССР	— Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки СССР им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
ОР ГНБ УССР	— Отдел рукописей Государственной научной библиотеки УССР (Киев)
РИБ	— Русская историческая библиотека
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград)
ЦИБ АН УССР	— Центральная историческая библиотека Академии наук СССР

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие академика Б.А. Рыбакова 3
Книга о строительстве русских городов XУ1—XУН веков 4
Предисловие автора 11
Г л а в а Г. История вопроса 13
Г л а в а П. Градостроительное законодательство и принципы землемерия 33
Закон градский (Прохирон) 33
Чин закладки города 56
Применение землемерия при закладке городов и их реконструкции 62
Г л а в а Ш. Организация проектирования городов 69
Типы городов в Русском государстве XУ1—XУП веков 69
Проектирование городов 86
Г л а в а 1У. Строительство городов 107
Организация работ в новых городах 107
Организация работ в старых городах. Реконструкция существующих городов 149
Перенос городов на новое место 159
Роль воевод и специалистов в строительстве городов . 162
Г л а в а У. Художественный строй русских городов XУ1—XУП веков 169
Образцы и образы городов 169
Изменение художественного облика городов к началу XУШ века 179
Елец — пример города со свободной планировкой . . . 185
Из опыта составления историко-градостроительной подосновы 196
Список литературы 202
Список сокращений 212

Научное издание

Гали Владимировна Алферова

Русские города ХУГ—ХУН веков

Редакция литературы по градостроительству и архитектуре
Редактор *Т. А. Готова*
Внешнее оформление художника Л.Л. *Олендского*
Технический редактор *Р.Я.Лаврентьева*
Корректор *С.А.Зудилина*
Операторы *Н.М.Гайнулина, Т.С.Спиридонова*
ИБ № 4175

Подписано в печать 13.10.88 Т — 18199 Формат 84х108 1/32
Бумага офсетная № 1 Печать офсетная Усл.печ.л. 11,34
Усл.кр.-отт. 11,55 Уч.-изд.л. 13,02 Тираж 11 000 экз.
Изд. №И1Х-1659 Зак.№ 818. Цена 2 р.

Стройиздат, 101442, Москва, Каляевская, 23а

Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
300600, ГСП, г. Тула, проспект Ленина, 109

В СТРОЙИЗДАТЕ ГОТОВИТСЯ К ВЫПУСКУ В 1989 ГОДУ:

Яргина З.Н. Эстетика города. - М.: Стройиздат, 1989. - 20 л.: ил. - ISBN 5-274-00601-9 (в пер.): 4 р. 30 к., 10000 экз.

Рассмотрены эстетические основы градостроительной деятельности, выявлены особенности градостроительного искусства, органически сочетающего утилитарные и идейно-художественные стороны проектирования, специфика объектов художественного творчества, особенности эстетического восприятия города. Приведена система свойств, позволяющих описывать многообразные градостроительные объекты, проводить предпроектный композиционный анализ, сопоставлять эстетическую ценность различных градостроительных решений. Комплексное рассмотрение названных вопросов осуществляется впервые.

Для архитекторов и специалистов, работающих в области градостроительства.